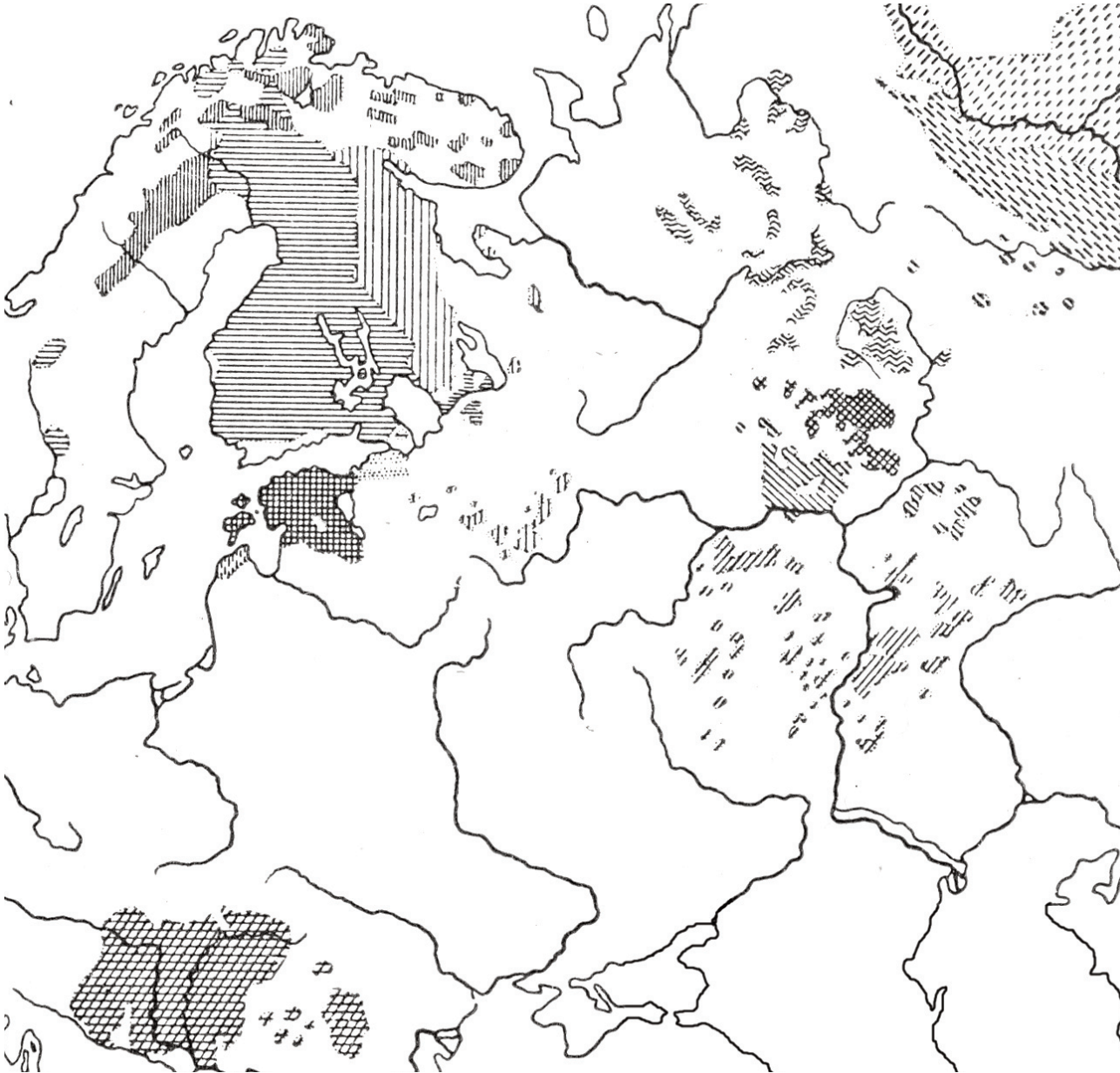
LINGUISTICA URALICA

LXII 2026 2



EESTI TEADUSTE AKADEEMIA
ESTONIAN ACADEMY OF SCIENCES

LINGUISTICA URALICA
Avatud juurdepääsuga ajakiri / Open access journal
Ilmub alates 1965. aastast / Published since 1965

Toimetuse aadress / Editorial office:
Kohtu 6, 10130 Tallinn, Eesti / Estonia https://www.kirj.ee/lu/
E-mail: lu@eap.ee lu@kirj.ee

Kajastatud andmebaasides / Abstracted, indexed in: Bibliographie Linguistique. Linguistic Bibliography (Permanent International Committee of Linguists, Netherlands); MLA International Bibliography; LLBA. Linguistics & Language Behavior Abstracts; EBSCO (Central & Eastern European Academic Source); Central and Eastern European Online Library (CEEOL); Airiti Library; Gale Academic OneFile database; ProQuest (Clarivate); DIGAR (National Library of Estonia); SCOPUS (Elsevier); ERIH PLUS (European Reference Index for the Humanities and Social Sciences); Scilit; CNKI; Crossref; Directory of Open Access Journals (DOAJ); Finnish Publication Forum (JUFO); Google Scholar; Initiative for Open Abstracts (I4OA); Linguistic Bibliography Online (Brill).

Peatoimetaja / Editor in Chief: Gerson Klumpp
Tegevtoimetaja / Executive editor: Väino Klaus

Toimetuskolleegium / Editorial Board: Rogier Blokland (Uppsala, Sweden), Jeremy Bradley (Munich, Germany), Arja Hamari (Turku, Finland), Tuomas Huumo (Lieto, Finland), Juha Janhunen (Helsinki, Finland), Petar Kehayov (Tartu, Estonia), László Keresztes (Debrecen, Hungary), Gerson Klumpp (Tartu, Estonia), Irina Nikolaeva (London, United Kingdom), Karl Pajusalu (Tartu, Estonia), Elena Skribnik (Munich, Germany), J. A. Cypanov (Syktyvkar, Russia), Ago Künnap (Tartu, Estonia), Lars-Gunnar Larsson (Uppsala, Sweden), L. S. Matrosova (Joškar-Ola, Russia), Jaan Õispuu (Tallinn, Estonia), Pekka Zaikov (Petrozavodsk, Russia)

"Linguistica Uralica" avaldab soome-ugri ja samojeedi keeli käsitlevaid töid.
Ajakiri ilmub kord kvartalis.

"Linguistica Uralica" invites contributions in Finno-Ugric and Samoyedic linguistics.
The journal is published quarterly.

Tellimisinfo / Subscription information: https://www.kirj.ee/subscription
E-mail: subscription@eap.ee

Kirjastus / Publisher:
Eesti Teaduste Akadeemia Kirjastus / Estonian Academy Publishers
Kohtu 6, 10130 Tallinn, Eesti / Estonia
https://www.kirj.ee https://www.eap.ee

Kujunduse ja küljenduse autoriõigused / Design and layout copyright:
© Eesti Teaduste Akadeemia Kirjastus / Estonian Academy Publishers, 2026

Kaanekujundus / Cover design: Ann Mirjam Vaikla, Vaikla Stuudio

Trükikoda / Printed by: Alfapress OÜ, Reti tee 8, Peetri, 75312 Harju maakond, Estonia

LINGUISTICA URALICA LXII 2026 2 : 129—154 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.01

ANTA TRUMPA, *VALTS ERNŠTREITS* (Rīga)

REEXAMINING LATVIAN LAKE NAMES ENDING IN *-eris*, *-ēris*, AND *-ieris*[1]

Abstract. This article discusses Latvian lake names ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* as names of possible Finnic origin. The article is an inventory of limnonyms — names of lakes and ponds — ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, i.e. lake names in Latvia already earlier noted by linguists to be connected with Courland Livonian *jāra*/*jōra* (LiV *järu*) 'lake' or Estonian *järv* 'id.'. Limnonyms not mentioned in other studies in this context are also compiled and analysed. In analysing the latter, an effort was made to separate words with a clear alternative origin (usually Latvian, but sometimes also, for example, German) from those that hypothetically could be connected with Livonian or Estonian lake names. The article concludes that not all earlier etymologies are plausible, because 1) some of these etymologies were provided by linguists lacking knowledge of Finnic languages, and 2) the origin of the first component of the place name has not been identified in all cases. The limnonyms and place names with existing etymologies, but for which Finnic etymologies are proposed for the first time in this article, form a fairly uniform area — Vidzeme, Latgale, and to a lesser extent Sēlija — and only rarely occur in Courland. The infrequency of this limnonym type in Courland may be a result of two parallel place name systems existing due to long-term bilingualism.

Keywords: hydronyms, limnonyms in Latvia, Finnic traces, substrate.

1. Introduction

Lake names ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* possibly having a Finnic source have attracted the attention of linguists numerous times; already in the first half of the 20th century, Baltic and Finnic language researchers — especially onomasts — wrote extensively on this subject. Linguists are interested in the fact that at least some of Latvia's lake names, or limnonyms, with these endings may have arisen with the ending derived as the second component of a compound based on LiC *jāra*/*jōra* (LiV *järu*)[2] 'lake' or Est. *järv* 'id.' (for more on this see, e.g., Balode 2015).

[1] The article also includes several grammatically feminine names ending in *-ere*, for example, *Āstere*, and grammatically masculine plural genitive forms with *-eru*, for example, *Vieveru ezers* and *Ismeru ezers*.

[2] The LiC western subdialect uses *jāra*, the eastern dialect — *jōra* (*ā* > *ō* is a relatively recent change in the LiC eastern subdialect).

Received 12 November 2024, accepted 4 May 2025, available online 19 June 2026.
© 2026 Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).

Though already in the 19th century, August Bielenstein and other Baltic Germans mentioned some of these place names as having a possible Finnic origin, the first linguist who drew special attention to limnonyms with these endings must have been the Lithuanian linguist Kazimieras Būga. He was very inspired by the first volume of Jānis Endzelīns' *Latvijas vietu vārdi — Vidzemes vārdi* (The Place Names of Latvia — The Names of Vidzeme) and considered it an inexhaustibly rich source, providing considerable insight into the Latvian language and into the contacts that Latvians had with other nations in antiquity. In 1923, in a review of this work in the journal *Tauta ir žodis*, Būga mentioned, among other things, possible Finnic traces in Latvian place names and also devoted a small section to place names ending in *-eris* (*-ēris*). Though Būga (1961 : 614), who acknowledged that he did not speak any Finnic language and called himself a layman in this area, had viewed Vidzeme place names intuitively — based on the word for 'lake' in Estonian or Livonian — by associating the ending *-eris* with *järvis* 'lake', he almost never provided an explanation for the origin of the first component. Of the 23 Latvian limnonyms with this ending that had previously been noted by linguists as having a Finnic etymology, five of these etymologies were first mentioned by Būga.

In 1934, in the journal *Zeitschrift für slavische Philologie*, in an article about Latvian hydronyms, Endzelīns also mentioned several names of possible Finnic origin in addition to hydronym forms with *-er-* (*-ēr-*) and *-ar-*, mostly confirming Būga's proposed etymologies, but also noting several other hydronyms as possibly Finnic, which Būga had not previously mentioned. Endzelīns (1934 : 114, 134), however, refrained from providing etymologies for their first components. He also hypothesised a connection between several lake names and LiV *järu* 'lake' or Est. *järv* 'id.' in the first volumes of *Latvijas vietvārdu vārdnīca* (Latvian place name dictionary; Lvv I, II), in which hydronyms of Finnic origin had not previously been considered. Additionally, he also provided explanations for the first component of several limnonyms, thereby initiating a tradition continued by later authors of this dictionary up to the present day, namely, to find at least one limnonym ending in *-eris*, *-ēris*, or *-ieris* in every volume of the place name dictionary for which an etymology had not previously been proposed.

Valentin Kiparsky (1939) also gave etymologies for some Latvian limnonyms with these endings in his 1939 monograph *Die Kurenfrage*.

In her 1968 article *Somugriskie hidronīmi Latvijas PSR teritorijā* (Finno-Ugric hydronyms in the territory of the Latvian SSR), Marta Rudzīte (1968) included a place name list in alphabetical order, which also included limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, though these are primarily place names of possible Finnic origin appearing in earlier publications by other researchers.

Two decades later, linguist Vallija Dambe was already bolder in proposing etymologies for hydronyms. She investigated and published etymologies also for the first component of all the limnonyms with the aforementioned endings included in her article. Dambe (1987 : 34) not only mentioned several etymologies given by earlier researchers, but also offered several new ones.

In the early 1990s publication *Madonas kalendārs 1994* (Madona calendar 1994), linguist Jānis Kušķis published a popular-scientific article about the spelling of certain place names around Madona, also proposing hypotheses for the source of several limnonyms which had not been mentioned earlier

— or later — as words of Finnic origin, but for which a Livonian or Estonian source is not entirely impossible. Kušķis (1993 : 78, 79) drew attention to fact that there is no shortage of place names — not just limnonyms — near Madona with the ending *-ere*, *-eris*, *ēre*, and *-ēris*, 'at the base of which may be the Estonian word *järv*, which means lake'.

Antons Breidaks (1983 : 196; 1989 : 329; 2003 : 14) and Valdis Juris Zeps and Jill Rosenshield (1995 : 349) discussed the etymology of one particular limnonym in several articles — the Latgale lake name *Sivers*. In their 1995 article, the latter two researchers gave several other Latgale limnonym etymologies relevant to the topic of this article, which were not previously connected to Finnic languages by other linguists, and also often provided parallels with place names in Estonia (Zeps & Rosenshield 1995).

Along with growing interest in Finnic influence on the Baltic languages, onomasts have also touched upon this topic in our millennium. Onomasts Laimute Balode and Ojārs Bušs were drawn to Latvian place names — including limnonyms — of possible Finnic origin not previously mentioned in linguistic literature by their work on several volumes of *Latvijas vietvārdu vārdnīca* (LVV I—IV; Balode 2007; Balode & Bušs 2009). In the two most recent volumes of *Latvijas vietvārdu vārdnīca*, Valts Ernštreits describes the etymology of place names of Estonian and Livonian origin and also updates several limnonym etymologies published earlier, as well as uncovers several new possible limnonyms of Finnic origins ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* (LVV V—VI).

In recent years, several articles have been published summarising place names of Finnic origin in Latvia's toponymy. These include Balode's (2015 : 62, 63) article on the criteria for identifying possible words of Finnic origin in Latvia's toponymy, which includes lake names ending in *-(j)eris*, *-(j)ēris-*, and *-(j)ieris* (the author, taking into account the possible origin of these names, refers to these as the second components of compound toponyms) and also mentions some of them explicitly. Also important to highlight is the section on Finnic-origin place names in the Latvian onomasticon by Bušs and Ilga Jansone (2019) in the book *Latvija: kultūru migrācija* (Latvia: Migration of Cultures), which also mentions place names of possible Finnic origin ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* identified by other linguists (Būga, Endzelīns, Dambe, etc.). These names include those for which a possible etymology is provided for the first component of the place name, as well as those, which 'are acknowledged as Finno-Ugricisms, though a specific origin is not given' (Bušs & Jansone 2019 : 236, 237).

Still, it is not impossible that there are more lake names of such origin in Latvia with the corresponding endings, because the Latvian onomasticon — based on the data in the Latvian Geospatial Information Agency's database (LĢia 2025) — contains a number of other limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which do not appear in the aforementioned studies together with other place names of Finnic origin. This includes names found near the Estonian border or in the speech area of the Livonic dialect of Latvian, which are areas where one might especially expect to find Finnic-origin place names. Location is, in fact, one of the additional criteria mentioned by Balode (2015 : 63) for identifying place names having this origin.

In her thesis, onomast Sanda Rapa (2013 : 157) mentioned that the ending based on the Finnic word for 'lake' 'became a stable topoformant in hydro-

nyms and even in other place names, for example, *Piniers* in Liezere, the name of the homestead Poņeri in Pitlane'.

This article's goals are 1) to compile information about limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*[3] which one or more linguists have etymologised as being based on Liv. *jāra/jōra* (*järu*) 'lake' or the Finnic stem **järvi* 'id.', attempting to evaluate these etymologies critically, based on data from historical sources, which, for objective reasons, was done unsystematically in the period before the major digitisation of sources;[4] 2) to analyse those Latvian limnonyms with *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which have not been mentioned in studies by other linguists in the context of Finnic-origin place names; and 3) to try to separate words with clearly different origins (usually Latvian, but sometimes also, for example, German) from place names which may be associated with the word for 'lake' in Livonian or Estonian, including location — as mentioned above — among the selection criteria, and where possible, to give an origin for the first component and parallels with place names in Estonia and Finland.

2. Limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which are described in linguistic studies as Finnic-origin place names[5]

This section compiles those Latvian limnonyms which at least one researcher has connected with the Estonian or Livonian word for 'lake'. In some cases, linguists' opinions have differed about the origin of a particular limnonym; the authors of this article have also made edits and corrections based on their own insights. As already noted, there are 23 limnonyms of this sort. For some of these, etymologies are also provided for the first component, for others not. For the majority of the place names for which an etymology has been provided for the first component, this is a Finnic-origin appellative or a comparison is given with an Estonian or Livonian place name.

2.1. Limnonyms with a first component that is possibly a Finnic-origin word

Āstere in Pāle[6] — referencing August Bielenstein, Būga (1961 : 622) associates the limnonym *Ãstere* with *Asti-gerwe*, *Astiyerwe*, which is mentioned in ancient documents and which is also the Estonian name (*Astijärv*) of Lake Burtnieks; Endzelīns agrees with Būga (Endzelīns 1934 : 134; also Rudzīte 1968 : 179; Bušs & Jansone 2019 : 237). Kiparsky (1939 : 204) also connects *Aystere*, *Aysteren* with the Finnic languages, considering it to be an altered form of **Hais*[*t*] *järvi* 'stinking lake', drawing parallels with the Finnish place names *Haislahti* and *Haisuneva*, and linking it with Salaca Liv. *aiš* 'to smell', Fin. *haista* 'id.', and Est. *haiseda* 'id.'; however, the village name *Aystere*, *Aysteren* mentioned in the 13th century (UB I 324) most likely is

[3] The article primarily analyses the limnonyms found in LĢia 2025. If a limnonym is mentioned by a linguist but is not found in LĢia 2025, then it is separately identified with a footnote.

[4] This has already been done several times, but none of these lists is complete (e.g. Balode 2015; Bušs & Jansone 2019).

[5] Several helonyms also occur in the list as a result of referencing, for example, data from Būga.

[6] Locations in this article follow the tradition of Latvian dialectology and onomastics, i.e. they are given according to their location in the administrative parishes of 1939.

not connected with the name of Lake *Āstere*. Kiparsky refers to Manfred von Vegesack (1932 : 20), who holds the view that the manor name *Āstere* was taken from the Hastver family, who owned the manor from 1526 to 1741. The name of the manor and lake being relatively new may also be shown by the fact that 15th-century sources mention a different name for the lake: *Peikerne erw* in 1419, *see to Poyker* in 1492 (BHO II 477). The name *Āsteres ezers* 'Lake Āstere' is also absent from maps before the early 20th century, though it should be noted that on many older maps the lake appears without any name at all (primarily on 17th—19th-century maps, a village named *Poiker* or *Poikern* appears next to the lake); on a 17th-century Swedish manor map: *Peuker Eser*.[7]

In the 1752—1835 atlas of Livonia, the lake's name is not mentioned at all, but marked next to it are the village *Poikern* and manor *Ahster M.*;[8] on an 1839 map, the lake and manor appear without a name, and only the village *Poikern* is mentioned.[9] The first map showing the name *Āsteres ezers* is the 1920—1940 Latvian army map.[10]

Thus, as the village name *Aystere*, *Aysteren* mentioned in the 13th century most likely refers to some other inhabited place, it is possible that the lake and village name *Āstere* is relatively new and developed as a result of the phonetic transformation of the German surname *Hastver*; however, that is also only a hypothesis. In any case, the origin of this limnonym, which regularly appears in lists of Latvian place names of Finnic origin, still remains unclear.

Jūseris in Sakstagals (the current official name in Latgalian: *Jiusers*) — Endzelīns (1934 : 134) mentions it with other hydronyms containing *-er-*, but does not provide an etymology. Edīte Hauzenberga (1932 : 120) allows for the possibility that this form may have arisen as a result of progressive assimilation from a place name with a second component, which is Latv. *ezers* 'lake', but she does not give an etymology for the first component. Based on this article, Endzelīns provides a hypothetical etymology for this name marked with a question mark **Jūs-ezeris*? (Lvv I 409). However, this etymology does not seem very convincing, because there is no other place name in the entire Latvian place name dictionary based on the pronoun *jūs* 'you (pl.)' and its forms. Furthermore, a form containing Latvian *ezers* in this lake's name has not been recorded even in the oldest sources, for example, the names recorded in German in 1542 are *Uswersche sehe* and *Uxerversche sehe* (LGU 2 : 586, 587).

Zeps and Rosenshield compare the form *Jyûsers* with an apparently corresponding Estonian limnonym *Juusa järv*; however, in sources from 1542, the German *Uxerversche sehe* is given as a Sakstagals limnonym. According to Zeps and Rosenshield (1995 : 349), if *x* is believable, then this contradicts any link with the Estonian place name.

The aforementioned form *Uxerversche sehe*, recorded in 1542, may be comparable to the Finnish limnonym *Yksjärvi*, which is most likely based on Finnish *yksi* 'one' + Finnish *järvi* 'lake'. In that case, this particular place

[7] See https://vesture.dodies.lv/#m=15/57.62688/24.72535&l=J/8&q=%C4%81stere.
[8] See https://vesture.dodies.lv/#m=12/57.58122/24.81726&l=J/LF&q=%C4%81stere.
[9] See https://vesture.dodies.lv/#m=12/57.58122/24.81726&l=J/LV&q=%C4%81stere.
[10] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.61024/24.74369&l=E/KDW/OST/LA75&q=%C4%81stere.

name may also be based on Estonian *üks* 'one' + Estonian *järv* 'lake', but subject to phonetic changes which occurred over the centuries. The consonant cluster *ks* was apparently already on the verge of disappearing when this form was recorded, because a parallel form without *ks* — *Uswersche sehe* — was also recorded. The cluster *ks* also does not appear in later mentions of this limnonym in historical sources, for example, the name *iezioro Iusier* recorded in Polish in 1599 and the form *oz. Ovsery* recorded in Russian in 1784 (Zeps 1984 : 575). The form *оз. Вусеры* is dominant on 19th-century Russian maps, for example on the 1866 three-verst map of Russia,[11] on the 1914—1919 map of western Russia in German — *Wußery-See*.[12] On maps from the 1930s, forms with *v* also likely occur due to Russian influence, for example on the 1933 large map of Latvia there is a settlement called *Vusari*,[13] while on the 1928—1936 Latvian army map the form *Useru ezers*[14] is recorded, which is already more similar to the form *Jiusers* that occurs in popular speech and is now the official name of this lake.

Thus, the connection of this limnonym with the Finnic languages is quite plausible.

Juveris in Dzērbene — Būga (1961 : 622) connects it with the village *Уверь* in the Principality of Novgorod, and provides a hypothetical derivation of it from a Finnish proto-form **Juv*(*o*)*järvi* (or **Juveri*) (1961 : 644). Endzelīns agrees with Būga (Endzelīns 1934 : 134; also Rudzīte 1968 : 181), while Dambe (1987 : 35) connects the first component of this word with Liv. *juvà* [more precisely: *juvā*/*jõvā* V.E.[15]] 'good'. Balode and Bušs adjust the etymology of the first component and associate it with the Estonian dialect form *jüvä* 'grain' [cf. also Est. *iva* 'grain', Liv. *jov* 'flour' V.E.], comparing it in terms of place name semantic typology with the Latvian hydronym *Graudupe* (lit. 'grain river') (Balode & Bušs 2007 : 37; Balode 2015 : 63; Bušs & Jansone 2019 : 237).

As a relatively small lake, it has not always been marked on older maps, but already on the 17th-century Swedish manor map a form similar to the modern one — *Juwar Esfar*[16] — appears, though with the vowel *a* instead of *e*. The form *Juwan S.*[17] is found on the 1839 map of Vidzeme, but it is most likely incorrect. 20th-century maps show names, which mostly conform to modern ones; for example, a form without an ending — *Juwer*[18] — appears on a 1914—1919 map in German, while the 1920—1940 Latvian army map in Latvian shows the name *Juveris*,[19] which corresponds entirely to the modern one. Thus, data from historical sources do not contradict the aforementioned etymological explanation.

Kaņieris in Sloka — referencing Bielenstein, Būga associates this word with *Canygerwe* (*Kangersee*) located near Sloka and mentioned in ancient

[11] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.62286/27.29446&l=J/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/RK/WI/L/0&q=Jiusers.
[12] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.61107/27.31869&l=J/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/RK/WI/L/0/4/7/KDW&q=Jiusers.
[13] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=3036613&y=7682476&z=15&h=75877.
[14] See https://vesture.dodies.lv/#m=16/56.61579/27.29274&l=J/LA25&q=Jiuser.
[15] Here and henceforth V.E. — Valts Ernštreits.
[16] See https://vesture.dodies.lv/#m=16/57.22075/25.67510&l=J/8&q=juve&r=57.221324/25.673434/Juveris.
[17] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2856841&y=7805094&z=14&h=50746.
[18] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.21261/25.68543&l=J/KN/X/Y/0/OST&q=juve.
[19] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.21603/25.69307&l=J/LA75&q=Juver.

documents (UB I 325, Būga 1961 : 622). Endzelīns, who even publishes several limnonyms in the place name dictionary — *Kaņieŗa ezers* in Nīca and *Kaņiẽris* in Sloka — does not provide an etymology for the first component, but connects the ending *-ieris* to Liv. *järu* 'lake' or Est. *järv* 'id.' (Lvv II 42; also Rudzīte 1968 : 182). Kiparsky (1939 : 213, 214), referring to the etymology provided by Hermann in 1896, connects the first component with Liv. *kanā* 'hen'. Balode and Bušs (2007 : 38) agree with this view, mentioning several typologically analogous forms in Latvian hydronymy, for example, *Gaiļezers* (lit. 'rooster lake') in Rīga, *Gaiļu ezers* near Daugavpils, *Vistu ezers* (lit. 'hen lake') near Cēsis. Dambe connects the first part of the hydronym with Liv. *kanà* [more precisely: *kanā* V.E.] or Est. *kana* 'hen' and, referring to the South Estonian speaker Silvija Raģe, allows for the possibility that this word refers to a duck [more precisely: North Estonian and South Estonian *hani* 'goose' V.E.] (Dambe 1987 : 34; also Balode 2015 : 63; Bušs & Jansone 2019 : 236).

However, the word *kana* is not palatalised in the Finnic languages; therefore, Est. *kaań* 'leech, bloodsucker' can be considered etymologically more suitable, as it still maintains palatalisation. Cf. seven lakes in Estonia, the names of which are either partially or entirely *Kaanjärv*; by contrast, there are currently no lakes in Estonia named *Kanajärv* (BM). This typological analogy, where the lake's name is based on an appellative meaning 'leech, bloodsucker', also occurs in Latvia, for example, the lake *Dēlene* in Alsunga (LĢia 2025), cf. Latvian *dēle* 'leech, bloodsucker', and in Lithuania, for example, the lake *Dėlinis* near the settlement of Obeliai (BM), cf. Lithuanian *dėlė* 'leech, bloodsucker'. Apparently, such limnonym semantics are not unusual in the Baltic region; therefore, a connection between the name *Kaņieris* and Estonian (?) *kaań* 'leech, bloodsucker' + *järvi* 'lake' is quite plausible.

Another less plausible hypothesis regarding the origin of the limnonym *Kaņieris* is the following: in previous centuries, the German name for this lake has been given as *Kanger See* or *Kangern See*. For example, the German name for the lake in the 1752—1835 Vidzeme atlas[20] and in the 1820 geographical atlas of the Russian Empire[21] is *Kangern See*; on the 1839 special map of Vidzeme — *Kanger See*;[22] on the 1859 Latvian-language map — *Kangarue* (a lake or settlement?);[23] on the 1905 special map of European Russia in Russian — *Оз. Кангеръ*;[24] only on the 1917 map of Kurzeme in German is there a form without *g* — *Kanjer See*;[25] on maps published in Latvian beginning in the late 19th century, only the forms *Kaņieris* or *Kaņiera ezers* are found, for example, *Kaņeeris*[26] on Siliņš's 1896 map, but *Kaņiera ez.*[27] on the 1920—1940 Latvian army map.

Thus, based on the lake's German name and the fact that Baltic Germans pronounced *g* as [*j*], it is possible to propose the hypothesis that the lake's name could have also been based on Livonian *kāngaŗ* 'sandy coastal hill;

[20] See https://vesture.dodies.lv/#m=10/56.92699/23.50662&l=J/LF&q=Ka%C5%86ie.
[21] See https://vesture.dodies.lv/#m=10/57.00759/23.79547&l=J/X&q=Ka%C5%86ie&r=57.003487/23.466319/Ka%C5%86ieris.
[22] See https://vesture.dodies.lv/#m=12/57.05250/23.55795&l=J/8A/GB/ZD/ME/LV&q=ka%C5%86ier.
[23] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2581761&y=7744832&z=10&h=34423.
[24] See https://vesture.dodies.lv/#m=12/57.05250/23.55812&l=J/LF/Y&q=ka%C5%86ier.
[25] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.02396/23.49451&l=J/WI/L&q=ka%C5%86ier.
[26] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2622089&y=7746557&z=11&h=34255.
[27] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.99991/23.48403&l=J/LA75&q=ka%C5%86ier.

petrified dune', especially considering that the lake is located near the sea and *kāngaŗ*-type formations — long, narrow dunes between swampy hollows — could have been found nearby. Presently, at least two other lakes named *Kangaru ezers* are found elsewhere in Latvia, for example, in Ropaži and Veclaicene (LĢia 2025; BM). Most likely, the former *Kaņieŗa ezers* in Nīca was also located near the sea, and its etymology may therefore also be the same. But this too is only one of the possible hypotheses, and the names *Canygerwe* and *Caneierwe*, which are mentioned by Bielenstein and recorded in old documents, cannot be ignored, as these, after all, point directly to a link with the Finnic word for 'lake'.

Kasteris in Kapiņi[28] — Endzelīns connects this limnonym with the loanword *kasteris* 'brome (grass)', < Russian *костéрь* 'id.' (EH I 592; Endzelīns 1934 : 134), while Zeps and Rosenshield (1995 : 349) permit a Finnic origin, though they do not provide a specific etymology, but note that the German *Schostevern sehe*, given in 15th-century sources, makes this hypothesis less likely, though does not disprove it. Taking into account the location of the limnonym — i.e. very close to Lake Sivers, the name of which has a generally accepted Finnic origin — it may be that this place name can indeed be compared with the Estonian limnonym *Kastjärv* (in Jõhvi parish).[29] However, this place name is unfortunately not included in the Estonian place name dictionary, though it can be found in the Estonian place name card file, where the informant explained that the lake derives its name from its box-like shape (EKIKNK); there is also a lake named *Kastijärv* in Põlva parish in Estonia, which has not yet been etymologised. Taking into account that Est. *kast* 'box' as well as Latv. *kaste* 'id.' are borrowings from Middle Low German, they could not be based on ancient Finnic borrowings such as those found among the place names of southern Latgale. Perhaps the etymology of these words could be connected with Est. *kaste* 'dew', *kastma* 'to sprinkle' (ILV), and Liv. *kastõ* 'id.' (LILV). However, if the limnonym mentioned by Endzelīns still appears on 18th-century maps with the root *Kast-*, for example, *Кастырь* on a 1785 map, but in the present day, as well as on the majority of maps and in place name lists beginning from the start of the 20th century, it appears with the root *Kust-*, for example, *Kustaru ezers* (LĢia 2025), then perhaps the name changed as a result of folk etymology.

Kaučers[30] in Preiļi — Endzelīns lists the limnonym *Kàučęrs* in the Latvian place name dictionary, but does not give an etymology for it (Lvv I 61), while Zeps & Rosenshield (1995 : 349) connect this place name with the Estonian limnonym *Kaugjärv* and Est. *kaug-* 'far' < 'long'. The Estonian limnonym *Kaugjärv* is considered an ancient name, which is based on the root *kaug-* 'far' < 'long' (EKNR); this lake's distinctly elongated form can be seen in BM.

Old maps show a rather unclear situation with respect to this lake's name. From the 18th to the 20th century, this name or a similar one was used on maps to refer to two lakes: the current *Kaučers* and a nearby lake, the official name of which is *Stūponu ezers*. On the 1785 Russian-language Dinaburg map, the current *Kaučers* is given as *озе: Кавчерь* (LĢia 2025); on an 1866

[28] This place name does not occur in this form in LĢia 2025; however, the form *Kustaru ezers* does occur.
[29] Zeps and Rosenshield (1995 : 349) connect this Estonian place name to the lake name *Kastirs* in Jasmuiža, which is not discussed in this article.
[30] This place name is not included in LĢia 2025.

Russian-language map as *Оз. Сюдово*;[31] and on a 1905 Russian-language map as *Оз. Слудавас*, but *Stūponu ezers* (cf. the nearby village name *Stupāni*)[32] is labelled *Кавчар*. On the 1915 German-language three-verst map of Russia, it appears as *Oz. Ljudowo*;[33] however, on the first map written in Latvian, the 1920—1940 Latvian army map, the current *Kaučers* is marked as *Sjudavas* ez., while the current *Stūponu ezers* is marked as *Kaučaru ez*.[34] As recently as the 1960s, on a Russian-language map, the two lakes are found next to each other with similar names, likely from the same source — *оз. Каучер* (now *Kaučers*) and оз. *Кавчар* (now *Stūponu ezers*). On a 1986 Russian-language map, both lakes are recorded with the same name, *оз. Каучер*.[35] Both lakes received their current names only in recent times, apparently as a result of intentional place name standardisation.

Returning to a discussion of this place name's source, though formally *Kaučers* is not easily connected with place names such as Estonian *Kaugjärv*, nevertheless it is possible that this place name came into use before modern varieties of Estonian became differentiated from Proto-Finnic, and that phonetic changes, which began with historic **-k-* in the Finnic root **kauk-* 'long' and, subsequently, the sound changes *k* > *ǩ* > *č* are possible in the Latgalic subdialects of Latvian. However, taking into account the lake's shape and, therefore, its connection with the Estonian word *kaug-* 'far' < 'long', it should be noted that present-day *Kaučers* is not especially long, but compared with neighbouring lakes, including present-day *Stūponu ezers*, it does have an elongated shape. By comparison, similar forms, i.e. not long but elongated, also include the typologically corresponding lake *Ildzis* in Vītiņi parish in Latvia, which is connected with the Latvian word *ilgs*. One of the oldest meanings of *ilgs* is 'long', which has been preserved up to the present day in the Lithuanian word *ilgas* 'id.'.

Taking into account the linguistic as well as geographic aspects, Zeps's and Rosenshield's hypothesis is not impossible.

Musteris in Lejasciems (the current official name is *Mustera ezers*) — *Musteŗa ez.* — Endzelīns (1934 : 134) considers this place name to be a loan from Est. *Must-järv* 'black lake'. However, he does not mention this place name in the place name dictionary — only the name of a ditch *Musteŗa grāvis* in Sinole and a limnonym *Mustur-ezers* in Lizums — and also does not connect the second component of these place names with *järv*, but only with a borrowing from Estonian *mustis* 1) 'black dog', 2) 'a dismissive term for a person with a dirty face' (ME II 672; Lvv II 459). The Estonian dialect dictionary,[36] however, does not show such a meaning for this word. In present-day Estonia, based on the official Estonian place name register, there are 32 lakes with the name *Mustjärv* (RKAT 2024).

Lejasciems is also located in the Leivu South Estonian language area (for more on this see, e.g., Jansone 2021; Zemzare 1940); therefore, a Finnic source

[31] See https://vesture.dodies.lv/#m=13/56.25572/26.91301&l=I/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/WI/L/0&q=kau%C4%8De.
[32] See https://vesture.dodies.lv/#m=13/56.27005/26.88801&l=E/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/RK&q=kau%C4%8De.
[33] See https://vesture.dodies.lv/#m=12/56.24545/26.93573&l=J/4&q=kau%C4%8Der.
[34] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.26177/26.88964&l=O/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/RK/WI/L/0/4/6/7/KDW/OST/LA75&q=kau%C4%8Der.
[35] https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.26665/26.87965&l=O/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/0/4/6/7/KDW/OST/LA75/LA25/GE3&q=kau%C4%8Der.
[36] https://arhiiv.eki.ee/dict/ems/index.cgi?Q=mustis&F=M&C06=et.

for this lake's name is highly plausible. The lake [*Mus*]*ter* is mentioned in a 1564 document written in German (LVA VI 255), and the phrase *aus der Musterschen seehe* occurs in a 1588 document in connection with this lake (LVA VI 310). With respect to the semantic motivation — at least in the present day, it is surrounded by trees, and the lake's water looks dark, even black.

Ninieris in Priekuļi — Endzelīns hypothesises a connection between this lake name and the Estonian village name *Nina* and Est. *järw* 'lake' (Lvv II 480; also Rudzīte 1968 : 188). Hauzenberga (1932 : 134) also recognised a connection with *järv*, while Dambe connects the first component of the place name with Liv. *nīn* 'castle', Liv. *nī'n* 'wide belt' [more precisely: *nīn* 'wide belt, bast' V.E.], or also Est. *nina* 'nose' (Dambe 1987 : 34; also Balode 2015 : 62; Bušs & Jansone 2019 : 236). As there is no record of a castle or castle mound near the lakeshore,[37] it is more plausible that this limnonym is connected with Est. *nina* 'nose; peninsula' or Liv. *nīn* 'wide belt; bast'. No peninsulas appear on the map of the lake, though one of the lake's bays has a shape reminiscent of a nose; however, the Ninieris swamp, which directly abuts the lake, is divided into several parts with long peninsulas (see Figure 1).

Figure 1. **Lake Ninieris on a current map (BM).**

We would like to propose a hypothesis that several centuries ago, the lake included the current swamp, with the lake and current swamp forming a single larger lake with peninsulas. That a lake was located in the place of the current swamp may possibly be evidenced by an 1839 map, on which two lakes are visible: Ninieris and a smaller lake in the middle of the swamp. Neither this, nor any other historical map records the name of Ninieris or this smaller neighbouring lake.

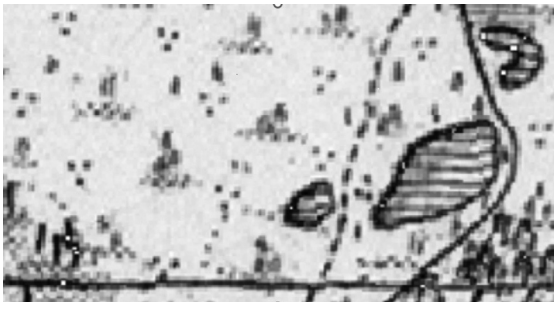


Figure 2. **Lake Ninieris and the smaller neighbouring lake on the 1839 special map of Vidzeme.**[38]

[37] No castle mounds are marked on the shore of Lake Ninieris on the Latvian Castle Mound Map, see: https://www.latvijas-pilskalni.lv/pilskalnu_karte.html.
[38] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2814799&y=7829376&z=15&h=50746.

The time when the lake was not overgrown was most likely an even earlier period, which is not recorded on maps, but based on available maps, the hypothesis that the name of Lake Ninieris is connected with Est. *nina* 'nose; peninsula' or Liv. *nīn* 'wide belt; bast' and Est. *järv* 'lake' or Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'id.' is quite plausible.

Piksteres ezers in Vārnava — Endzelīns (1934 : 134) mentions the place name *Piksteres ęz*. among hydronym forms with *-er-* but does not provide an etymology. 19th-century maps record the limnonym much as at present, for example, *Pixter See* on the 1846 German-language map of Courland[39] or *Оз. Пикстернъ* on the 1866 Russian-language three-verst map of Russia.[40] In *Latvijas vietvārdu vārdnīca*, the Courland hydronyms *Pikstere*/*Pīkstere* — a river — and *Piksteres ezers* — a lake — are hypothetically etymologised as Finnic-origin place names, though without providing specific etymons and adding that 'Finno-Ugricisms are not characteristic of the area' (LVV I 374—375; LVV II 100). In an article on possible Finnic-origin place names in Latvia, Balode (2007 : 55, 56) posits a hypothetical connection between these place names and Liv. *pīk* or Est. *piik* 'pike, spear' and Est. *järv* or Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'id.'; she also states that for this etymology, the lake name is older and the river name is derived from it. As the lake has an elongated shape, a connection with Est. *pikk* 'long' (ILV; Balode 2004 : 8) and Liv. *pitkā* 'id.' cannot be ruled out, considering the *-s-* component found in Livonian compounds, cf. *õdõgspūol* 'evening (time)' and *võidagslēba* 'sandwich' (LILV). However, on the whole, the connection between this limnonym and the Finnic languages is rather tenuous.

Piniers[41] — a meadow, formerly a lake in Liezēre — in *Latvijas vietvārdu vārdnīca*, this toponym is etymologically linked to the Latvian dialect form *pine* 'female dog' (ME III 219), which, in turn, is most likely a borrowing from Liv. *piņ* 'dog' or South Est. *pini* 'id.'; the second component is linked to Est. *järv* or Liv. *jōra* (*järu*) 'lake' (LVV II : 50). Balode (2007 : 54; 2015 : 63) also supports this etymological analysis, noting hydronyms with analogous semantics in the Lithuanian and Old Prussian onomasticons, for example, *Šunupis* — a river, < Lith. *šuo* 'dog' (Vanagas 1981 : 336), *Kãlupis* — a river, < Lith. *kalė* 'female dog', *Sune* — a lake, < OPr. *sunis* 'dog' (Gerullis 1922 : 176).

Sāsēris in Lubeja — Būga (1961 : 622) mentions the limnonym *Sàsēris* and helonym — a bog, marsh, or swamp name — *Soseris* among Finnic-origin place names with *-eris* and *-ēris*; referencing Būga, Endzelīns mentions the form *Sàsēris* as Finnish-like (Endzelīns 1934 : 134; also Rudzīte 1968 : 191; Balode 2015 : 63; Bušs & Jansone 2019 : 237). Ernštreits hypothesises a connection for the first part of the limnonym with Est. *saast* 'dirt, scum' or Liv. *sastā* 'mucous, earwax', and for the second part with LiC *jāra*/*jōra* 'lake', Salaca Liv. *järu* 'id.', and Est. *järv* 'id.' (LVV VI 282).

It is possible that the second part of the limnonym, recorded on the 17th-century Swedish manor map as *Saa Eser*,[42] is connected with Latvian *ezers*, in which case the name developed as a result of the combination and shortening of both components. Though maps from the Swedish period are not sufficiently plausible, because the Latvian-language knowledge of

[39] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2836556&y=7643975&z=12&h=34479.
[40] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.44771/25.57175&l=J/0&q=pikster.
[41] This place name is not included in LĢia 2025.
[42] See https://vesture.dodies.lv/#m=16/56.94169/26.06011&l=J/8&q=s%C4%81s%C4%93ris.

those drawing the maps was most likely not especially good, and it cannot be ruled out that the word *Eser* was added there as a result of phonetic similarity. On 18th-century maps, Lake *Sasēris* appears without a name, which was often the case for small lakes. The 1866 Russian-language three-verst map of Russia gives the name as *Оз. Сассаръ*,[43] while the 1916 German-language aerial navigation map gives it as *Sassar S*.[44] The first Latvian-language map — the 1920—1940 Latvian army map — records the same name for the lake as that used in the present day — *Sasēris*.[45]

Taking into account these later records, a connection between the limnonym and a Finnic source cannot, nevertheless, be ruled out.

Sedziers in Zvirgzdene — Hauzenberga considers the forms *Sedzers*, *Sedzērs*, and *Sedziers* to be changed from **Sedezeris*, where an unstressed root vowel has been lost in the second part, comparing the first part to the Latvian place names *Sęduli* and *Sęduoli* and the Lithuanian place names *Sedos m*[*ies*]*t*[*as*], *Sedūnų k*[*ai*]*m*[*as*] (Hauzenberga 1932 : 120; cf. also LVV IV 301), while Zeps and Rosenshield (1995 : 349) connect this place name with the Estonian limnonym *Särgjärv* and Est. *särg* 'roach (a species of fish)'.

This lake is also small and almost never appears on old maps; in the historical sources where it does appear, forms with *rg* are not found. For example, it is recorded, perhaps incorrectly, as *oz. Seder(')* in Russian in 1784, and as *Seder* in Russian in 1906 (Zeps 1984 : 448). The first maps recorded in Latvian already show forms with *dz* — *Sedzera ez*., for example, on the 1928—1936 Latvian army map,[46] which apparently prompted researchers to think that a form with *g* — *Seg* — had existed earlier, because the sound change *g* > *dz* is characteristic of the Latgalic subdialects. This does not, however, explain the loss of *r*; therefore, this explanation can be considered rather hypothetical.

Siveris in Dagda (the current official name is *Sivers*) — Endzelīns (1934 : 134) mentioned it among hydronym forms with *-er-*, though it has not been etymologised. Breidaks seems to have been the first to etymologise this as a Finnic-origin place name, comparing it to the Finnish lake names *Syväri* and *Syvärijärvi*, which Max Vasmer (1934 : 393) connects with the Finnish adjective *syvä* 'deep', but which has a more plausible link with Finnish *syväri* 'eddy; whirlpool; the deep' (Breidaks 1983 : 196; 1989 : 329), while Dambe links the first part of this Latgale limnonym with Est. *süva* 'deep', noting that this lake really is deep — in some places reaching a depth of 24.5 m (Dambe 1987 : 35; also Balode 2015 : 63; Bušs & Jansone 2019 : 236). Zeps and Rosenshield (1995 : 349), however, propose that this limnonym is connected with the Estonian lake name *Suur-*, which apparently is based on Est. *suur* 'large' + *järv* 'lake'; though Breidaks (2003 : 14) considers this explanation of its origin incompatible with Latgalian historical phonetics, and one must agree with this view. This lake name occurs in historical sources already from the 16th century: in 1595 in Polish — *Sever*, in 1599 in Polish — *Siewior*, in 1739 in Polish — *Siewierz al. Siwer*, and in 1792 in Russian — *Siver* (Zeps

[43] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.94529/26.09719&l=J/0&q=s%C4%81s%C4%93ris.
[44] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2901463&y=7747077&z=13&h=50945.
[45] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.93701/26.07652&l=J/LA75&q=sas%C4%93r&r=56.940584/26.063173/Sas%C4%93ris.
[46] See https://vesture.dodies.lv/#m=15/56.55385/27.58111&l=J/LA25&q=sedz%C4%ABe&r=56.556737/27.554829/Sedziers.

1984 : 455). The historical names also do not contradict Breidaks's proposed explanation of its origin.

2.2. Limnonyms with a Latvian or Germanic first component

Some limnonyms with an etymologised first component are connected with a Latvian word, sometimes also a loan from German. Dambe has provided an especially large number of such etymologies.

Dūņieris in Sloka — Dambe considers this word to be based on Latv. *dūņas* 'sludge, mud' + *-eris*, which resulted from the borrowed word for 'lake' (Dambe 1987 : 34—35; also Balode 2015 : 62; Bušs & Jansone 2019 : 237).

Hauzenberga (1932 : 134) had also noticed the similarity with *järv* even earlier. Names recorded on historical maps, however, do not confirm this hypothesis, as forms without the ending are found in earlier sources: on the 1791 German-language map of Rīga District — *Duhne See* (or incorrectly as *Dahne See*);[47] on the 1839 German-language special map of Vidzeme — *Duhne S.*;[48] and on the 1866 Russian-language three-verst map — *Оз. Дуня*.[49] Forms with the ending begin to appear on maps only around the early 20th century, for example, on the 1908 One-verst map of Russia as *Оз. Дунер*[50] or in Latvian on the 1920—1940 Latvian army map as *Dūņera ez.*[51] Therefore, we would like to propose that *Dūņieris* in its current form is a relatively new name and that the topoformant *-ieris* was added to it as a result of influence from the neighbouring lake *Kaņieris*; earlier its name was most likely *Dūņu ezers*.

Gulbēris in Mēdzūla — Būga (1961 : 622) does not consider the limnonym *Gùlbēris* to be a Finnic-origin name. Dambe was the first to link this word etymologically with Livonian, connecting the ending *-ēris* with 'the borrowed concept of a lake', but the first part to Liv. *gul'b* 'swan', which is a borrowing from Latvian (Dambe 1987 : 34; also Balode 2015 : 63; Bušs & Jansone 2019 : 237). The etymology of the first component is doubtful, as this name is a relatively new borrowing, which is found only in Vidzeme Livonian (LiC *klūkõz*; Est. *luik*).

Historical sources reveal an interesting situation, where a German description in 1600 gives the name of the lake as *Gulbenn* (LVA 214). If it is recorded correctly, then the source of the lake's name really is Latvian, i.e. connected with the Latvian word *gulbis* 'swan', and the topoformant *-ēris* may have been added later as a result of influence from other nearby limnonyms. Confusing, however, is the name recorded on the 17th-century Swedish manor map — *Gullbergs Lacus*,[52] though it may be incorrect. Nevertheless, it still allows us cautiously to propose another hypothesis, namely that the

[47] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2618445&y=7754206&z=13&h=50911.
[48] See https://vesture.dodies.lv/#m=13/56.99569/23.50001&l=J/LF/LV/PGM/8&q=d%C5%AB%C5%86ieris.
[49] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.97441/23.50619&l=J/0&q=d%C5%AB%C5%86ieris.
[50] See https://vesture.dodies.lv/#m=15/56.99259/23.50167&l=J/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/RK/WI/L/0/4/5/6/7&q=d%C5%AB%C5%86ier&r=56.988800/23.499300/D%C5%AB%C5%86ieris.
[51] See https://vesture.dodies.lv/#m=15/56.99259/23.50167&l=J/LF/KN/X/Y/G100/8A/GB/ZD/ME/LV/RK/WI/L/0/4/5/6/7/KDW/OST/LA75&q=d%C5%AB%C5%86ier&r=56.988800/23.499300/D%C5%AB%C5%86ieris.
[52] See https://vesture.dodies.lv/#m=15/56.99162/25.99198&l=J/8&q=gulb%C4%93ris.

lake's name may have come from the name of a nearby manor recorded in 1681 — *Gulbergz hoff* (BHO 207) — and not the other way around; the name of the manor, however, may be based on a surname. In recordings of the lake's name on later maps, *-berg-* does not appear, for example, *Gulbern* on the 1839 Vidzeme Special map in German, which may indicate that the names recorded on the Swedish maps were incorrect.

Spicieris in Valka — Dambe was also the first to provide an etymology for this hydronym, hypothetically connecting the first component with either the Latv. loanword *spics* 'pointed, sharp' or with Est. *pikk* 'long' with an added *s*; the onomast considers the second hypothesis to be more plausible, because the lake is long and narrow (Dambe 1987 : 34; also Balode 2015 : 63; Bušs & Jansone 2019 : 236). However, this limnonym's phonetic structure and recorded forms make one consider the first hypothesis more probable.

17th- and 18th- century maps do not record this lake's name; the form *Spitzer S.* dominates on 19th-century German-language maps, for example, on the 1839 special map of Vidzeme in German,[53] and *Спицеръ* on the 1867—1881 map of Russia.[54] Noteworthy is the form recorded on Siliņš's 1891 Latvian-language map — *Spiz=ef*,[55] which may confirm that along with having a name of likely Estonian origin, the lake was also called *Spicezers* in Latvian.

The connection between the origin of this group of limnonyms and the Finnic word for 'lake' should be treated with caution. However, a phenomenon can be observed in at least some of these place names, whereby, as a result of influence from Finnic-origin limnonyms, the endings *-ieris* and *-ēris* may have begun to function as a means of word formation in certain regions in Latvia, which were later used as topoformants also in forming lake names of Latvian or other origin (for this see Rapa 2013 : 72, 103, 157). Cases such as these — where a place name is formed according to a certain example, in this case, using a particular formant in the names of similar objects — are studied by toponymic model theory, one of the originators of which was the Czech linguist Rudolf Šrámek (1972—1973).

2.3. Limnonyms for which no etymology is given for the first component

Seven of the limnonyms with the corresponding ending have no etymology given for their first component; however, specifically due to their ending and possibly also because of the location of these place names, they are considered to be Finnic-origin names. Kušķis has been the strongest proponent of this hypothesis.

Jumīzeris in Lazdona (the current official name is *Jumīzelis*) — Kušķis (1993 : 79) associates the second component of this place name with an Estonian lake name but does not provide an etymology for the first component. No one else has given this explanation either before or since Kušķis's publication. Endzelīns references Hauzenberga's publication in the *Filologu biedrības raksti* (Publications of the Society of Philologists), where she connects this form with the Latvian word *ezers* 'lake' and explains the change in the word with the loss of an unstressed vowel in the root of the second compo-

[53] https://vesture.dodies.lv/#m=13/57.42032/25.95745&l=E/LV/8&q=spicieris&r=57.420321/25.957451/Spicieris.
[54] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2883302&y=7843669&z=12&h=50908.
[55] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2883302&y=7843669&z=12&h=34255.

nent of the compound; however, she does not explain the origin of the first component (Hauzenberga 1932 : 120; Lvv I 403). In her publication, Hauzenberga (1932 : 142) mentions the lake name *Jūmīzeris* along with a swamp name — *Jūmīzels* — found in the neighbouring Mārciena parish. She explains the swamp name as a result of dissimilation, whereby *r* > *l*, and gives similar examples in Latvian, including the place names *Kapšeļa kalns* < *Kapšeŗa kalns*, *Tosmales ezers* < *Tosmares ezers*, and *Zīguļi* < *Zīgurs*.

Apparently, this same process later also occurred with this limnonym, bringing its ending *-eris* closer to the — productive in Latvian — ending *-elis*. Similar processes are also known to have occurred in other Baltic languages, for example, Lithuanian *revolveris* > dialectally *levorvelis*.

The lake is so small that it does not always appear on historical maps, and the name never appears on any of them. This and other etymologies provided by Kušķis for Madona-area limnonyms should probably be viewed with caution, though they also cannot be entirely ruled out, taking into account that several other linguists posit a connection with Est. *järv* 'lake' in their etymologies for a number of other Madona-area limnonyms (for example, *Piniers* — a meadow, a former lake in Liezēre, and *Sezēris* — a lake in Liezēre).

Ķeiseris in Mālpils[56] — Endzelīns allows for a hypothetical connection between the second part of the limnonym *Ķeĩseris* and Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake', but does not provide an explanation for the origin of the first component; he also compares this place name to *Ceisars* [a meadow in Virbi] (Lvv II 202; also Rudzīte 1968 : 184; Balode 2015 : 63; Bušs & Jansone 2019 : 237).

Liezēris near Madona — Kušķis (1993 : 79) connects the second component of this place name with the Estonian word for 'lake', but does not give an etymology for the first component. Būga (1961 : 622), however, does not consider this limnonym to be Finnish-like, though he also does not provide an alternate etymology. Endzelīns, for his part — and based on Hauzenberga's study — allows for the hypothetical possibility that the Madona-area manor name *Lìezẽris*/*Liezẽre*, the forest name *Liẽzeris* in Skaņkalne, the house name *Liẽzeŗi* in Ādaži, and the lake name *Liezeru ezers* in Krustpils derive from **Lielezeris* 'big lake' (Hauzenberga 1932 : 120; Lvv II 340).

The lake and manor name *Loeser* is mentioned already in 1600 (LVA 214), while other historical sources record the manor name *Laesers hoff* in 1681 (BHO 362). On the 17th-century Swedish manor map, the forms *Siöön* and *Lesars* occur (parallel names?);[57] the lake is not mentioned on the 1839 special map of Vidzeme, but the name of a settlement next to it is recorded in German as *Löser*;[58] on the 1866 three-verst map of Russia the lake's name is *Лёзеръ*;[59] the lake's name is not mentioned on an 1859 Latvian-language map, but the settlement next to it is *Leefere*;[60] and Siliņš's 1896 Latvian-language map records it as *Leeferes ef*.[61] Data from historical sources, including historical maps, show that the name of the lake (as well as the manor and settlement) has been similar to its modern name since at least the end of the 16th century, which does not confirm Hauzenberga's hypothesis regarding *Lielezeris* being its original form. If the limnonym truly were

[56] This place name is not included in LĢia 2025.
[57] See https://vesture.dodies.lv/#m=16/57.00639/26.05863&l=J/8&q=liez%C4%93ris.
[58] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.00843/26.08669&l=J/LV&q=liez%C4%93ris.
[59] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.00138/26.06772&l=J/0&q=liez%C4%93ris.
[60] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2883721&y=7752489&z=11&h=34423.
[61] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2893694&y=7760361&z=12&h=34255.

based on the Latvian words *liels* 'large' + *ezers* 'lake', then this would imply more than 400 years of phonetic changes. As the possible Finnic origin and semantics of the first component are also not clear, this hypothesis should be treated with caution, and this place name can for now be considered unetymologised. Still, this lake's location — near Madona — favours a Finnic origin, as other place names of such origin are found there.

Līdēris (the current official name is *Lielais Līdēris*, and nearby there is also a lake named *Mazais Līdēris*) in Lubeja — Kušķis (1993 : 79) connects the second component of this place name with the Estonian word for 'lake', but does not provide an etymology for the first component. Būga (1961 : 622) does not consider the limnonym *Lìdēris* to be Finnish-like and also in this case does not provide an alternate etymology. Endzelīns proposes a hypothetical connection for this lake and manor name in the Latvian place name dictionary with the personal name *Lidija* (Lvv II 318).

Though linguists mention only one lake in connection with this limnonym, this has nevertheless been the name of two neighbouring lakes for at least six centuries. Already in 1408, two neighbouring lakes are mentioned in a document in German: *kleine Liederwe* and [its inflected form] *in der grossen Liederwer see* (LGU I 190), which correspond to the modern *Mazais Līdēris* and *Lielais Līdēris*. Though the word forming this limnonym's first component is still not clear, these records confirm Kušķis's intuitively stated hypothesis regarding its Finnic origin. Apparently, the Latvianisation process of the limnonym had already begun in the 15th century with the disappearance of the consonant *j*. On the 17th-century Swedish manor map, the modern lake name *Lielais Līdēris* corresponds to the German name recorded in Latin, *Gross Lijder Lacus*, while the name *Mazais Līdēris* corresponds to the Latvian name recorded in Latin — *Masa Lijder Lacus*.[62] Apparently, the consonant *v* had already disappeared by the 17th century. The 1792 Rīga District map shows the Russian form *Лидернъ*,[63] the 1866 three-verst map of Russia — *Оз. Бол. Людернъ* — and the apparently incorrect form recorded with *o* — *Оз. Мал. Лодернъ*,[64] while the 1889 Latvian-language map records the form *Lihders*.[65] The manor name *Lydershoff* is mentioned in 1681 (BHO 366); a document from 1600 mentions the river name *Liedershe grenntzbeche* (LVA 214). Most likely, the lake name is the source of the manor and river names, and they therefore also have a Finnic origin. The name's first component could be connected with the South Estonian word *leed'e* 'low, marshy, infertile land' and the Estonian surname *Leedjärv*. This discovery allows us to speak with more certainty of the Madona area as a region with place names of Finnic origin, including those based on Est. *järv* 'lake'.

Nīzeris — a swamp in Lēdurga — Būga (1961 : 622) mentions it among other possible borrowings from Finnic languages, which may be based on the appellative *järv*. *Nīzeris* is not mentioned in later scientific publications on this topic, possibly because it is not a lake name, but perhaps also because Hauzenberga (1932 : 120) includes it in her study on the visibility of phonetic changes in place names, where she gives *Nīzere* < **Nī-ezere*? among the

[62] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.94472/26.02501&l=J/LF/KN/X/Y/8&q=l%C4%ABd%C4%93ris&r=56.947398/26.026929/Lielais%20L%C4%ABd%C4%93ris.
[63] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2878229&y=7745417&z=11&h=49515.
[64] See https://vesture.dodies.lv/#m=12/56.92665/26.08526&l=J/0&q=l%C4%ABd%C4%93ris.
[65] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2878229&y=7745417&z=11&h=34314.

examples. It should be noted that the researcher herself was not very convinced of this etymology, because she appended a question mark to it. One cannot rule out a connection between the component *Nī-* or *Nīz-* and LiC *nīstõn* 'moist, wet', Est. *niiske* 'moist' or LiC *nīskõ* 'to snuff, to snort' (EES), cf. *Sulgmō* 'Sniffle hollow'?, a coastal hollow in Pitrõg/Pitrags village (LPND), cf. also *Nīzere* village in Stelpe parish (LĢia 2025).

Sezēris in Liezēre — Ernštreits considers this limnonym to be a Finnic-origin word due to its ending *-ēris*; he does not etymologise the first part of the place name, but connects the second part with LiC *jāra/jōra* 'lake', Salaca Liv. *järu* 'id.', or Est. *järv* 'id.' (LVV VI 343). It may also be possible that the lake name has a connection with LiC *sõzār* 'sister' (LILV), South Estonian *sõsar* 'id.' (VEVS), taking into account the fact that the lake is located quite near Lake Liezēre.

This lake name is mentioned in historical sources at least since the end of the 16th century. A document from 1600 within the current area of Liezēre records a lake named *Zeesser* (LVA : 214). The 17th-century Swedish manor map records the possible form *Lacus Widutz*,[66] based on the name of a nearby house. The house name *Viduci* can still be found in this spot in the present day (LĢia 2025). As the lake is small, it is marked but not named on many 18th- and 19th-century maps. However, on the 1839 special map of Vidzeme, the name recorded in German is *Sehser*,[67] while on the Russian-language three-verst map of Russia it appears as *Оз. Сезеръ*.[68] On the 1920—1940 Latvian army map it appears as *Sezēres ez*.[69] As the origin of the first component is unclear and its connection with the Finnic languages is rather hypothetical, such an origin is nevertheless not impossible.

Ūbēris in Mēdzūla — Būga (1961 : 622) connects the form *Ùbēris* with the Estonian or Livonian word for 'lake', and Endzelīns agrees with Būga (Endzelīns 1934 : 134; also Rudzīte 1968 : 193; Bušs & Jansone 2019 : 237).

This limnonym is also found on maps at least since the 17th century. Noteworthy is the name *OBERS LACÙS*,[70] which is recorded on a 17th-century map. Ūbēris is next to a lake named Graustiņš, which has shrunk and is now overgrown, but in the 20th century both lakes were connected by a small river. In the 17th century, Graustiņš was apparently not overgrown and was located closer to the other lake, and Ūbēris is depicted on the map as being located above Graustiņš. Perhaps, based on this record, it is possible to consider this name to be a Germanism and to connect it with German *ober* 'upper, over'. In German-speaking countries, *Obersee* is a fairly common name, which is given either to a mountain lake or to one of a pair of lakes. Evidently, it may be that the name *OBERS LACÙS* is incorrectly recorded, because maps from the end of the 17th century and later no longer show *o* in the lake's name. For example, in his analysis of the place names contained in the large Swedish cadastre (1681—1710), historian Edgars Dunsdorfs (1974 : 242) connects the house names *Vbe Heren*

[66] See https://vesture.dodies.lv/#m=16/57.00005/26.08615&l=J/LF/8&q=sez%C4%93ris.
[67] See https://vesture.dodies.lv/#m=12/56.97206/26.01477&l=E/LV&q=sez%C4%93ris.
[68] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.99438/26.08047&l=I/0&q=sez%C4%93ris&r=57.000277/26.081520/Sez%C4%93ris.
[69] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/56.99302/26.08811&l=E/LA75&q=sez%C4%93ris&r=57.000277/26.081520/Sez%C4%93ris.
[70] See https://vesture.dodies.lv/#m=16/56.96680/25.98464&l=J/8&q=%C5%ABb%C4%93ris&r=56.969271/25.982088/%C5%AAb%C4%93ris.

and *Uhber Ahr* with the limnonym *Ubēris*. This limnonym begins with *u* also on maps from later centuries, for example, cf. on the special map of Vidzeme in German — *Uber S*.[71] In any case, the origin of this limnonym remains unclear for now.

Considering all 23 limnonyms together, it must be said that all of these place names are located either in Vidzeme or Latgale, and to a lesser extent in Sēlija, with only one limnonym (*Kaņiera ezers* in Nīca and Sloka) in Courland (see the parishes marked with triangles in Figure 3).

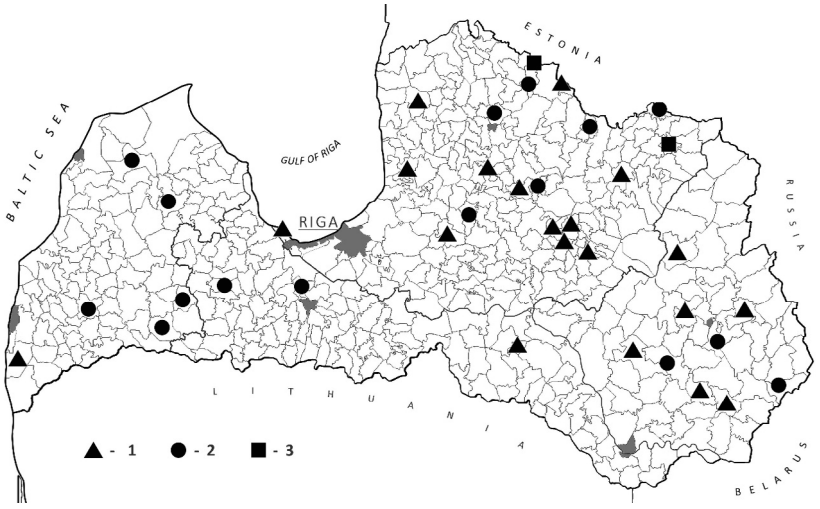


Figure 3. **The location of Latvian limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* discussed in the article. 1 — limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which linguists consider to be of Finnic origin. 2 — limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which most likely are not connected with Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.'. 3 — limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which hypothetically may be connected with Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.'.**

Here, one can see the proximity of Estonia and the Vidzeme Livonic dialect area of Latvian, as well as the traces of the Leivu community near Lejasciems and the Vidzeme Selonic subdialects of Latvian, in which there is no shortage of various Finnic traces (authors who have written about this include, e.g., Maija Poiša and Bušs; see Bušs 2019; Poiša 1985 : 5; 1994; 1999 : 4), and Latgale as the location of an ancient Finnic substrate, which has been discussed, for example, by Breidaks (see, e.g., Breidaks 1977; 1989; Breidaks 2003), and also as an area with other, possibly more recent but undocumented Finnic communities, the traces of which are found in local Latvian subdialect features and population records (Balodis 2023; Stafecka 2021). It is interesting that the distribution of Finnic-origin place names is broader than just the range where limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* are encountered. This can be seen, for example, on the map created by Balode (2015 : 52, 53) for an article she published in Finland.

As already noted, the LĢia database contains a string of other such lake names beyond those ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which are analysed above. The next two sections of this article are devoted to examining these and providing explanations for their origin.

[71] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=2891759&y=7752739&z=14&h=50746.

3. Limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which, most likely, are not connected with Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.'

In order to identify other possible Finnic-origin place names, which have thus far not been noted, it is necessary to first examine those Latvian limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris*, which have an undeniably different origin, i.e. those which have an etymology not connected with Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.'. Endzelīns (1934 : 134) provides etymologies for numerous limnonyms not connected with the Finnic languages in the aforementioned article about hydronyms with *-er-* (*-ēr-*) and *-ar-*. Place names, including those in this group, have been etymologised in the volumes of the Latvian place name dictionary up to the letter *S* (Lvv; LVV).

Cieceres ezers in Brocēni — Endzelīns considers the river and lake names to be hypothetically linked with Latv. *ciẽcere* 'a small forest' and *cieceris* 'mound, knoll (a swampy area)' (EH I 276; Lvv I 170).

Diņģeru ezers in Ģibuļi parish — this limnonym is not found in the Latvian place name dictionary; it may possibly be connected with the Pastende house name *Diņģeri*, which is included in the Latvian place name dictionary, but not etymologised (Lvv I 215); it may be linked with Germ. *Dinger* 'judge, magistrate', and other meanings (DWB).

Dižiere in Puze — Rudzīte (1968 : 180) states that the river name *Irve*, which is the source of the limnonyms *Diežiere* and *Maziere*, is connected with Liv. *īrva* 'doe, roe deer' [more precisely: a reconstructed Liv. form *******īrva*, cf. Est. *hirv* and Finnish *hirvi*, because documented Livonian does not include such a word; only *tikā* or *mõtsātikā* V.E.] (see also Lvv I 374). At the same time, a connection cannot be ruled out with the local word *iẽre*, *ieris* 1) 'a niche or hollow in the wall of a stove', 3) 'a small stone or brick wall' (ME II : 57), which may also be connected with numerous place names in Courland, for example, the swamp name *Ieres purvs* / *Ieru purvs* in Ance (which itself may be the source of the river names *Dižiere* and *Maziere*, as well as *Veciere* in Stikli in Puze).

Domēru ezers, ***Domeris*** in Nītaure — this limnonym is not mentioned in the Latvian place name dictionary; it may be associated with the Nītaure house name *Duõmēļi*, which Endzelīns hypothetically (using a question mark) links with MLG *domer* 'judge, magistrate' (Lvv I 248).

Elderis in Kursīši — this limnonym is not mentioned in the Latvian place name dictionary, but it does mention *Ẽlderis* — a pond in Kursīši, the name of which Endzelīns connects with Latv. *elderis* 1) 'a garbage pit (by a barn)' or 2) 'a rash, foolish person' (ME I 567; Lvv I 268).

Ezeris in Valmiera — this limnonym is not mentioned in the Latvian place name dictionary, but it does mention the house name *Ezeris* in Valmiera, which is connected with Latv. *ezers* 'lake' (Lvv I 279).

Glēzeris in Ērģeme — its Estonian name is *Piirijärv*, the first component of which is based on Est. *piir* 'border'. The form *Glēzeris* is mentioned in the Latvian place name card file in 1951, but the origin of this place name is not explained. This limnonym could hypothetically be connected with Germ. *gläser* 'glazier, glass cutter' (WN).

Ģēģeru ezers in Kalvene — this place name is also not mentioned in the Latvian place name dictionary, but it does mention the house name *Ģẽģeļi* in Kalvene, which, in turn, is connected with the Latvian apellative *ģẽģeris* 'hunter', < Germ. *Jäger* 'id.' (ME I 697).

Ismeru ezers in Rēzna — the Latvian place name dictionary includes the village name *Ismeņi*, which is given with the parenthetical note *ar ezeru* ('with a lake'); however, an etymological explanation is not provided (Lvv I 367). Though its etymology is unclear, a Finnic origin also does not seem likely. The earliest mentions of this place name are *in lacu Ismariensi* in 1599 and *oz. Vyzmer / oz. Izmerž* in 1784 (Zeps 1984 : 170).

Kaņcieris in Pasiene parish — this limnonym is not included in the Latvian place name dictionary, but it does include other place names with this root from other inhabited places, for example, *Kancera-dīķis*, though none of these are accompanied by an etymology (Lvv II 35). It may be that this limnonym is connected with the surname *Kancers*, which, however, is not widespread in Latgale (Mežs & Jansone & Kovaļevska & Rapa 2022 : 300), but which can also be compared with the Lithuanian surname *Kañceris* and the Polish surname *Kącior* (LPŽ I 908).

Maziere in Puze — Rudzīte (1968 : 180) explains that the river name *Irve* is derived from Liv. *īrva* 'doe, roe deer' [more precisely: from the reconstructed Liv. form **īrva* V.E.] (see also Lvv I 374). See also *Dižiere*.

Mellīzeris in Jaunpils and Valgunde — Hauzenberga (1932 : 121, 122) explains this form as having originated from *Mellizeris* < *Mellezeris*, where *e* > *i* (see also Lvv II 409).

Palpieris on the border of Veclaicene and Jaunlaicene — *Palpírs* — Kārlis Plukšs (1935 : 71) associates the place name with Est. *palu* 'pine forest' and Est. *piir* 'border' (see also Rudzīte 1968 : 188; LVV I 97). A Finnic origin for this place name is highly plausible, because the lake is located right next to Estonia in an area that was still recently inhabited by Estonians. Cf. the Estonian place name *Palupera* 'end of high dry pine forest', between Tartu and Valga (historically *Paloperä*) (EKNR).

Šķesteris in Dzērbene — it may have acquired its name from a house located nearby, cf. *Šķesteri* farmstead in Dzērbene (LĢia 2025), the names of which, in turn, are most likely connected with the Latvian appellative *šķesteris* 'sacristan' (ME IV : 29), < *ķesteris* with an added *s*, < MLG *koster* 'id.' (ME II 371).

Šķeteris in Šķaune — possibly based on Latv. *šķetere*, which has several meanings and the first of these is 'a collection of yarn or thread wound in equal loops' (MLVV); however, in Mīlenbahs' *Latviešu valodas vārdnīca* (Dictionary of Latvian) it is identified as a word also referring to wild ducks in folk songs (ME IV 30).

Valdieris in Drusti — possibly connected with the surname *Valders* (Mežs 2017 : 257) or also Germ. *Waldherr* 'forest owner' (WN).

Vēderis — *Vêdere* in Zvārtava — Endzelīns (1934 : 134) compares this place name to the Old Prussian limnonym *Wedere* and the Lithuanian stream name *Vedera*.

Vieveru ezers, ***Vēveru ezers*** in Silajāņi — this limnonym most likely arose from a village name, cf. *Vèveņi* village in Silajāņi (Endzelīns 1925 : 187).

The words in this group differ in their origin, but are united by the similar endings *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* and the fact that they are, most likely, not connected with the Finnic word for 'lake'.[72] Many names in this group

[72] As these limnonyms are not the main focus of this article's research, they are not analysed as deeply as names of possible Finnic origin based on the Finnic word for 'lake'.

are loans from German, for example, *Diņģeru ezers*, *Domēru ezers*, *Glēzeris*, *Ģēģeru ezers*, and *Šķesteris*. The source of some of these names is Latvian *ezers* 'lake', for example, *Ezeris* and *Mellīzeris*, or a different word of Latvian origin, for example, *Cieceres ezers*. There are also limnonyms with a Livonian origin, for example, *Dižiere* and *Maziere*, or based on a word of Estonian origin, for example, *Palpieris*. The origin of some of the limnonyms in this group is unclear, for example, *Kaņcieris* and *Ismeru ezers*. They are identified in Figure 3 with a circle and, unlike the words in the first group, are found across all of Latvia.

4. Limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and -ieris hypothetically connected with Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.'

Finally, two limnonyms will be analysed, which have the corresponding ending, but which do not appear in earlier studies with etymologies linked to Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.', though their location and comparison with individual place names in Estonia make it possible to posit such a connection.

Indzeris in Alūksne — though Būga (1961 : 644) does not mention this place name among Finnic-origin lake names, he does hypothetically connect the house name *Indzeri* (cf. *Indzeŗi* farmstead in Alūksne; Endzelīns 1922 : 66) with the river name *Инсора*, which he derives from the Fin. **Ingera* (?) / *Inkeren joki*. Hauzenberga (1932 : 120), for her part, classifies both the house name and lake name as compounds in her article, with the first component containing the place name element *Ind-* (the author also compares it to the Estonian village name *Inda*), which is characteristic of Livonian areas, but the second component — Latv. *Ezers*, with the change in the word explained by the loss of an unstressed vowel in the root of the second part of the compound. However, based on these facts and the lake's geographic location, we would like to propose the hypothesis that the second component of this limnonym could also be Est. *järv*, while the first component should instead be compared with the southern Estonian place names *Indsikurmu* near Põlva, *Intsu* near Viljandi, or *Hinsa*/*Hindsa*, *Hindsiko* in southeastern Estonia near the Latvian border. The Estonian place name dictionary mentions that the village name *Inda* in Rapla County may be based on the male name *Hind* or *Hint* (EKNR).

The form *Jnser* dominates in 18th- and 19th-century historical sources, for example, on the 1793 German-language map of Valka District — *Jnser See*;[73] the forms *Jnser S.* for the lake and *Jnser* for the settlement next to it on the 1839 special map of Vidzeme;[74] on Siliņš's 1896 Latvian-language map — *Insereſ*. The 1920—1940 Latvian army map already shows a name closest to the modern one — *Indzeru ez.*[75]

Suķieris in Ērģeme (near the Latvian-Estonian border) — on 19th- and early 20th-century German and Russian maps, it is recorded as *Sukker* (in 1839), *Суккер* (in 1905), and on Latvian maps from the 1920s to the 1940s as *Sukeru ezers*. Several parallel forms are recorded in the Latvian place name card file dating to the mid-20th century: *Suķu ezers*, *Suķiera ezers*,

[73] See https://kartes.lndb.lv/viewer/map?b=7&x=3003601&y=7837051&z=13&h=50914.
[74] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.38057/27.03478&l=J/X/LV&q=Indzeris.
[75] See https://vesture.dodies.lv/#m=13/57.39414/27.03938&l=J/LA75&q=Indzeris&r=57.380693/27.001640/Indzeris.

Suķiẽris, *Suķvẽris*, *Suķvẽra ezàrs* (LVVK). Taking into account its location, perhaps — with considerable caution — the forms *Suķiera ezers* and *Suķiẽris* could also be added to those formed on the basis of Est. *järv* 'lake', while the first part of the place name could — with two question marks — be connected with Est. *sukk* 'sock' or the Est. dialect term *sokk* 'marsh grass', which is connected to the limnonym *Sokkjärv* (*Sokyerve* in 1386, *Sokyerve* in 1419) located near Rõuge in southern Estonia (EKNR).

As this lake is small, it appears on many historical maps without a name; however, on the 18th- and 19th-century maps where it does appear in German, the dominant form is *Sukker*, for example, on the 1839 German-language special map of Vidzeme — *Sukker S.*,[76] in Russian — *Суккеръ*, for example, on the 1908 Russian-language One-verst map of Russia — *Оз. Суккеръ*.[77]

Though historical sources do not give convincing evidence of a Finnic origin, these two newly re-etymologised limnonyms are located within the area inhabited in earlier times by Estonian ancestors and within the same territory as other limnonyms with Finnic etymologies and are marked with a square in Figure 3.

5. Conclusions

There are many studies of possible Finnic-origin Latvian limnonyms ending in *-eris, -ēris, and -ieris*; however, not all of the proposed etymologies are plausible, because 1) a portion of these have been proposed by linguists lacking knowledge of Finnic languages; 2) the origin of the first component of the place name has not been identified in all cases; and 3) studies are not always based on research of historical sources, including historical maps.

Research into historical sources, including 17th—19th-century maps, has made it possible to review etymologies for this group of limnonyms previously provided by linguists, casting doubt on some (e.g. *Dūņieris*, *Sasēris*), confirming others (e.g. *Līdēris*, *Ninieris*), and leaving others, especially those where the origin of the first component is still not possible to determine, to future researchers.

Recordings of the limnonym *Līdēris* in historical sources from various centuries show that the place-name Latvianisation process has been gradual, with some signs of *järv* still being preserved in the 15th century but no longer found on 17th-century maps, because the change *järv* > *ier*/*ēr*/*er* had already occurred. Thus, in many hypothetical cases, a Finnic origin — even if it does exist — is still not possible to prove based on records in historical sources, because relatively few lakes appear in sources from the 15th century and earlier. Nevertheless, historical sources from the 17th century and later also show place-name development trends, for example, on a 17th-century map, the limnonym *Sasēris* was formed with the Latvian word *ezers*, thereby confirming that the place name has at least a partial Latvian origin.

The recording of the limnonym *Līdēris* as *Liederwer see* at the beginning of the 15th century makes it possible to speak with certainty of the Madona area as a region with Finnic-origin place names.

[76] See https://vesture.dodies.lv/#m=13/57.85051/25.85673&l=J/LV/PGM&q=su%C4%B7ieris.
[77] See https://vesture.dodies.lv/#m=14/57.85223/25.89837&l=J/7&q=su%C4%B7ieris&r=57.850513/25.856726/Su%C4%B7ieris.

A portion of the limnonyms with the corresponding endings, which have thus far not been etymologically connected with Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.' — including place names which Hauzenberga considered to have been derived from Latv. *ezers* 'lake', explaining the change in the word with the loss of an unstressed vowel in the second part of the compound — can at least hypothetically be linked with the Livonian or Estonian word for 'lake' where this is permitted by the place name's location and where it does not contradict data from historical sources.

The limnonyms and place names with existing etymologies given earlier by linguists, but for which Finnic etymologies are proposed for the first time in this article, form a fairly uniform area — Vidzeme, Latgale, and to a lesser extent Sēlija — and only rarely Courland.

The distribution of the limnonyms and the analysis of historical sources lead to the conclusion that in certain regions in Latvia — near Līdēre and Liezēre, which are located within the Vidzeme Selonic subdialect region of Latvian, and Sloka, which is located to the west of Rīga — the endings *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* spread and became generally used as topoformants, also for limnonyms of Baltic or other origin. It is possible that this phenomenon is even more widespread.

For now, it is unclear why the distribution area for Finnic-origin limnonyms ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* is considerably smaller than the distribution area of other place names of this origin and why such limnonyms are so rare in Courland. It may be that this is connected with the considerable length of contacts in Courland and the existence of long-standing bilingualism, which led to the existence of two parallel place name systems, as can still be seen in the present day (*Nurmuiža*/*Lauciene* near Talsi; *Melnsils*/*Mustānum*, *Trumpe* / *Piški Joug* / *Nabāl joug* / *Lūžupe* on the Livonian Coast); however, this nevertheless demands further study.

Problems in the research history and the examined material show that, most likely, there are still other limnonyms or former limnonyms based on Liv. *jāra*/*jōra* (*järu*) 'lake' or Est. *järv* 'id.' in the Latvian onomasticon beyond those described in this article. It may be that ancient lake names are also preserved in the names of former lakes having the corresponding endings, which have since turned into swamps.

Data availability statement.
Data are contained within the article.

Acknowledgements. This article was prepared with the support of the State Research Programme "Letonika — Fostering a Latvian and European Society" project "Latvian Language in Time, Space, and Society" (LaTS, No. VPP-Letonika-2025/1-0012) and the Fundamental and Applied Research Project "Documenting and Mapping Livonian Place Names and Creating an Official Place Name Register" (No. LZP-2019/1-0240).

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Anta Trumpa
Latvian Language Institute, Faculty of Humanities of the University of Latvia
Email: anta.trumpa@lu.lv

Valts Ernštreits,
University of Latvia Livonian Institute
Email: valts.ernstreits@lu.lv

Abbreviations

Est. — Estonian, **Fin.** — Finnish, **Germ.** — German, **Latv.** — Latvian, **LiC** — Courland Livonian dialect, **Lith.** — Lithuanian, **Liv.** — Livonian, **LiV** — Vidzeme Livonian dialect, **MLG** — Middle Low German, **OPr.** — Old Prussian.

BHO — Baltisches historisches Ortslexikon. Teil II. Lettland (Südlivland und Kurland), Köln 1990; **BM** — Baltic Maps. https://balticmaps.eu/lv/; **DWB** — Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/23. https://www.woerterbuchnetz.de/DWB; **EES** — Eesti etümoloogiasõnaraamat, Tallinn, https://arhiiv.eki.ee/dict/ety/; **EKIKNK** — Eesti Keele Instituudi kohanimekartoteek. https://www.eki.ee/kohanimed/index.php?khk=jqh&d_info=ka-ko&om=es1&st=603103&a=91; **EKNR** — Eesti kohanimeraamat, Tallinn. https://arhiiv.eki.ee/dict/knr/; **ILV** — Igauņu-latviešu vārdnīca. Eesti-läti sõnaraamat. http://www.ee-lv.lv/lv/vardnica/; **LLD** — V. Ernštreits (ed.-in-chief), T.-R. Viitso, S. Vāvere, P. Damberg, M. Kurpniece, U. Balodis, T. Tuisk, G. Kūla, M. Tomingas, S. E. Soosaar, A. Sedláčková, T. Jurgenovskis, Livonian lexicographic database, Riga 2024. https://livonian.tech/; **LĢia 2025** — Latvijas Ģeotelpiskās informācijas aģentūras Vietvārdu datubāze, Rīga. https://vietvardi.lgia.gov.lv/vv/to_www.sakt; **LILV** — Lībiešu-igauņu-latviešu vārdnīca. http://www.livonian.tech/; **LPND** — V. Ernštreits (ed.-in-chief), T. R. Viitso, P. Damberg, B. Šuvcāne, S. Vāvere, Signis, Livonian place name database, Riga 2024. https://livonian.tech/; **LPŽ** — A. Vanagas, V. Maciejauskienė, M. Razmukaitė, Lietuvių pavardžių žodynas I, Vilnius 1985; **LGU** — Livländische Güterurkunden I (aus den Jahren 1207 bis 1500); II (aus den Jahren 1501 bis 1545), Riga 1908, 1923; **LVA** — Vidzemes saimniecības vēstures avoti. 1553.—1618. g. Latvijas vēstures avoti, 6. sēj., Rīga 1941; **Lvv I** — J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi I, Rīga 1956; **Lvv II** — J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi II, Rīga 1961; **LVV I** — Latvijas vietvārdu vārdnīca. Paaglis—Piķu-, Rīga 2003; **LVV II** — Latvijas vietvārdu vārdnīca. Pilaci—Pracapole, Rīga 2006; **LVV III** — Latvijas vietvārdu vārdnīca. Pracirika—Puožu-, Rīga 2010; **LVV IV** — Latvijas vietvārdu vārdnīca. R, Rīga 2013; **LVV V** — Latvijas vietvārdu vārdnīca. Saba—Sēža-, Rīga 2017; **LVV VI** — Latvijas vietvārdu vārdnīca. Sagajevski—Sļukuma-, Rīga 2024; **ME** — K. Mīlenbahs, Latviešu valodas vārdnīca I—IV, Rīga 1923—1932; **MLVV** — Mūsdienu latviešu valodas vārdnīca, Rīga 2003—2024. https://mlvv.tezaurs.lv/; **RKAT 2024** — Riikliku kohanimeregistri avalik teenus. https://xgis.maaamet.ee/knravalik/#; **UB** — Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch I, Reval 1853; **VEVS** — Võro-eesti-võro sõnaraamat. https://synaq.org/; **WN** — Wörterbuchnetz. Version 01/25. https://woerterbuchnetz.de/.

REFERENCES

Balode, Laimute 2004, Daugavas pieteku nosaukumi — somugrismi. — Onomastica Lettica 2, Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 5—22.

—— 2007, Once Again on Some Potential Finno-Ugrisms in Latvia (according to materials of Latvijas vietvārdu vārdnīca. [The Dictionary of Place Names of Latvia]. Pilaci — Pracapole. Rīga, 2006). — Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North, Helsinki (Slavica Helsingiensia 32), 52—63.

—— 2015, Criteria for Identifying Possible Finnicisms in Latvian Toponymy. — Contacts between the Baltic and Finnic languages, Helsinki (Uralica Helsingiensia 7), 49—73.

Balode, Laimute & Bušs, Ojārs 2007, On Latvian Toponyms of Finno-Ugrian Origin. — Borrowing of Place Names in the Uralian Languages, Debrecen (Onomastica Uralica 4), 27—43.

—— 2009, Some Latvian Toponyms of Finno-Ugric Origin (Names with *Pu-*/*Pū-*). — The Baltic languages and the Nordic countries. Papers presented at the

conference held at the University of Oslo, Faculty of Humanities, Department of Linguistics and Nordic Studies, June 19—20, 2009, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 17—30.

Balodis, Uldis 2023, Räisaku maarahvas? Estonian traces in central and southern Latgale. — Tartu Ülikooli Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskuse aastaraamat XXI—XXII. Pühendusteos Karl Pajusalule 60. sünnipäevaks, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 91—113.

Breidaks, Antons 1977, Über das ostseefinnische Sprachsubstrat in Ostlettland. — Baltistica 13 (1), 245—250.

—— 1983, Ezera nosaukuma *Sīvers* etimoloģija. — Baltistica XIX (2), 196.

—— 1989, Baltijas somu izcelsmes hidronīmi Latgalē. — Valodas aktualitātes 1988, Rīga: Zinātne, 326—335.

—— 2004, Прибалтийско-финские гидронимы в Латвии. — Res Balticae. Miscellanea italiana di studi baltistici 9, Pisa, 7—20.

Būga, Kazimieras 1961, Latvijas vietu vārdi. I daļa. Vidzemes vārdi... [Recenzija]. — Rinktiniai raštai III, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 612—648.

Bušs, Ojārs 2019, Somugriskais adstrāts Mārcienas pagasta toponīmijā. — Ojārs B u š s, Darbu izlase. Mozaīka, Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 255—258.

Bušs, Ojārs & Jansone, Ilga 2019, Somugrismi latviešu valodā: pētniecības un integrācijas atspoguļojums. — Latvija: kultūru migrācija, Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 214—249.

Dambe, Vallija 1987, Ieskats Latvijas PSR hidronīmu semantikā. — Onomastikas apcerējumi, Rīga: Zinātne, 32—47.

Dunsdorfs, Edgars 1974, Der grosse schwedische Kataster in Livland. 1681—1710, Melbourne.

Endzelīns, Jānis 1922, Latvijas vietu vārdi I. Vidzemes vārdi, Rīga: A. Gulbis.

—— 1925, Latvijas vietu vārdi II. Kurzemes un Latgales vārdi, Rīga: A. Gulbis.

—— 1934, Die lettländischen Gewässernamen. — Zeitschrift für slavische Philologie. Band XI, 112—150.

Gerullis, Georg 1922, Die altpreussischen Ortsnamen, Berlin—Leipzig: Walter de Gruyter & Co.

Hauzenberga, Edīte 1932, Ko vietu vārdi dod latviešu valodas fōnētikai? — Filologu biedrības raksti XII, Rīga: Filologu biedrība, 115—148.

Jansone, Ilga 2021, Leivu influence in the Latvian dialects of northeastern Vidzeme. — ESUKA 12-2,145—168.

Kiparsky, Valentin 1939, Die Kurenfrage, Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (AASF. Series B 42).

Kušķis, Jānis 1993, Par dažiem Madonas apkārtnes vietvārdiem. — Madonas kalendārs 1994, 2. gadskārta, Madona: SIA „Stars", 77—80.

Mežs, Ilmārs 2017, Latviešu uzvārdi arhīvu materiālos. Latgale, Rīga: Latviešu valodas aģentūra.

Mežs, Ilmārs & Jansone, Irēna Ilga & Kovaļevska, Otīlija & Rapa, Sanda 2022, Latviešu uzvārdi arhīvu materiālos. Vidzeme I, Rīga: Latviešu valodas aģentūra.

Plukšs, Kārlis 1935, Igauniskie vietu vārdi Veclaicenē. — Ceļi. Rakstu krājums VI, Rīga: Ramave, 69—74.

Poiša, Maija 1985, Vidzemes sēliskās izloksnes I, Rīga: Zinātne.

—— 1994, Baltijas somu valodu ietekme Vidzemes sēliskajās izloksnēs un izloksnēs gar Daugavu Augšzemē un Latgalē. — Starptautiskā zinātniskā konference „Lībieši un viņu kultūra: mazo etnosu valodas un kultūras saglabāšanas teorija un prakse". Referātu tēzes, Mazirbe, 49—57.

—— 1999, Vidzemes sēliskās izloksnes II, Rīga: Latviešu valodas institūts.

Rapa, Sanda 2013, Ģeogrāfiskās nomenklatūras vārdi Latviešu toponīmijā. Promocijas darbs filoloģijas doktora grāda iegūšanai valodniecības zinātņu nozares baltu valodniecības apakšnozarē. Rīga: Latvijas Universitāte. https://dspace.lu.lv/server/api/core/bitstreams/e059f731-5ea0-4390-b3c8-a38d7dd96658/content

Rudzīte, Marta 1968, Somugriskie hidronīmi Latvijas PSR teritorijā. — Latviešu leksikas attīstība, Rīga: Zinātne, 175—197.

Stafecka, Anna 2021, Possible traces of Finnic influence in Latvian subdialect phonetics and morphology. — ESUKA 12-2, 73—93.

Šrámek, Rudolf 1972—1973, Zum Begriff „Modell“ und „System“ in der Toponomastik. — Onoma 27, 55—75.
Vanagas, Aleksandras 1981, Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius: Mokslas.
Vasmer, Max 1934, Beiträge zur historischen Völker Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 351—440.
Vegesack, Manfred von 1932, Die untergangenen Dörfer in den sieben nördlichsten Kirchspielen des ehemaligen Erzstifts Riga. — Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga. Vorträge aus dem Jahre 1931/32, Riga: W. F. Häcker, 13—24.
Zemzare, Daina 1940, Valodas liecības par Lejasciema novadu, Rīga: VAPP Praktisko zinātņu apgādniecība.
Zeps, Valdis Juris 1984, The Placenames of Latgola. A Dictionary of East Latvian Toponyms, Madison, Wisc.: Baltic Studies Center.
Zeps, Valdis Juris & Rosenshield, Jill 1995, Pre-Latgalian hydronyms in East Latvia. — Journal of Baltic Studies 26 (4), 345—352.

АНТА ТРУМПА, ВАЛТС ЭРНШТРЕЙТС (Рига)

ЕЩЁ РАЗ О НАЗВАНИЯХ ОЗЁР ЛАТВИИ НА *-eris, -ēris, -ieris*

В статье рассматриваются латышские названия озёр на *-eris, -ēris* и *-ieris* как возможные следы финно-угорского языкового субстрата. Авторы анализируют лимнонимы, ранее связывавшиеся исследователями с ливским *jāra/jōra* (LiV *järu*) и эстонским *järv* ’озеро’, а также названия, не рассматривавшиеся в этом контексте. Особое внимание уделяется проблеме разграничения исконно латышских названий и тех, для которых возможна финно-угорская этимология. Авторы подвергают сомнению часть ранее предложенных этимологий. Названия вероятного финно-угорского происхождения сосредоточены главным образом в Видземе и Латгале.

ANTA TRUMPA, VALTS ERNŠTREITS (Riia)

LÄTI *eris-*, *ēris-*, *ieris-***LÕPULISTE JÄRVENIMEDE TAASKÄSITLUS**

Artiklis käsitletakse nii neid läti *eris-*, *ēris-*, *ieris*-lõpulisi järvenimesid, mille keeleteadlased on juba varem seostanud Kuramaa liivi sõnaga *jāra/jōra* (Salatsi liivi *järu*) ’järv’ või eesti sõnaga *järv*, kui ka neid, mida teistes uurimustes pole läänemeresoome keeltega seostatud. Viimaste analüüsimisel on püütud eristada teistsuguse, enamasti läti, kuid mõnikord ka saksa päritoluga nimesid neist, mille aluseks võiksid hüpoteetiliselt olla liivi või eesti järvenimed. Autorid on seisukohal, et mitte kõik varasemad etümoloogiad pole usutavad, sest 1) osa neist on esitanud keeleteadlased, kes läänemeresoome keeli piisavalt ei tundnud, ning 2) kohanime esikomponendi päritolu ei ole kõigil juhtudel kindlaks tehtud. Järvenimed, millele selles artiklis läänemeresoome etümoloogia esmakordselt esitatakse, on koondunud üsna ühtlasele alale Vidzemes ja Latgales.

LINGUISTICA URALICA LXII 2026 2 : 155—179 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.02

PETAR KEHAYOV, KARL PAJUSALU (Tartu)

WHERE DID THE LANGUAGE OF THE NORTHEASTERN ESTONIAN POLUVERNIKI COME FROM?

Abstract. This study examines the linguistic origins of the historical community of *Poluverniki* in northeastern Estonia. Members of this group were typically bilingual and spoke a distinctive blend of dialectal Russian and Estonian. The prevailing scholarly view — based largely on non-linguistic evidence — holds that the Poluverniki descended from a Votic-like Southern Finnic population that was later linguistically assimilated by neighboring Russian dialects. Drawing mainly on phonological data, we challenge this view by demonstrating that the Finnic elements in their vernacular(s) point to Northern rather than Southern Finnic roots. Furthermore, we show that their Russian variety does not fully align with the neighboring Central Russian dialects, suggesting that the Poluverniki's Russian is, at least in part, of a different origin from the contemporary vernaculars spoken along the coast of Lake Peipus and in the Gdov area.

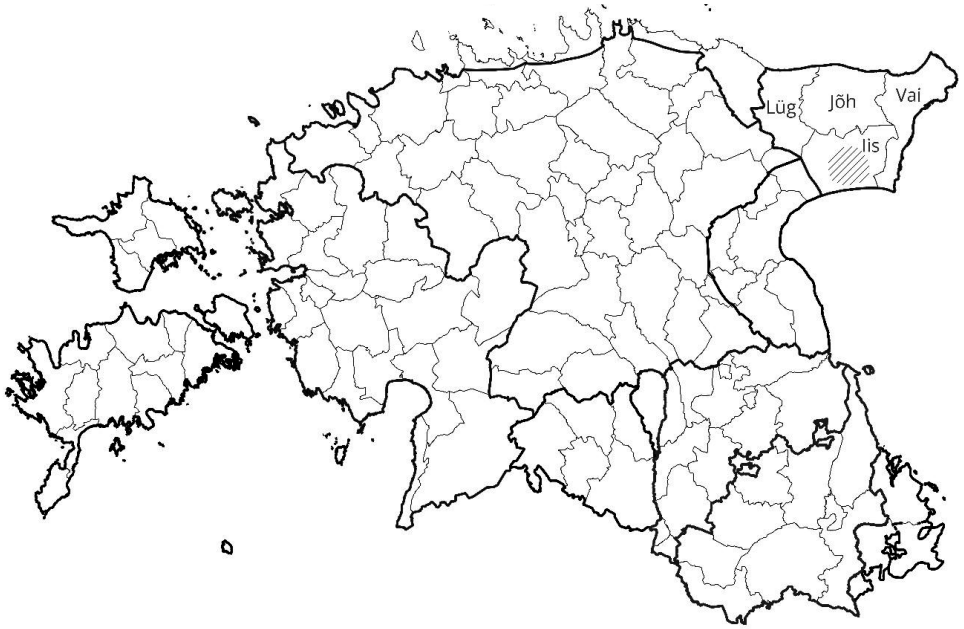
Keywords: Finnic dialects, Russian dialects, linguistic roots, language contact, northeastern Estonia, Poluverniki.

1. Introduction

The term *poluverniki* (Russian *полуверцы* 'half-believers') refers to various subethnic groups in the Baltic countries and adjacent Russian regions that represent a linguistic and cultural blend of local East Slavic and non-Slavic populations, but differ from each other in their ethnic, linguistic, or religious affiliations. In northeastern Estonia, in the parish of Iisaku, not far from the northern coast of Lake Peipus, mainly Russian-speaking Lutherans have also been called Poluverniki. Until the last decade of the 20th century, this community was bilingual; it spoke a peculiar Russian vernacular, characterized by structural borrowing from Finnic (typically Estonian), as well as a form of the northeastern Estonian dialect mixed with Russian (Must 1965; Хейтер 1970; Kulakov & Nurgamaa 2012).

At the beginning of the 20th century, the area inhabited by the Poluverniki covered most of the territory of Iisaku parish (see Map 1).

Received 20 February 2026, accepted 22 June 2025, available online 13 October 2026.
© 2026 Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).



Map 1. **Poluverniki area overlaid on a map of Estonian dialects.**

Geographically, this region extends from the village of Kõnnu in the north to the villages of Kauksi, Kuru, and Katase in the south, and from Kamarna in the east to Roostoja and Lemmaku in the west (see Map 2). The region included the villages of Vaikla (former Porskova), Liivaküla (or Liiva, former Podgriiva), as well as Alliku, Imatu, Jõuga, Kaidma, Kamarna, Kasevälja (former Poludenka), Katase, Kauksi, Koldamäe, Kuru, Kõnnu, Lemmaku, Lipniku, Luuga, Lõpe, Pootsiku (Nurme), Roostoja, Sootaga (Sootaguse), Sõrumäe, Sälliku, Taga-Roostoja, Tammetaguse, Tubliku, Tärivere (Tärevere), and Varesmetsa (see, e.g., Ariste 1930 : 365—366; Kulakov & Nurgamaa 2012 : 70).

Located about 5 km southeast of Iisaku, the villages of Vaikla and Liivaküla were regarded as central to the region — Vaikla has even been dubbed "the capital of the Poluverniki" because, in the eyes of their neighbors, the inhabitants of these villages were the most authentic representatives of the group, both culturally and linguistically (Ariste 1930 : 366; Must 1965 : 112, 121; Kulakov & Nurgamaa 2012 : 71).

The prevailing scholarly view regarding the Poluverniki's ancestry is that they were originally Votes, or "a Votic-like population." This view is not grounded in linguistic research but rather stems from archeological findings (Moora 1964 : 274; Moopa & Moopa 1965 : 65—66; Ligi 1993) and, to a lesser extent, folklore studies (see Kulakov & Nurgamaa 2012 : 75). At present, this view dominates the narrative about the origins of the Poluverniki in the local museum of Iisaku. Another component of this narrative is that they became Russian-speaking through Russification imposed by the Tsarist education system (pers. comm. with the museum staff in 2025).[1]

Linguists have been unable to offer independent insight into the origins of this population, and this can be attributed to at least two factors. Firstly,

[1] This conviction is quite old, as it was reported by Ariste in the first half of the 20th century: "The use of the Russian language is often explained by later Russification" [our translation] (Ariste 1930 : 367).

Map 2. **Villages with inhabitants reported as Poluverniki at the beginning of the 20th century.**

the Poluverniki as documented in the 20th century are the result of multiple linguistic assimilations, which are difficult to disentangle based solely on synchronic linguistic evidence; unfortunately, the earliest usable recordings of their language date from the 1960s. Secondly, any linguistic hypothesis about their origins would necessarily rely on expertise in both Finnic and Russian dialects. Given how insular and separated from each other Finnic and Russian dialectological research traditions have been throughout the 20th century, meaningful progress in this area has only become feasible with the advent of modern digital tools — such as dialect corpora and interactive dialect maps — which facilitate the convergence of evidence from different fields of expertise, independently of academic institutions or traditions.

This study examines structural features of the Poluverniki's linguistic output as documented in the available recordings, with the aim of lifting the veil of mystery surrounding their ancestry. While we do not seek to invalidate the dominant narrative about their ethnic and linguistic origins, we aim to broaden it, demonstrating that the issue is far more complex with regard to both their Finnic and Russian linguistic backgrounds. Before addressing the linguistic issues, however, a brief overview of the region's history is warranted.

According to the prevailing scholarly view, the region was inhabited during the Iron Age by a Southern Finnic population indigenous to northeastern Estonia and bearing a resemblance to the Votic people as we know them from more recent history. In the 12th—13th centuries, another group of linguistically and culturally "Slavicized" Votes is believed to have migrated across the Narva River into northeastern Estonia (Moopa & Moopa 1965 : 65—66; cf. Selart 1998 : 63—67; Valk 2020 : 415—416). Between the 1560s and the Great Northern War, Alutaguse (comprising the later parishes of Lüganuse, Jõhvi, Vaivara, and Iisaku) was under Swedish rule and frequently

served as a destination for migration from Russia, especially from Ingria and the Gdov area (Liiv 1929 : 4, 21, 29, 30).[2] Among the reasons peasants migrated from across the Narva River into Alutaguse, according to Otu (Otto) Liiv, was the enactment of a law in 1597 that heavily restricted peasant mobility in Russia and in reality encouraged escape from manorial control. The emergence of a Russian-speaking population in Alutaguse can also be explained by the fact that during this period, Gdov area repeatedly came under Swedish control (in 1582—1583, 1612—1613, and 1614—1620), and it is plausible that the Swedes used these periods to bring peasants from there (Liiv 1929 : 30; see also Tarkiainen 2013 : 274—276).

During the 17th century, Swedish authorities restricted Orthodox worship and actively encouraged the peasantry around Iisaku to convert to Lutheranism (Liiv 1929 : 74; for a broader perspective, see Isberg 1973). As a result, the local population — later referred to by the exonym *Poluverniki* — adopted Lutheranism. Although in the early 20th century most Poluverniki identified as Lutherans, their Protestantism retained elements of their former Orthodox traditions, which distinguished them from the surrounding Estonian population (Liiv 1929 : 68—69; Kulakov & Nurgamaa 2012 : 68).

A milestone in the region's history was the migration of Russian Old Believers to Estonia in the 1690s. This influx, adding to the population of Russians who had lived there since the Middle Ages (or even the Late Iron Age), significantly increased the Russian-speaking population in eastern Estonia. Over the following centuries, the Old Believers who settled along the northern coast of Lake Peipus became, alongside other Orthodox populations in the area, the closest Russian-speaking neighbors of the Poluverniki. Alutaguse came under de facto Russian control in 1704, and by 1708, the parishes of present-day Ida-Virumaa were incorporated into the Governorate of Ingria (Liiv 1929 : 50; Zetterberg 2007 : 258—263). The early years of Russian rule witnessed a renewed influx of settlers from Russia into Ida-Virumaa, including Alutaguse; the migrants were predominantly peasants fleeing Russian landlords (Liiv 1929 : 50). This wave of migration, however, was short-lived, and after 1730, immigration from Russia was only sporadic (Liiv 1929 : 54).

Because of their religion and distinctive language(s), Poluverniki have traditionally been regarded as outsiders by both local Estonians and Russians.[3] However, during the 20th century, the Poluverniki gradually assimilated linguistically and culturally into the Estonian population.

2. Why are the Poluverniki challenging for a linguist?

To outsiders, the most striking feature of Poluverniki speech was the mixing of Russian and Estonian, both spoken "incorrectly" (see, e.g., Kulakov & Nurgamaa 2012 : 66—67). For example, their Estonian was characterized by devoicing of the consonants in auslaut (*àe**k*** 'time' (Est. *aeg*), *kùl**t*** 'gold' (Est. *kuld*), *vär**f*** 'color' (Est. *värv*)); /h/ was often replaced by the velar-palatal [χ] (*rà**χ**a* 'money' (Est. *raha*), *vi**χ**ma* 'rain' (Est. *vihma*)); the vowels /e/ and /o/ were often pronounced with a higher onset (*ⁱè**m**a* 'mother' (Est. *ema*), *ära*

[2] In 1642, Alutaguse was administratively annexed to Ingria (Liiv 1929 : 4).

[3] Ariste (1930 : 367) articulated it as follows: „*Ja tõepoolest, poluvertsik ei ole kumbagi. Ta on n.-ö. venelasest välja saanud, aga eestlaseks pole veel jõudnud*" 'And indeed, the Poluvertsik is neither. He is, so to speak, someone who has come out of being Russian, but has not yet become Estonian'.

lʷòra 'Don't babble!' (Est. *ära lora*)); the inessive form of the *ma*-infinitive was usually replaced by a form without an ending (*ole juba kartuliväljal kartuli* ***panema*** (Est. *panemas*) 'Get to the potato field and start planting already.'); and the dependent of the numeral was often in the genitive rather than the partitive case (*kaks* ***tütre*** (Est. *tütart*) 'two daughters'). All these features can be explained by contact with Russian (Must 1965 : 109—110).

Conversely, features characteristic of their Russian include the vowels /ä/, /ö/, /ü/ (e.g., *stänùľi* 'they tightened' (Rus. *стянули*), *pǿstri* 'motley' (Rus. *пёстрий*), *kŕüķ* 'hook' (Rus. *крюк*)), the frequent lack of palatalization (e.g., *мат* [mat] 'mother' (Rus. *мать*), *стэкло* [steklo] 'glass' (Rus. *стекло*), *толка* [tolka] 'only' (Rus. *только*), *пальто* [palto] 'overcoat' (Rus. *пальто*), *больница* 'hospital' [balnitsa] (Rus. *больница*)), and other features that have been explained as reflecting an Estonian or, more generally, Finnic substrate (Must 1965 : 114—116; Хейтер 1970 : 124—125, 130, 132, 138; Kulakov & Nurgamaa 2012 : 89—90). The last feature — the absence of palatalization — points to a Northern Finnic dialectal base, such as that found in the coastal Estonian dialect, rather than to a Southern Finnic one, as the Votic hypothesis would imply. In Section 4.1, we discuss such features in greater detail.

Examples (1)—(3) illustrate the way the Poluverniki interwove elements of Russian and Estonian in their speech. As in other mixed linguistic varieties, the distribution of material from the two languages within utterances was not random but governed by certain constraints. Sentence- and clause-level grammar tended to be Russian, whereas at the phrase level, Estonian linguistic matter was common. The examples come from the candidate dissertation of Helle Heiter and, as elsewhere, are presented in the original transcription (see Must 1965 : 115 and Kulakov & Nurgamaa 2012 : 90 for further examples); the Estonian transfers are in capital letters.

(1) *увели́* *на* *ПА́РАНДУСТ'ОЭЛЕ*
send:PST.3PL to corrective_work:ALL
'They were sent to perform community service' (Хейтер 1970 : 185)

(2) *йани* *из* *МЕХИКООРМАСТ*
they from Mehikoorma:ELA
'They are from Mehikoorma' (Хейтер 1970 : 185)

(3) *падýмал,* *пачемý* *йа* *этих* *хрест'йáн* *зр'á*
think:PST.M why I these:ACC peasant:ACC for_nothing
ÓР'ЙАН
be_slave_of:PRS.1SG
'I thought to myself, why am I serving (lit. be a slave of) these peasants' (Хейтер 1970 : 201)

Heiter notes that in this "mixed language" Estonian words often occur with Russian inflectional endings, whereas Russian words do not occur with Estonian bound morphemes (Хейтер 1970 : 186—187). However, she later concedes (p. 298) that this is marginally possible and presents example (4) with the Estonian additive clitic *=gi* attached to the Russian past tense form of the verb 'die'.

(4) *йана* *в* *прошлъм* *году* *умерла=ги*
she in last:PREP year:LOC die:PST.F=ADD
'She then died last year' (Хейтер 1970 : 298)

While this is promising material for research on mixed languages and language death, it is not what provoked us to look deeper into the language of the Poluverniki. Our inquiry was prompted by features in their speech that appear incompatible with prevailing assumptions regarding their descent and the affinity of their vernaculars with the neighboring Russian and Estonian (or Finnic) dialects.

At present, the Votic descent of the Poluverniki is taken for granted across disciplines such as archaeology, folklore studies, and ethnology. Since early Votes (or a Votic-like population) are regarded as indigenous to the area, this assumption implies that the linguistic roots of the Poluverniki should not be sought farther afield. The Votic linguistic substrate would then have largely dissolved into their Estonian variety, which on dialect maps is situated between the northeastern Estonian dialect and the eastern dialect of North Estonian, as well as into their Russian variety, which has been assumed to align with the contemporary Central Russian dialect continuum. This latter assumption implies that the Russian variety spoken by the Poluverniki is structurally contiguous with the varieties spoken on the northern coast of Lake Peipus (e.g., in Alajõe and Remniku) and with the Gdov dialect of Central Russian (Must 1965 : 112, 115; Орлова (ed.) 1970 : 449).

We will examine features of Poluverniki speech that challenge both the Finnic and the Russian sides of the puzzle, i.e., (a) the alleged Votic–(North)eastern Estonian origins, i.e., the Southern Finnic linguistic ancestry of the Poluverniki, and (b) the structural contiguity of their Russian variety with the neighboring Russian dialects. These features will be studied in Sections 4.1 and 4.2, respectively, but we first consider two of them for illustration.

The Estonian variety spoken in the 1960s in Vaikla and Liivaküla, on which we focus as it is considered prototypical of the language(s) of the Poluverniki, often lacks (especially in the speech of elderly speakers) the unround central vowel /õ/ (Must 1965 : 121; Kulakov & Nurgamaa 2012 : 84—85), despite the fact that /õ/ is characteristic of both the neighboring northeastern Alutaguse dialect and the eastern North Estonian dialect (Pajusalu & Hennoste & Niit & Päll & Viikberg 2020 : 157, 170), as well as of Votic. Likewise, the Russian spoken by the inhabitants of these villages is not entirely structurally contiguous with the Russian vernaculars spoken on the northern coast of Lake Peipus and in the Gdov area. Fieldworkers observed excessive okanye in Vaikla and Liivaküla, i.e., the differentiation of /o/ and /a/ in unstressed positions, while in these areas akanye, i.e., the merger of these vowels in unstressed positions, prevails. This structural discontinuity with the adjacent Finnic and Russian dialects prompts us to reassess the existing assumption regarding the linguistic affinity of the Poluverniki. The central research question of this study is: **What are the origins of the language(s) of the Poluverniki?**

This question can be refined into more specific questions, addressing the Finnic and Russian dimensions of the puzzle:

(i) Finnic: Can the Finnic elements in the Poluverniki's language be stratified? To what extent have different Finnic varieties contributed to the formation of their vernacular?

(ii) Russian: Where does their Russian come from? Considering the early arrival of a Slavic-speaking population in the area and recurrent immigration

from Russia in the Late Middle Ages and the Early Modern Period, can specific linguistic features be identified that link the Russian variety spoken by the Poluverniki to Russian dialects beyond the immediate vicinity of Lake Peipus and Gdov area?

3. Data and method of study

The Archive of Estonian Dialects and Finno-Ugric Languages (EMSUKA) at the Institute of the Estonian Language contains approximately eight hours of audio recordings featuring 18 speakers from Iisaku and the surrounding villages (including Liivaküla, Vaikla, Kuru, Sälliku, and Sõrumäe, among others), collected between 1962 and 1965 (see EMH-Iis). Approximately two and a half hours of these recordings are in Estonian; the rest are in Russian.[4] A major limitation of this material lies in the fact that fieldworkers conducted interviews in either (standard) Russian or Estonian. The consultants, who were fluent in both languages, accommodated the interviewers by consistently responding in the language imposed on them.[5] As a result, the recordings offer limited insight into the structure of the language(s) the speakers used among themselves in the absence of field linguists. It may be assumed that Estonian played a more prominent role in the speakers' domestic interactions than is reflected in the existing recordings. While all Estonian members of the field expeditions spoke and understood Russian, some of the Russian members did not understand Estonian.[6] It can be heard in the recordings that the interviewers sometimes insist that the consultant speak Russian, even when it is evident that the latter feels more comfortable expressing herself in Estonian.[7]

The leading figures in these field expeditions were Mari Must and Helle Heiter from the University of Tartu. The recordings housed at the Institute of the Estonian Language represent only a portion of the material collected by Estonian and Russian dialectologists during the 1960s and 1970s. A list of consultants — beyond those featured in the EMH-Iis recordings — along with their places of residence, is available in Хейтер (1970 : 329—330) and Kulakov & Nurgamaa (2012 : 78).

The findings of these expeditions were published in a series of articles (Must 1965; Хейтер 1967; 1971; 1975) as well as in Helle Heiter's candidate dissertation (Хейтер 1970) — a 330-page manuscript describing the phonology and morphology of the Russian variety of the Poluverniki. Given the limitations of the available primary sources, the present study relies on these secondary sources, which are based on a substantially larger body of data and reflect the expertise of researchers with experience in the field. In addition, we analyzed Truusmann's Poluverniki Russian word list (Трусмань 1895 : 29—34) to identify possible Finnic loanwords and other archaic features of their language. Examples from these secondary sources are reproduced without alteration, using the original transcription employed by the authors.

[4] A portion of this audio material has been transcribed; approximately 90% of the transcriptions are from recordings in Russian.

[5] Three consultants, L. M., O. K. and J. H., were interviewed in both languages, first in Russian and then in Estonian.

[6] For instance, a scholar from Moscow who interviewed the consultant M. K. in 1962 evidently had no knowledge of Estonian.

[7] A good example is consultant K. K., who hesitates and searches for words in Russian during the interview. Similarly, consultants A. S. and I. R. occasionally lapse into Estonian, forgetting the instruction to speak Russian.

The method we use involves extracting features of Poluverniki Estonian and Russian from these sources and placing these features in a genealogical and geographical context, i.e., on the Finnic and Russian dialect maps. Ideally, such an approach enables the stratification of the language(s) of the Poluverniki, whereby particular features are linked to distinct historical dialect areas.

In seeking to broaden the discussion surrounding the ancestry of the Poluverniki, we focus on linguistic features that challenge the prevailing view of their origins. Specifically, we examine elements of their language(s) that counter the assumption of Votic descent and question the notion that the structural properties of their Russian variety are entirely predictable based on their geographic proximity to the neighboring Russian dialects.

4. The vernacular(s) of the Poluverniki in the context of Finnic and Russian dialects

4.1. Finnic

Several Finnic languages and dialects have historically been spoken in and around northeastern Estonia. In fact, this region is one of the most diverse core areas of Finnic languages. At least four Finnic languages were once spoken here — Estonian, Votic, Ingrian (Izhorian), and Finnish — in particular, the southeastern Häme and southeastern dialects of Finnish spoken by migrants from across the Gulf of Finland since the late Iron Age, and the Ingrian Finnish dialects spoken by more recent migrants. Furthermore, Petri Kallio has recently highlighted the linguistic peculiarities of Kukkusi, which has previously been described as a dialect of Votic. According to Kallio (2024 : 305—308, 317), Kukkusi could be considered a distinct Northern Finnic variety that later received influences from both Votic and Ingrian.

Historically, there have been at least four Estonian dialects spoken in northeastern Estonia: (1) the Alutaguse (or northeastern) dialect and (2) the coastal dialect, both belonging to the northeastern-coastal dialect group; (3) the eastern dialect of North Estonian, and (4) the subdialects of the northeastern group of the North Estonian central dialect. These four Estonian dialects have distinctive features in pronunciation, grammar, and vocabulary (see Pajusalu & Hennoste & Niit & Päll & Viikberg 2020 : 85—90, 162—172). Although the northeastern and coastal dialects have traditionally been grouped together in Estonian dialectology (Must 1987), the northeastern dialect is closer to Votic, which is a Southern Finnic language, while the Estonian coastal dialect along the Gulf of Finland has developed from a Northern Finnic variety. In addition, the northeastern Vaivara subdialect (marked as Vai on Map 1) stands out from the other coastal dialects; together with Eastern Finnish, Ingrian, and Karelian, it originates from Proto-Karelian (see Kallio 2024).

Thus, northeastern Estonia forms a dialect area that has developed through multiple contacts between Finnic varieties of different origins. Whereas Alutaguse and the central and eastern dialects of North Estonian, as well as Votic, are Southern Finnic varieties, coastal Estonian, Vaivara, Ingrian, and Ingrian Finnish are genealogically Northern Finnic varieties. However, multiple episodes of language contact and language shift over the course of history have blurred this distinction. As a result, neighboring varieties as documented in the 20th century often lack sharp structural boundaries and, in many respects, resemble a dialect continuum.

The Southern Finnic languages are characterized by several phonological innovations, the most striking of which are the emergence of a ternary length opposition through the differentiation of long and overlong quantities and the lexical spread of the illabial /õ/ [ɤ] in place of /e/, and later also /o/ and other back vowels (Pajusalu 2012). However, in the northeastern Estonian language area under consideration, the three-way quantity opposition has not been fully developed in the Southern Finnic variety of Alutaguse or in Votic; the word prosody of these Southern Finnic varieties is somewhat closer to that of the neighboring Northern Finnic varieties. The central and eastern dialects of North Estonian, on the other hand, are characterized by a regular opposition of three quantity degrees. In this context, it is relevant to note that the Estonian spoken by the Poluverniki does not exhibit the phonological opposition between long and overlong quantities and thus lacks the three-way contrast.

In addition to word prosody, the Northern and Southern Finnic languages are distinguished by the presence of the illabial central (phonologically back) vowel /õ/ [ɤ] mentioned above. In the Votic language, in Võro and Seto South Estonian, and in the insular Kihnu dialect, there is also velar *õ*-harmony, in which *õ* appears as the equivalent of *e* in back-vowel words, cf. Votic *tähe* 'star.GEN' and *tahõ* 'head of grain'. In Alutaguse and, more broadly, in eastern Estonian (i.e., Kodavere), /õ/ is a frequent vowel in the first syllable, replacing the historical /o/ in many words, but *õ*-harmony is not evident there, e.g., *õle* 'be.IMP', cf. Est. *ole*, Võro *olõ*'; *õmmeti* 'yet', cf. Est. *ometi*, Võro *ummõhtõ*. On the other hand, the illabial /õ/ does not occur at all in the coastal dialects, including coastal Vaivara, or in Kukkusi Votic, Ingrian, or the Ingrian Finnish dialects. Notably, in the Russian dialect of the Poluverniki, as well as in the Estonian spoken by older Poluverniki,[8] the central illabial vowel (Est. *õ*, Rus. *ы*) is usually replaced by other vowels. Given that the coastal Estonian dialects display a pronounced Northern Finnic substrate, and that Kukkusi, Ingrian, and Ingrian Finnish are essentially Northern Finnic varieties, it is plausible to associate the Poluverniki community — at least in part — with a Northern Finnic-speaking population. In fact, Ingrian traits in the language and material culture of the Poluverniki have occasionally been noted in the literature (see Must 1965 : 121—122; Kulakov & Nurgamaa 2012 : 62, 78, 88—89), but these have consistently remained overshadowed by the prevailing Votic (Southern Finnic) hypothesis concerning their ancestry.

An important source for explaining the earlier Finnic background of the Poluverniki, in addition to their Estonian dialect, is the set of Finnic loanwords in their Russian variety. Truusmann presented an extensive list of peculiar words in the Russian dialect of the Poluverniki (Трусмань 1895 : 29—34), several dozen of which he identified as Estonian borrowings, although these are probably loans from different Finnic dialects and from different ages. The number of Finnic loanwords in his list is probably higher than the number he explicitly marks as loans, and identifying their origins would help to determine which Finnic varieties were assimilated into their Russian. Crucially, none of the Finnic loanwords presented by Truusmann contain the *ы*-vowel.

The dialects of northeastern Estonia are generally characterized by great internal heterogeneity. The western and southern parts of the region, i.e.,

[8] This vowel is found in the speech of younger speakers in the above-mentioned recordings from the 1960s.

the area around Iisaku where the Poluverniki lived, are also linguistically diverse; there are influences from different directions, including those from the central dialect of North Estonian, which formed the basis of modern Common Estonian (see Must 1965; 1987 : 335).

The northeastern Estonian dialect in the parts of Iisaku parish where the Poluverniki lived has been recorded most extensively by Mari Must (1995 et seq.). Since Must was well acquainted with the language usage of both the monolingual Estonians and the bilingual Poluverniki of the region, her observations on the distinctive features of the Estonian dialect spoken by the Poluverniki are important.

Must (1965) highlights many features shared by Poluverniki Estonian and the coastal dialects of northeastern Estonia in their phonetic system, grammar, and vocabulary. She mentions nine phonetic phenomena: (i) the absence of ternary quantity alternation, which is also related to (ii) the transformation of short geminate plosives into single plosives (this is characteristic of the so-called Finnish-like coastal dialects elsewhere in the region); (iii) restrictions on the palatalization of consonants (in Poluverniki Estonian, palatalization is primarily coarticulatory, i.e., occurs with a consonant followed by a front vowel); (iv) in the initial syllable, the mid-high *e* is retained before a nasal, as in *menema* 'to go', cf. Est. *minema*, Fin. *mennä*; *nena* 'nose', cf. Est. *nina*, Fin. *nenä*; *penk* 'bench', cf. Est. *pink*, Fin. *penkki*; (v) diphthongization of long low vowels does not occur, e.g., *maa* 'earth, land', cf. Est., Fin. *maa*, East Est. *mua*; *pääl* 'on', cf. Est. *peal*, Fin. *päällä*; *sääl* 'there', Est. *seal*, Fin. *siellä*, South Est. *sääl* (however, diphthongs also occur, e.g., *ia* 'good', cf. Est. *hea*, Fin. *hyvä*; *pial* 'on', *sial* 'there'); (vi) retention of long /üü/, e.g., *müüma* 'to sell', Est. *müüma*, North Est. *müima*; *nüüt* 'now', Est. *nüüd*, North Est. *nüid*; *rüüpad* 'you sip', Est. *rüüpad*, North Est. *rüipad*; (vii) rising diphthongs ending in *-i* and *-u*, such as *kaiv* 'well', cf. Est. *kaev*, Fin. *kaivo*; *laiv* 'ship', Est. *laev*, Fin. *laiva*; (viii) the diphthong after a secondarily stressed syllable in the *laine-* suffix, e.g., *mesilaine* 'bee', cf. Est. *mesilane*, Fin. *mehiläinen*; *sugulaised* 'relatives', Est. *sugulased*, Fin. *sukulaiset*; and (ix) limited syncope, e.g., *andand* 'gave', cf. Est. *andnud*, Fin. *antanut*; *laulama* 'to sing', Est. *laulma*, Fin. *laulamaan*; *vaskised* 'coppers', Est. *vasksed*, Fin. *vaskiset* (see Must 1965 : 116—117; cf. Must 1987 : 154—155). These phonological features are particularly typical of the Northern Finnic dialects of the region, such as the coastal dialects and Kukkusi. However, it is important to note that these features are mostly archaic, indicating historically primary Finnic phonological traits.

Must (1965 : 121) points out striking differences between Poluverniki Estonian and the language used by the monolingual Iisaku Estonians, the most notable of which is the absence of the vowel /õ/ in the speech of older bilingual Poluverniki. Although the language of younger speakers, similarly to the language of monolingual Estonians in the surrounding area, has even more /õ/ than Common Estonian, e.g., *õlen* 'I am', Est. *olen*; *kõhe* 'immediately', Est. *kohe*; *kõrd* 'once', Est. *kord*, the older speakers, especially in the centrally located villages of Vaikla and Liivaküla, do not have /õ/ at all.

In the Russian variety of the Poluverniki, there are also Finnic loanwords in which the stem vowel of the first syllable corresponds to the expected Northern Finnic initial vowel, which later changed to /õ/ in Estonian and Votic (in addition to Трусмань 1895, see also Kulakov & Nurgamaa 2012 : 63—64). For example, the original Finnic labial /o/ has been preserved in

some loanwords formed with the diminutive suffix *-ša* [ʃa], such as *ноткуша* [notkuʃa] 'hollow' (< **notko*, cf. Vaivara, Kukkusi *notku*) and *лоймуша* [loimuʃa] 'warp' (< **loimi*, cf. Viru-Nigula, Vaivara *loime*, Est. *lõim*, Vot. *lõimi*). Must (1965 : 121) mentions that the labial /o/ is also pronounced in some words where /e/ or /a/ could be expected, e.g., *polt* 'field' (cf. Kukkusi *peлto*, Fin. *pelto*, Vot. *põlto*, Est. *põld*), *soobrat* 'friends' (cf. Kukkusi *sebrot*, Kymenlaakso Fin. *seprat*, Vot., Est. *sõbrad*), *sona* 'word' (cf. Kukkusi, Fin. *sana*, Vot., Est. *sõna*). In rare cases, /u/ or /ö/ also appears instead of the expected /o/, e.g., *nuges* 'nettle' (cf. Fin. *nokkonen*, Est. *nõges*, Votic *nõkõn*), *löppep* 'ends' (cf. Kukkusi *лopub*, Fin. *loppuu*, Est. *lõpeb*, Votic *lõpub*).

Instead of the Finnic /e/, there is /i/ in loanwords such as *пиргуша* [pirguʃa] 'hell' (< **perk-*, cf. Kukkusi *perku* 'evil', Est. *põrgu*, Votic *põrku*) and *ниркебитъ* [nirkebitʲ] 'weaken' (< **nerk-*, cf. western Finnish *nerko* ~ *nerkko*, Est., Votic *nõrk* 'gloomy', coastal Estonian (Jõe Kuu Hlj) *nork*, (VNg Vai) *norka*); *кордуша* [korduʃa] 'order of works' is probably a newer loanword from an *õ-* or later *o*-based original word (cf. northeastern Est. (Lüg Jõh) *kõrd*, Vot. *kõrta*, Est. *kord*).

The occurrence of /o/ instead of Southern Finnic /õ/ in the first syllable of some words is a change that is characteristic of the broader northeastern Estonian dialect area. Tiit-Rein Viitso has described this sound change as especially typical of Central Vaivara (Viitso 2008 : 60, 102; on the concept of Central Vaivara, see Toomse 1938 : 6). In the Central Vaivara subdialect, the change /õ/ > /o/ has occurred systematically in all *õ*-words, but in the Finnic dialect of the Poluverniki it appears only in a certain word group, where it has also occurred in neighboring Estonian dialects. In several words of the Poluverniki variety, however, /õ/ corresponds to some other vowel, as shown above.

In addition to its specific phonetic features, Poluverniki Estonian has several morphological and syntactic features that distinguish it from the surrounding Alutaguse dialects. Mari Must presents morphological similarities between the Poluverniki Estonian dialect and the other Finnic dialects in the region: (i) endingless singular partitive forms, especially in two- and three-syllabic words with a long initial syllable, e.g., *taigna* 'dough' (cf. Est. *taignat*), *lusika* 'spoon' (cf. Est. *lusikat*), *rumala* 'stupid' (cf. Est. *rumalat*), (ii) plural partitive forms in *(a)id*, e.g., *kuivaid* 'dry' (cf. Est. *kuivi* or *kuivasid*), *pikkaid* 'tall' (cf. Est. *pikki*), *vanaid* 'old' (cf. Est. *vanu* or *vanasid*), (iii) *da*-infinitive forms with an analogical marker, e.g., *niitada* 'to mow' (cf. Est. *niita*), *võttada* 'to take' (cf. Est. *võtta*); and (iv) geminate *mm* in the *ma*-infinitive and in the first person plural forms after a secondarily stressed syllable, e.g., *kuivatamma* 'to dry' (Est. *kuivatama*), *laulasimme* 'we sang' (Est. *laulsime*), *tantsisimme* 'we danced' (Est. *tantsisime*). (Must 1965 : 117—118; 1987 : 102—105) These features are again characteristic of the coastal dialect of northeastern Estonian.

On the other hand, Must presents several morphological differences between the Poluverniki Estonian variety and eastern coastal Estonian. For example, the recorded Poluverniki variety does not have an *i*-plural, a *je*-marked illative, or the essive case; in the first person plural, the ending *-ma* ~ *-mma* is replaced by *-me* (e.g., *tuleme* 'we come' instead of *tulema*) and in the second person plural, the ending *-tta* is replaced by *-te* (e.g., *tulete* 'you come' instead of *tuletta*); the negative verb does not inflect (e.g., *me ei tule* 'we do not

come'); and the second person plural form of the imperative is formed with the *ke*/*ge*-suffix, as in *tulge* 'you must come' (cf. northeastern Estonian and Votic *tulga*), etc. (Must 1965 : 122). In such grammatical forms, the influence of central or common North Estonian is probable.

The vocabulary of the Poluverniki Estonian variety contains many words characteristic of the northeastern Estonian dialects, such as *aigetama* 'to hurt', *reigas* 'bar', and *virsud* 'bast shoes', several of which also have equivalents in coastal or even Finnish dialects; other words are also known in the eastern dialect of North Estonian, such as *ketutama* 'to shell', *lesemed* 'chains, hooks', and *säppel* 'pan tongs' (Must 1965 : 118). However, there are also some words that have equivalents only in Votic, such as *kobri* 'wooden grain shovel' (see Kulakov & Nurgamaa 2012 : 75).

Based on the available linguistic evidence, we assume that the Finnic ancestors of the Poluverniki spoke a variety closely related to the coastal dialects of northeastern Estonia. Over the course of their subsequent history, however, they came into contact with several other Finnic languages and dialects of the region. As a result, the Southern Finnic component of their language gradually gained prominence over the earlier Northern Finnic stratum.

4.2. Russian

The following analysis draws primarily on Heiter's unpublished dissertation (Хейтер 1970), which demonstrates that the Russian variety of the Poluverniki is in many respects a natural continuation of the dialects spoken along the northern coast of Lake Peipus and in the Gdov area. However, Poluverniki Russian also exhibits features that distinguish it from these westernmost Central Russian dialects. We will focus on such cases of structural discontinuity with the closest surrounding dialects.

We read Heiter's dissertation and compiled a list of candidate features. The list included: (i) features that she contrasts with those of the Russian dialects spoken along the northern or western coast of Lake Peipus (or at least does not associate with them); (ii) features she does not explicitly link to the Gdov dialect; and (iii) features she characterizes as Northern Russian (while the dialects spoken in the 20th century around Lake Peipus and the Gdov dialect are Central Russian dialects). In essence, we sought features in Heiter's work that are absent from the immediate vicinity and may indicate links to more distant regions. As an additional criterion (iv), we excluded features that could plausibly be attributed to Estonian (or Finnic) influence on the Russian spoken by the Poluverniki.

We arrived at a list of nine features meeting these criteria. We then searched for these features in the first volume of the Atlas of Russian Dialects (DARJa I[9]) and the Interactive Map of Russian Dialects (IMRD), and when these did not provide sufficient clues about their distribution in Russian dialects, we consulted specialized dialectological literature.

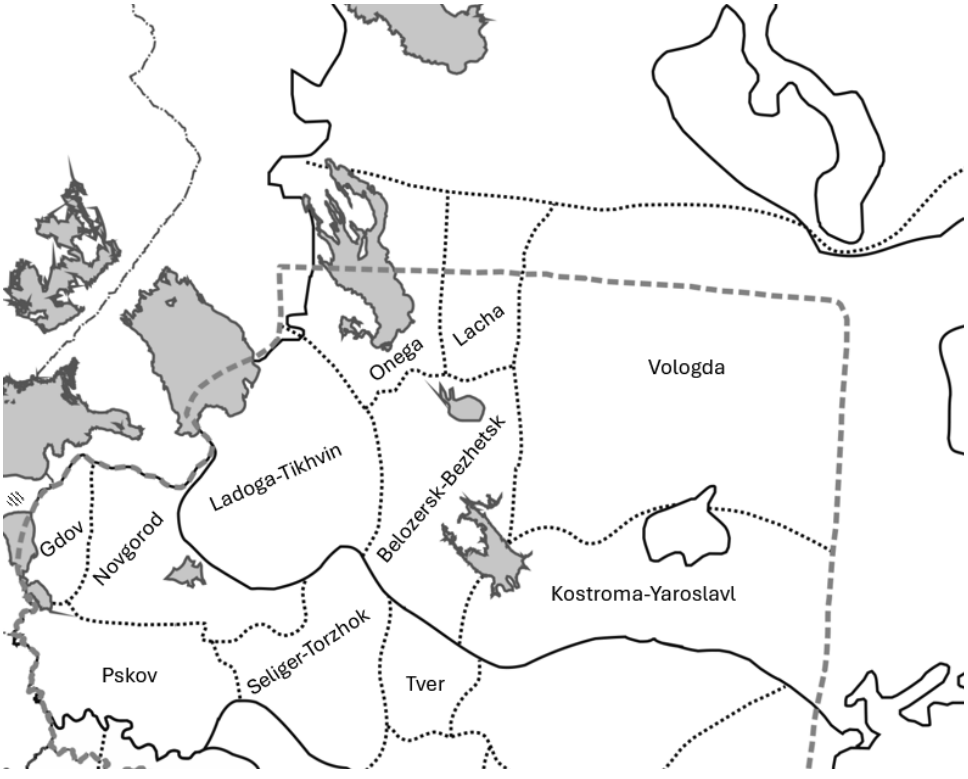
A conventional map of the Russian dialects is presented below. Map 3 only shows the so-called dialects of early (or primary) formation; the dialects of late (secondary) formation are not enclosed by the lines of the map. The dialects of primary formation occupy the northern and central regions of European Russia, where the Russian language evolved from the Slavic dispersal

[9] See also DARJa I/Vs for a description of the dialect features included in the maps.

until the 15th century. The dialects of secondary formation are spread across the rest of Russia and beyond, in territories that were colonized after the formation of the Russian language had been completed. There are some fundamental differences between dialects of primary and secondary formation. The territory inhabited by speakers of primary dialects is a continuous area, whereas the territory of secondary dialects often consists of discontinuous regions of Russian settlement, i.e., island-like areas surrounded by other, typically non-Slavic groups. The dialects of secondary formation are often mixed dialects, as they arose through migration from different regions of the area of primary formation (Захарова & Орлова 2004 : 29—31; Баранникова 2005 : 192—201). Since only the primary formation area exhibits a coherent geographic distribution of structural features, traditional Russian dialectology has focused on it. Consequently, dialect maps and atlases (including DARJa I) present variation solely within the primary area.

As can be seen in Map 3, Ingria is beyond the area of primary formation. Therefore, DARJa I does not contain information about the occurrence of the selected features in Ingria; IMRD, on the other hand, contains such information from several locations in Ingria.

Before we proceed, we need to clarify what we mean by saying that a feature does not occur in the immediate vicinity of the Poluverniki area but only farther away. There are 11 locations in IMRD within 50 km of Vaikla



Map 3. **Central and Northern Russian dialects. Thick black lines designate the borders of major dialect areas: Northern, Central, and Southern. The thick gray broken line encloses the dialects of primary formation (separating them from the dialects of secondary formation). Thin black broken lines enclose dialects within the major dialect areas.**

(the most important center of the Poluverniki), for which phonological and morphological information is presented. These are Remniku, Alajõe, Uusküla, Lohusuu, and Kallaste on the Estonian coast of Lake Peipus, and Vtroya (Втроя), Perevolok (Переволок), Zagriv'e (Загривье), Kanunovshchina (Кануновщина), Zaborov'e (Заборовье), and Zaborozhka (Заборожка) in the Gdov dialect area in Russia.

A feature is considered to exhibit a discontinuous distribution on the map if it meets the following criteria: (i) it is attested in the Poluverniki data; (ii) it is absent from all locations within a 50-km radius of Vaikla for which relevant information is included in IMRD; and (iii) it is attested elsewhere in Russian dialects. We consider 50 km a sufficient distance to warrant the classification of a feature in the Poluverniki dialect as geographically 'discontinuous' within the context of Russian dialect mapping.[10]

Only three features from our initial list satisfied the above criteria. The remaining features were either attested along the coast of Lake Peipus and/or in the adjacent Gdov dialects across the border, or we were unable to find information in the literature about their precise geographical distribution. The features that passed our filter are presented below in two categories: vowel- and consonant-related features. We begin, however, with a feature of the vowel system that, strictly speaking, does not pass the filter, but nevertheless displays a meaningful distribution pattern in our data — a distribution of a gradual rather than categorical character.

4.2.1. Vowels

Okanye (as opposed to **akanye**). The term 'okanye' refers to the distinction between the phonemes /o/ and /a/ in an unstressed position after a non-palatalized consonant, whereas 'akanye' refers to their merger into a central-back vowel somewhat close to /a/ (Аванесов 1974 : 143—149). Whether a variety features okanye or akanye in its vowel system is usually decided based on the vowel quality of the first syllable before the stressed syllable (i.e., the decision is based on the first pretonic syllable; cf. *вод́а* vs. *въд́а* 'water').[11]

In the material recorded by Heiter and her colleagues in the 1960s, the Russian of the Poluverniki is generally characterized by non-dissimilative (or strong) akanye, which means that the merger of /a/ and /o/ in the pretonic syllable does not depend on the exact vowel quality of the stressed syllable. However, in Vaikla and Liivaküla, especially in the speech of the older generation, Heiter also encounters frequent okanye (*дровá* 'firewood', *небол'шáйа* 'small:F', *продáжа* 'sale'), which leads her to the conclusion that okanye was likely more widespread earlier in these villages (Хейтер 1970 : 45, 66). In the other unstressed syllables, the non-differentiation (or neutralization) of /o/ and /a/ is common in the area but not as prevalent as in the villages on the northern coast of Lake Peipus (Хейтер 1970 : 57—58). The vowel distinction is least well preserved in the syllables following

[10] Note that the Russian border is only 24 km away from Vaikla in a straight line.
[11] As we are not interested in the exact phonetic qualities of the sounds but in the phenomena of okanye and akanye as such, we use Cyrillic in the following examples rather than IPA (in which case we would have [voˈda] vs. [vʌˈda]). Most of the attested examples below are from Heiter's dissertation, and we follow her Cyrillic transcription.

the stressed syllable, especially in a non-final syllable or in a final closed syllable; the neutralization is somewhat less advanced in syllables preceding the stressed syllable (in the second or third pretonic syllable) and in the final open syllable (Хейтер 1970 : 57). However, in the speech of older residents of Vaikla and Liivaküla, she often observes the preservation of vowel quality in the second or third syllable preceding the stressed syllable (e.g., *лошад'я* 'horses') and in the posttonic syllable, even when the latter is non-final (e.g., *з го́рода* 'from the town', *н'е́катори* 'some') or final and closed (e.g., *со́рок* 'forty') (Хейтер 1970 : 59, 66).

Based on the above evidence, as well as the frequent absence of jakanye in the speech of her consultants (see below), Heiter concludes that the dialect spoken in Vaikla and Liivaküla had earlier been an **okanye dialect**. This dialect must have had a Northern Russian vowel system, which over time acquired akanye (Хейтер 1970 : 66, 76—78). She assumes that the influx of speakers of akanye varieties from the Gdov and Pskov areas in the 16th—17th centuries gradually led to an increase in akanye (and associated phenomena, see below) and, eventually, to a vowel system dominated by akanye (Хейтер 1970 : 77—78).

How do these observations and assumptions compare with the information we obtain from Russian dialect maps, which were published after Heiter's dissertation?

Studying IMRD and DARJa I, we find not only akanye but also okanye in the first pretonic syllable in the Gdov dialect, e.g., just across the Narva River, in Zagriv'e, Perevolok, and Vtroya. On the northern coast of Lake Peipus (in Remniku, Alajõe, and Uusküla), IMRD attests only akanye, but in Lohusuu, on the northwestern coast of the lake, akanye also co-occurs with okanye (IMRD: Feature 1; see also DARJa I: map 1). Ingria, which is covered by IMRD but not by DARJa I, is mostly an akanye area, although co-occurrence with okanye is attested, e.g., in Zhabino (Жабино) and Koshkino (Кошкино) in Kingisepp District (western Ingria).

The situation in the second pretonic syllable (i.e., in the second syllable preceding the stressed one) is similar. IMRD (Feature 9; see also DARJa I: map 9) indicates that okanye occurs (although rarely) alongside akanye on the northern coast of Lake Peipus (in Remniku and Lohusuu) as well as in the Gdov area (including in places within 50 km of Vaikla, such as Perevolok, Zagriv'e, Vtroya, Zaborozhka, and Zaborov'e). In Ingria, on the other hand, within a large area stretching from Narva to the Hevaha (Kovashi) Peninsula, we find consistent akanye in this position (IMRD: Feature 9).

Regarding the posttonic syllables, map 16 of DARJa I shows that okanye is attested in posttonic non-final syllables in some villages of Gdov area, but not along the coast of Lake Peipus. However, Feature 16 of IMRD indicates that okanye also appears on the Lake Peipus coast (in Lohusuu and Remniku). In the Gdov area, it does not occur immediately across the Narva River, but somewhat farther inland, e.g., in Zaborov'e, Zaborozhka, Monastyrek (Монастырек), and Karino (Карино) (the former two within a radius of 50 km of Vaikla). In Ingria, okanye is found in this position close to the border with the Gdov and Novgorod dialects (e.g., in Koshkino, Zhabino, and Klenno (Кленно)), but not in northern Ingria (between the Kurkola and Hevaha peninsulas), where akanye occurs in this position instead. In the final closed syllable (IMRD: Feature 17), okanye occurs alongside akanye on the

coast of Lake Peipus (in Remniku[12]) and in the Gdov dialects, though not in the immediate vicinity of the Narva River (e.g., in Zaborov'e, Zaborozhka, Monastyrek, Karino, Pushkino (Пушкино), and Mar'insko (Марьинско)), and it also occurs sporadically in Ingria (e.g., in Ruch'i (Ручьи) on the Soikkola Peninsula and in Lipovo (Липово) on the Hevaha Peninsula). However, in Ingria, akanye is typical of this position.

In conclusion, despite the prevalence of akanye on the adjacent coast of Lake Peipus and in the Gdov area, okanye is attested in several locations within 50 km of Vaikla, even in phonotactic positions where akanye is structurally "most advanced" (in posttonic environments). Therefore, we cannot claim that the Poluverniki differ fundamentally from their surroundings with regard to this feature. The occurrence of okanye alone does not provide clear evidence of discontinuity from the neighboring dialects.

On the other hand, the proportion of okanye in the sound systems attested in this area is a matter of degree, and the mere fact that Heiter is somewhat surprised and emphasizes on several occasions that Vaikla and Liivaküla (which are the prototypical representatives of Poluverniki Russian) stand out in the area for their proclivity for okanye is meaningful in itself. If we accept her view that the variety originally spoken in these villages had a vowel system with consistent preservation of /o/ in all unstressed syllables, then its closest correlates with such regular okanye would be in the central part of the Novgorod dialect area, around 250 km away from the Poluverniki area (see maps 1, 9, 16, and 17 of DARJa I). Heiter's okanye hypothesis can be tested against the next feature, which is related to — if not an epiphenomenon of — the okanye/akanye distinction, and therefore contributes to our understanding of the issue.

Jakanye is the structural equivalent of akanye in a palatalized environment: in the first pretonic syllable, after a palatalized consonant, non-high vowels occur as [a]. Jakanye is characteristic of akanye dialects and, in fact, can be considered a particular manifestation of akanye.

Jakanye is attested in the Russian of the Poluverniki, both before a non-palatalized consonant (e.g., *в'ясна́* for *весна́* 'spring', *вс'агда́* for *всегда́* 'always', *с'астра́* for *сестра́* 'sister') and before a palatalized consonant (i.e., when the unstressed vowel is surrounded on both sides by palatalized consonants: *д'ат'эй* for *дете́й* 'children:GEN', *н'ав'е́ста* for *неве́ста* 'bride') (Хейтер 1970 : 47—48). Heiter reports both jakanye, i.e., the merger of the vowels /e/, /o/ and /a/ to [a], and the preservation of these vowels in the Poluverniki's speech. The former becomes more frequent the closer one moves to the northern coast of Lake Peipus, which is a consistent akanye area. The latter, i.e., the **lack of jakanye**, is more frequent in the core area (Vaikla and Liivaküla), and she considers it ancestral to the local Russian (Хейтер 1970 : 76—77).

Russian dialect maps display considerable variation in this phonotactic context; the western dialects of Central Russian exhibit several types of jakanye. When /e/, /o/, and /a/ merge into an invariable [a], regardless of the quality of the vowel in the stressed syllable, we have 'strong jakanye'; if the vowel quality in the pretonic syllable depends on the quality of the stressed vowel,

[12] Interestingly, based on IMRD (Features 9, 16, 17), Remniku differs significantly from the adjacent Alajõe and Uusküla. In Remniku, okanye is attested alongside akanye, whereas Alajõe and Uusküla consistently exhibit akanye.

then we have dissimilative, assimilative, or Gdov-type jakanye (see DARJa I/Vs 88—94; Князев 2008 : 22—26 for a description of these types).

Russian dialect maps indicate that the language of the Poluverniki differs from neighboring areas in the frequent absence of jakanye, i.e., with respect to this feature, it is not contiguous with the neighboring dialects. In the vicinity, Lohusuu and the settlements across the Narva River in the western part of the Gdov area exhibit Gdov-type jakanye. No data are available from Uusküla, Alajõe, and Remniku on the northern coast of Lake Peipus, but on the western and southwestern coasts of Lake Peipus, strong jakanye occurs. Strong jakanye is also found in the eastern part of the Gdov area. The retention of vowel quality in the pretonic syllable after a palatalized consonant, as found in the language of the Poluverniki, occurs alongside strong jakanye in some easternmost Gdov vernaculars bordering the Novgorod area (e.g., in Pushkino), at the northernmost edge of the Gdov area (in Monastyrek), and in the southern part of the Gdov area (e.g., in Mishina Gora (Мишина гора) and Nosovka (Носовка)). Vowel quality retention is much more frequent in Novgorod and dominant in the Northern Russian Ladoga—Tikhvin dialect. Vowel retention also occurs in several locations in Ingria, e.g., in Babino (Бабино), Ruch'i, Vassakara (Вассакара), and Modolitsy (Модолицы) (see DARJa I: map 3; IMRD: Feature 3).

In summary, Heiter provides evidence for the existence of a vowel system in some Poluverniki speaker varieties that lacks jakanye, i.e., a system that differentiates between non-high vowels in the first pretonic syllable after a palatalized consonant. The closest location in IMRD with such a vowel system is Monastyrek (Slantsevsky District, Leningrad Oblast), 56 km northeast of Vaikla. This type of vowel system is characteristic of Novgorod, but especially of the Ladoga—Tikhvin dialect (see DARJa I: map 3).

As already mentioned, based on this evidence concerning the vowels of unstressed syllables, Heiter concludes that the dialect originally spoken in Vaikla and Liivaküla had been an okanye dialect (Хейтер 1970 : 66). It would have had a Northern Russian vowel system, which over time acquired akanye.

What does this imply for the origins of the Poluverniki? We may consider two scenarios that could have led to the situation described above.

(A) Since the neighboring dialects along Lake Peipus and the Gdov dialect are akanye varieties, we may assume migration from more distant Northern Russian okanye dialect areas to the area around Iisaku. On their way, these migrants would have traversed areas inhabited by akanye speakers. The most probable direction of migration, based on vowel properties, is from the northeast.

(B) The area around Iisaku may always have been an okanye area, ever since the appearance of the first Slavic-speaking settlers in the region. The dominant view in Russian historical linguistics is that akanye only emerged in the 14th century (see, however, Князев 2000 for an opposing view). Crucially, this scenario does not assume immigration from far away; a gradual movement of people from nearby East Slavic-speaking areas is more likely. In this case, the inhabitants of Vaikla and Liivaküla would have been descendants of people who came from the area across the Narva River in the Early Middle Ages, before the emergence and spread of akanye in the Russian dialects, i.e., at a time, when the entire Russian dialect area was characterized

by okanye. These early settlers in northeastern Estonia may well have been descendants of a previously assimilated Finnic population. Furthermore, even in the Early Modern Period, migration waves from the Gdov area may still have included speakers of okanye varieties. As noted by one of the anonymous reviewers, in the Gdov-area — and even in the town of Pskov — pretonic okanye continued to prevail over akanye as late as the 17th century (see Чекмонас 1999 : 137—139).

Later, the Russian vernacular of Vaikla and Liivaküla (partly) survived the emergence of akanye in the area because of its seclusion from the Central Russian dialects. Natural barriers to influence from these akanye dialects were the Finnic population surrounding the Iisaku area, dense forests, the Narva River, and the political border. However, with the arrival of Old Believers along Lake Peipus and the intensification of contacts with Gdov area in subsequent centuries, the influence of akanye gradually seeped into the Poluverniki's language, eventually becoming dominant.

4.2.2. Consonants

л/л' > w(ў). Occasionally, though not systematically, and primarily in the speech of elderly Poluverniki who have always lived in the area, the consonant /л/ is replaced by [w(ў)]. This happens most frequently before another consonant (e.g., *испугауса* instead of *испугался* 'got_scared.м', *тоўка* instead of *только* 'only', *поўтарá* instead of *полтора* 'one and a half', *воўк* instead of *волк* 'wolf', *паўка* instead of *палка* 'stick', *игоўка* instead of *иголка* 'needle', *буўка* instead of *булка* 'roll of bread'), and word-finally (e.g., *ушоў* instead of *ушёл* 'left.м', *ф каравуў* instead of *в караул* 'on guard'). Occasionally, it also appears in word inlaut before a non-front vowel (e.g., *маўа* instead of *мало* 'a little', *пакриваua* instead of *покрывало* 'bedspread; veil', *гоўъву* instead of *голову* 'head:ACC') and word-initially (e.g., *ўошади* instead of *лошади* 'horses', *ўаўка* instead of *лавка* 'bench; store', even *ўаст* instead of *власть* 'power') (Хейтер 1970 : 102—103; Трусмань 1895 : 32; Ariste 1930 : 366—367). Heiter considers this a Northern Russian dialectal archaism, believing that it had formerly been a regular feature of the Russian variety of the Poluverniki (Хейтер 1970 : 102—104).

The Russian dialect maps confirm that this phenomenon is characteristic of Northern Russian dialects: it occurs in the Ladoga—Tikhvin, Onega, Belozersk—Bezhetsk, Lacha, and Vologda dialects (see DARJa I: map 61; IMRD: Feature 61); in the Vologda dialect, it has been explained as resulting from influence from Komi (Хейтер 1970 : 104; see also Аванесов 1949 : 171). At the same time, [ў] occurring in place of /л/ is also attested in the westernmost dialects of the Southern Russian dialect group (see, e.g., Бромлей 1987; Касаткин 1999 : 173), although its distribution there is more limited in terms of phonological context. In preconsonantal position, the phenomenon in southwestern Russian is restricted to historical combinations of a reduced vowel with a liquid consonant (cf. *доўго* for *долго* 'long'). Unlike in the north and in the Poluverniki data, it does not occur in nouns where a reduced vowel was lost before the suffix *-ък-* (cf. *паўка*, *игоўка*, *буўка* above) (DARJa I: map 61). In word-final position, the phenomenon in southwestern Russian dialects is confined to past-tense forms and does not occur in nouns and adjectives, as it does in Northern Russian

(DARJa I: map 61) and, occasionally, in Poluverniki Russian (cf. *ф каравуў* above).

Therefore, the closest structural correlates of this feature of the Poluverniki variety appear to be found in Northern Russian rather than in Southwestern Russian. However, in the absence of more extensive evidence about its structural and geographical distribution, any conclusions regarding its origins in Poluverniki Russian must remain tentative.[13]

л/л' > й. This is an enigmatic change that resembles a phenomenon known as *sladkoyazychie* (*сладкоязычие* lit. 'sweet-tongueness') in Russian dialectology. Heiter (Хейтер 1970 : 104—105) presents the following examples from recordings made in the 1960s: *зд'ейяэш* (cf. *сделаеш* 'you will do'), *гйаза* (cf. *глаза* 'eyes'), *хайодна* (cf. *холодная* 'cold.F'), *буйа* (cf. < *була* < *была* 'she was'), *пасейайи* (cf. *посеяли* 'they sowed'), *дейайу* (cf. *делают* 'they make'), *каш'йайа* (cf. *кашляла* 'she coughed'), *йука* (cf. *лука* 'scallion:GEN'), *сказайа* (cf. *сказала* 'she said'), *мас'йа* (cf. *масло* 'butter'), *к'ис'йава майака* (cf. *кислого молоко* 'sour:GEN milk:GEN'), *йов'йа* (cf. *ловля* 'hunting'), *умейа* (cf. *умела* 'she was capable (of)').

She assumes that the phenomenon is of Northern Russian origin, where, in turn, it is a product of a non-Slavic substrate (Хейтер 1970 : 105). Heiter's assumptions stem from a short note by Avanesov saying that *sladkoyazychie* occurs in the north of the European part of the Soviet Union ("на севере Европейской части СССР"), but without specifying where exactly (Аванесов 1949 : 171). At present, there is a consensus in Russian dialectology that Avanesov did not have evidence of the occurrence of this phenomenon in Europe. *Sladkoyazychie* is attested exclusively in Eastern Siberia, along the Kolyma River (especially in Pohodsk), and possibly, although the evidence is uncertain, on the shores of the Sea of Okhotsk. Sokoloyanskiy, a renowned specialist in the phenomenon, assumes that Lower Kolyma *sladkoyazychie* is a product of the interplay of several factors, including developments internal to these Russian dialects, as well as external factors (such as Yukagir and Chukotkan influence) (Соколянский 2002 : 275—280).[14]

Crucially, however, in the Russian vernaculars along the Lower Kolyma, *sladkoyazychie* affects not only [л] (e.g., *гойова* instead of *голова* 'head') and [л'] (e.g., *йюбйю* instead of *люблю* 'I love'), as in the language of the Poluverniki, but also [р'] (e.g., *йезат*ъ instead of *резать*, *пйиманийа* instead of *приманила* 'she enticed (him)') and sometimes [р] (e.g., *дойого* instead of *дорого* 'expensive') (Соколянский 2002 : 271—272). Importantly, this neutralization of [л], [л'], [р'], [р], and [j] into [j] was characteristic of the speech of females, whereas in the male population on the Lower Kolyma, the opposite [j] > [л] shift has been attested; e.g., *воловать* instead of *воевать* 'be at war', *отчаланной* instead of *отчаянной* 'desperate' (Соколянский 2002 : 270, 278).[15] In the Lower Kolyma area, *sladkoyazychie* was last recorded in 1981; later expeditions have not been able to elicit it (Соколянский 2002 : 281—282).

[13] Sporadic occurrences of this phenomenon before a vowel (including word-initially), as observed in Poluverniki Russian, are attested in both the Northern and Southwestern Russian dialect areas (see DARJa I/Vs 162; Теплова 1967; Касаткин 1999 : 178).

[14] We thank Roman Ronko, Idaliia Fedotova, and Svetlana D'yachenko for bringing Sokolyanskiy's research to our attention.

[15] Sokolyanskiy provides an interesting sociolinguistic explanation for this divide (Соколянский 2002).

Sokolyanskiy suspects that the phenomenon never existed in the European part of Russia and suggests that Avanesov took the liberty of including it in his overview because, while focusing on the dialects of Central and Northern Russia, he also wanted to cover as many dialectal features as possible (Соколянский 2002 : 271). Sokolyanskiy's skepticism is understandable but, on the other hand, it is remarkable that Avanesov refers to "the north of the European part of the Soviet Union" and not "… of Russia". Is it possible that Avanesov had the dialect of the Estonian Poluverniki in mind? This is unlikely, because, to our knowledge, Heiter was the first to report this phenomenon in their language, and this happened 21 years after Avanesov's book was published. On the other hand, Avanesov probably knew Paul Ariste, who later became the supervisor of Helle Heiter's candidate dissertation, and it cannot be entirely excluded that Ariste was already aware of this dialectal feature in the 1940s. In 1930, he conducted a field trip to the area around Iisaku but did not mention the feature in his report on the trip (see Ariste 1930).

Another, less probable correlate of this feature of the Poluverniki's language is the dialectal variation between [l'] and [j], which goes back to Old (East) Slavic (Dmitrii Sichinava, pers. comm.). It mostly occurs in word-final position and after a labial consonant, and is attested across a vast territory, e.g., *журавль/журавель — журавей* 'grus' Vladimir (SRNG 9 : 228), *картофель — картофей* (*картофий*) 'potato' Nizhny Novgorod, Vladimir, Yaroslavl, Moscow (SRNG 13 : 103), and conversely, *муравей — муравель* 'ant' Bryansk, Kursk, Kaluga, Moscow, Nizhny Novgorod, Simbirsk, Saratov, Kuban, Voronezh, etc. (SRNG 18 : 348). Occasionally, the alternation between [l'] and [j] can be found in other positions as well, e.g., *верей* 'gate' — *верельница* 'gate in the field, fence' Northern Dvina (SRNG 4 : 129—130), *пральник* Kaluga, Voronezh, Desna, Bryansk, Smolensk, Pskov, Tver, Latvia, Lithuania, Novosibirsk, etc. — *прайник* 'bat for beating laundry' Pskov, Bryansk, Kalinin, Novosibirsk (SRNG 31 : 65—66) (see Зализняк 2004 : 80—81).[16]

This alternation is too contextually restricted compared with the phenomenon in the Poluverniki's speech, which also affects the non-palatalized [л] and frequently occurs at the beginning of a syllable, and even at the beginning of a word. Therefore, Lower Kolyma *sladkoyazychie* remains the closest structural correlate of the phenomenon in the Poluverniki's language, although the two seem to have developed from different sources and are governed by slightly different phonotactic conditions.

4.2.3. Repercussions for the origins of Poluverniki Russian

We studied features of Poluverniki Russian that seem to have correlates only in more distant dialect areas and thus suggest discontinuity from the surrounding Russian dialects, at least as documented in the 20th century in DARJa I. The criterion for discontinuity was that a feature was not attested within 50 km of the village of Vaikla. These features were the absence of jakanye (closest attestation in Monastyrek, Slantsy District, 56 km to the northeast), regular okanye (closest attestation in the Novgorod dialects, 200—230 km to the east), *л/л'* > *ў* (closest attestation in Shemenichi, Podpo-

[16] The alternation is of clearly heterogeneous origin; some instances go back to Proto-Slavic, whereas others (e.g., *картофей*) are much more recent (Dmitrii Sichinava, pers. comm.).

rozh'e District, 440 km to the northeast), and *sladkoyazychie* (closest attestation in the Lower Kolyma basin, Eastern Siberia). Dismissing *sladkoyazychie*, which seems to be the result of independent developments in two remote areas, we are left with two points and one broader area (the Novgorod area) on the map, all pointing northeastward.

It remains unclear whether these similarities reflect actual migration of a Russian-speaking population from the northeast to the Alutaguse area or the preservation of archaic Northern Russian sound patterns in the Poluverniki's language that have become extinct in the neighboring dialects with the advance of Southern or Central Russian structural innovations.

5. Conclusions and prospects

Using linguistic data, we aimed to make an independent contribution to the unsolved issue of the origins of the northeastern Estonian Poluverniki. However, instead of integrating all the linguistic evidence into a single scenario, we have complicated the picture by raising additional questions and proposing different scenarios, all of which remain speculative despite the evidence presented.

What can be asserted with confidence is that the languages spoken by the Poluverniki — particularly by the inhabitants of Vaikla and Liivaküla — do not fully align with the structural profiles of their immediate Estonian and Russian neighbors. Both the Finnic and Russian material documented in these villages displays features whose structural correlates are attested in the 20th century only outside the surrounding regions of northeastern Estonia and the Gdov area.

The phonological features of Finnic loanwords in Poluverniki Russian and the attested peculiarities of their Estonian variety indicate that the ancestors of the Poluverniki once spoke a Finnic language that was more similar to Northern than to Southern Finnic. Traditionally, the Gulf of Finland has been regarded as a dividing line between Northern and Southern Finnic, with the concession that the two converge to some extent along its southern coast. New studies on the development of the Finnic language area (e.g., Kallio 2024) show that this is not really the case. The present study also demonstrates that a significant Northern Finnic component can be found much farther inland; Vaikla, a central village of the Poluverniki settlement, lies 42 km south of the southern coast of the Gulf of Finland.

However, it was not possible to associate the language of the Poluverniki's ancestors with any particular Northern Finnic variety spoken south of the Gulf of Finland. What we can say is that the Estonian dialect data recorded from the last Poluverniki speakers do not represent regular northeastern Alutaguse Estonian; in several respects, this variety is closer to the northeastern coastal Vaivara dialect and even to Kukkusi Votic. There are no clear innovations shared with Votic proper or Ingrian varieties.

The available linguistic data suggest that the region was once inhabited by people speaking a Northern-Finnic-like dialect. The Slavs who came to the region assimilated these indigenous inhabitants, but their Russian retained a Northern Finnic substrate, which was later transferred to the Russian dialect of the Poluverniki and developed further as a result of several waves of migration. In recent centuries, the Poluverniki acquired local northeastern Alutaguse

Estonian, and more recently, other northern Estonian features also entered their language. Mari Must, a distinguished researcher of the Poluverniki language, summarized this long history well in one sentence: "In the central and southern parts of Iisaku, which for centuries have been inhabited by a mixed Estonian—Russian—Votic—Ingrian population, various later layers of linguistic features originating from different directions have accumulated on top of the coastal Estonian dialect substrate" (Must 1995 : 51).[17]

While the Russian variety of the Poluverniki is in many respects a natural extension of the Central Russian dialect area to the west of the Narva River, it also exhibits Northern Russian features (occurring, e.g., in the northern part of the Novgorod dialect and in the Ladoga—Tikhvin dialect). We outlined two scenarios that could explain this Northern Russian layer in the language of the Poluverniki: (a) migration of speakers from Northern Russian dialect areas to Alutaguse (in the Middle Ages or in the Early Modern Period), and (b) preservation of a local Northern Russian phonological base that resisted the spread of Southern and Central Russian innovations (such as akanye) in the area. In fact, these two scenarios are not mutually exclusive — the influx of speakers of a Northern Russian variety (or varieties) may have contributed to the persistence of archaic northern dialect features in the vernaculars of Vaikla and Liivaküla.

We end with an appeal to archaeologists and geneticists. In a manuscript from 1975 available at the Iisaku Museum, the community historian Meeme Kask urges scientists to investigate ancient burial sites in the villages around Iisaku (Kask 1975 : 15, 23, 26). Such excavations, especially if they involve the extraction and analysis of DNA samples, would shed more light on the ancestry of the Poluverniki.

Data availability statement. This study did not generate primary linguistic data. All data discussed are drawn from published sources, except for audio recordings of the Iisaku dialect archived in the Archive of Estonian Dialects and Finno-Ugric Languages at the Institute of the Estonian Language (available at https://emsuka.eki.ee/collection/sound?series=1&series=2&parish=19&language=5&page=0).

Acknowledgements. We thank the reviewers and the following colleagues and friends for their professional expertise and assistance: Amar Annus (Tartu), Uldis Balodis (Riga and Tartu), Svetlana V. D'yachenko (Moscow), Idaliia Fedotova (Joensuu), Irina Külmoja (Tartu), Roman Ronko (Moscow), Dmitrii Sichinava (Potsdam), Valdo Valper (Tartu), Martti Veldi (Tartu), and Iuliia Zubova (Tartu). The study was supported by the Estonian Research Council (grant PRG2184) and the Estonian Ministry of Education and Research (Centre of Excellence grant TK215).

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Petar Kehayov
University of Tartu
petar.kehayov@ut.ee
https://orcid.org/0000-0002-6890-065X

[17] In Estonian: „*Iisaku kesk- ja lõunaosas, mida aastasadu on asustanud eesti-vene-vadja-isuri segarahvastik, on rannikumurdelisele alusele ladestunud mitmesuguseid eri suundadest saadud hilisemaid kihistusi*."

Karl Pajusalu
University of Tartu
Estonian Academy of Sciences
karl.pajusalu@ut.ee
https://orcid.org/0000-0001-5554-5049

Abbreviations

Estonian dialects (parishes): Hlj — Haljala, **Iis** — Iisaku, **Jõe** — Jõelähtme, **Jõh** — Jõhvi, **Kuu** — Kuusalu, **Lüg** — Lüganuse, **Vai** — Vaivara, **VNg** — Viru-Nigula.

Glossings: ACC — accusative case, ADD — additive clitic, ALL — allative case, ELA — elative case, F — feminine, GEN — genitive case, IMP — imperative, LOC — locative case, M — masculine, PL — plural, PREP — prepositional case, PRS — present tense, PST — past tense, SG — singular.

DARJa I — Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей (eds.), Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Выпуск I: Фонетика, Москва: Наука, 1986; **DARJa I/Vs** — Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей (eds.), Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Выпуск I: Вступительные статьи, справочные материалы, фонетика. Москва: Наука, 1986; **EMH-Iis** — Eesti murrete helisalvestised, Iisaku. EKI eesti murrete ja soome-ugri keelte arhiiv (EMSUKA). https://emsuka.eki.ee/collection/sound?series=1&series=2&parish=19&language=5&page=0; **IMRD** — Interractive map of Russian Dialects. И. А. Марченко, О. Н. Долгов, А. С. Азанова, М. С. Замбржицкая, Е. А. Заливина, С. А. Землянская, Д. И. Мочульский, Е. И. Цейтина, Д. Г. Чистякова, Р. В. Ронько, База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. https://da.ruslang.ru/; **SRNG** — Ф. П. Филин (ed.), Словарь русских народных говоров I—, Москва—Ленинград: Наука, 1965—.

REFERENCES

Ariste, Paul 1930, Korjamismatkal poluvertsikute maal. — EKirj. 1930 (8), 364—370.

Isberg, Alvin 1973, Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617—1704, Uppsala (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Historico-Ecclesiastica Upsaliensia 23).

Kallio, Petri 2024, Suomenlahden eteläpuolisia itämerensuomalaisia sekamurteita. — Itämeren kieliapajilta Volgan verkoille. Pühendusteos Riho Grünthalile 22. mail 2024, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 278), 305—320. https://doi.org/10.33341/sus.965.1335.

Kask, Meeme 1975, Sajandite palge ees! Mõtisklusi Jisakumaa asustamisest, tema kohanimedest, kalmudest ja muudest vanematest mälestusmärkidest. XIV raamat. Öisu-Kurvitsal, Iisaku Muuseum.

Kulakov, Dmitri & Nurgamaa, Anne 2012, Rahvamälu ja teaduse vahel: Iisaku poluvertsikute keelest. — Iisaku Muuseumi toimetised 1, Iisaku: Iisaku Muuseum, 59—99.

Ligi, Priit 1993, Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.—16. sajand). — Vadjapärased kalmed Eestis 9.—16. sajandil, Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus (Muinasaja Teadus 2. Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, Töid arheoloogia alalt I), 7—175.

Liiv, Otto 1929, Vene asustusest Alutagusel, Tartu: Loodus.

Moora, Aliise 1964, Peipsimaa etnilisest ajaloost: ajaloolis-etnograafiline uurimus Eesti-Vene suhetest, Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus.

Must, Mari 1965, Vene-eesti kakskeelsus Ida-Eestis. — Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost, Tallinn: Eesti Raamat, 107—131.

—— 1987, Kirderannikumurre. Häälikuline ja grammatiline ülevaade, Tallinn: Valgus.

—— 1995, Kirderannikumurde tekstid, Tallinn: ETA Eesti Keele Instituut (Eesti murded V).

Pajusalu, Karl 2012, Phonological innovations of the Southern Finnic languages. — A linguistic map of prehistoric northern Europe, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 266), 201—224.

Pajusalu, Karl & Hennoste, Tiit & Niit, Ellen & Päll, Peeter & Viikberg, Jüri 2020, Eesti murded ja kohanimed. 3., kohendatud ja täiendatud trükk, Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.

Selart, Anti 1998, Eesti idapiir keskajal, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Tarkiainen, Ülle 2013, Asustus ja majandus Rootsi võimu perioodil. Asustus ja rahvastik. — Eesti ajalugu III. Vene-Liivimaa sõjast Põhjasõjani, Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 274—278.

Toomse, Mihkel 1938, Ida-Vaivara murdest. Du dialecte de Vaivara de l'est, Tartu: Akadeemilise Emakeele Seltsi Kirjastus.

Valk, Heiki 2020, Hilisrauaaeg (1050—1225). Inimene ja ühiskond. Välispiirid ja piirialad. —Eesti ajalugu I. Eesti esiaeg, Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 415—419.

Viitso, Tiit-Rein 2008, Liivi keel ja läänemeresoome keelemaastikud, Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.

Zetterberg, Seppo 2007, Viron historia, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (SKST 1118).

Аванесов, Р. И. 1949, Очерки русской диалектологии, Москва: УЧПЕДГИЗ.

—— 1974, Русская литературная и диалектная фонетика, Москва: Просвещение.

Баранникова Л. И. 2005, Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации, Moskva: КомКнига (Общее и русское языкознание. Избранные работы).

Бромлей С. В. 1987, О происхождении [l] «среднего» в русских говорах. — Русские диалекты. Лингвогеографический аспект, Москва: Наука, 70—84.

Захарова К. Ф. & Орлова В. Г. 2004, Диалектное членение русского языка, Москва: Наука.

Зализняк А. А. 2004, Древненовгородскии диалект. 2-е издание, Москва: Языки славянской культуры.

Касаткин Л. Л. 1999, Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка, Москва: Наука.

Князев С. В. 2000, К вопросу о механизме возникновения аканья. — ВЯ, № 1, 75—101.

—— 2008, Русская диалектная фонетика. Учебное пособие, Москва.

Моора, Х. А., Моора, А. Х. 1965, Из этнической истории води и ижоры. — Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost, Tallinn: Eesti Raamat, 63—90.

Орлова, В. Г. (ed.) 1970, Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, Москва: Наука.

Соколянский, А. А. 2002, «Сладкоязычие» в русских говорах. — Проблемы фонетики. Сборник статей IV, Москва: Наука, 268—283.

Теплова, В. Н. 1967, Звуки [л], [l], [у] на место этимологического л твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоровц. — Очерки по фонетики севернорусских говоров, Москва: Наука.

Трусмань, Ю. Ю. 1895, Исакскіе полувѣрцы въ Эстляндской губерніи. — Временник Эстляндской губерніи. Кн. II, Ревель, 1—38.

Хейтер, Хелле 1967, О русском диалекте в Ийзаку. — Труды по русской и славянской филологии X. Серия лингвистическая, Тарту (TRÜT 200), 131—142.

—— 1970, Фонетика и морфология островного русского говора Ийзаку на территории ЭССР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тартуский Государственный Университет.

—— 1971, Из истории изучения русских говоров северо-восточной Эстонии. — Труды по русской и славянской филологии XX. Серия лингвистическая, Тарту (TRÜT 279), 206—222.

—— 1975, Об отражении межъязыковых контактов в лексической системе одного из русских говоров Северо-Восточной Эстонии. — Труды по русской и славянской филологии XXV. Серия лингвистическая, Tartu (TRÜT 375), 95—106.

Чекмонас В. Н. 1999, Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории). — Slavistica Vilnensis. Serija "Kalbotyra" 48 (2), 89—146.

ПЕТЪР КЕХАЙОВ, КАРЛ ПАЮСАЛУ (Тарту)

ОТКУДА ПРОИСХОДИТ ЯЗЫК ПОЛУВЕРНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ?

В статье анализируется происхождение языка т.н. полуверников — двуязычной этнокультурной группы, проживавшей в окрестностях Ийзаку на северо-востоке Эстонии. Предположительно, изначально они говорили на одном из прибалтийско-финских языков, но позднее перешли на русский язык. При этом их язык и обычаи сохраняли особенности, отличавшие их от соседних групп. Результаты нашего исследования дают основания считать, что первоначальная прибалтийско-финская разновидность языка полуверников отличалась как от северо-восточного эстонского диалекта, на котором говорили в районе Алутагузе, так и от близкого ему водского языка. Эти различия, вероятно, были связаны с наличием в речи полуверников черт, характерных для северных прибалтийско-финских языков. В русском языке полуверников отмечаются явления, свойственные некоторым северо-русским диалектам, которые отличаются от средне-русских говоров, распространенных в районе Гдова и северном Причудье. Очевидно, что и прибалтийско-финские, и русские особенности языка полуверников формировались в течение длительного периода времени под влиянием различных языков и диалектов.

PETAR KEHAYOV, KARL PAJUSALU (Tartu)

KUST PÄRINEB KIRDE-EESTI POLUVERNIKUTE KEEL?

Artiklis analüüsime Kirde-Eestis Iisaku ümbruses elanud kakskeelsete nn poluvernikute keelelist algupära. Nad olid etnokultuuriline rühm, kes rääkis algul ilmselt mingit läänemeresoome murret ja läks hiljem üle vene keelele, kuid nende keel ja kombed erinesid naabrite omadest. Meie uurimistulemused annavad põhjust arvata, et poluvernikute kunagine läänemeresoome keelekuju erines oma põhjaläänemeresoomelike joonte tõttu naabruses räägitud Alutaguse kirde-eesti murdest ja ka sellele lähedasest vadja keelest. Nende vene keeles tulevad esile mõned põhjavene murretele omased nähtused, mis eristavad seda Peipsi põhjaranniku ja Oudova kandi keskvene murrakutest. On ilmne, et nii poluvernikute läänemeresoome kui ka vene keele erijooned on kujunenud pikema aja vältel ning saanud mõjutusi erinevatest keeltest ja murretest.

LINGUISTICA URALICA LXII 2026 2 : 180—191 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.03

KAISLA KAHEINEN (Helsinki)

EDGE, BORDER, SEPARATION: ETYMOLOGICAL MARGINALIA

Abstract. This paper discusses three lexemes found in Western Uralic languages, for which no Samoyed cognate has previously been suggested: 1) Fi *malo* 'ending, edge; beach' ~ MdE, MdM *mala-* 'near' ~ SaaL *muolōs* 'thawed place near the beach of a lake in spring' (?PU **mala*), 2) PSaa **loŋke-*, **loŋk-o-* 'to remove turf or tree bark' > Fi *luŋka* 'easily detachable tree bark' (?PU **luŋka-*), and 3) PU **wäri*(-) 'hillside; roll down'. While the Proto-Uralic origin of **wäri*(-) has been generally accepted, the first two lexemes have previously been considered borrowings from Baltic into Uralic. In this paper, I suggest possible Samoyed cognates for all of these words, arguing for their Proto-Uralic origin. If the Samoyed cognates are accepted, the previously suggested Baltic etymologies will have to be reconsidered.

Keywords: Proto-Uralic, Proto-Samoyed, etymology, reconstruction, historical linguistics.

1. Introduction[1]

The Proto-Samoyed lexicon continues to pose a dilemma for researchers of Uralic language history: despite recent advances in Samoyed etymology (e.g. Aikio 2002; 2006; Salminen 2023), some 70% of Proto-Samoyed stems remain without an etymology (Kaheinen & Salminen 2025). The conventional wisdom has long been to assume that Proto-Samoyed replaced a large part of its lexicon with loans from unknown sources (Grünthal et al. 2022 : 491). Less often, some researchers have considered whether a part of the Western Uralic lexicon, typically assumed to go back to Proto-Uralic, could consist of very early borrowings from e.g. Indo-European languages (cf. Holopainen 2025

[1] The Proto-Samoyed reconstructions in this paper are based on the work of the author and follow the updated system of vowels. Reconstructions from Janhunen (1977) are cited in square brackets. Nenets and Selkup data are cited according to the conventions employed in Salminen 2024. For the purposes of this paper, the Common Selkup reconstructions in SkWb (2004) can be considered to reflect Proto-Selkup forms and are therefore marked with an asterisk. Enets, Kamas, and Mator data are cited according to source. Nganasan data are cited following the phonological transcription in Kaheinen (mscr.). All other data are cited according to their respective sources, unless indicated otherwise.

Received 4 May 2026, accepted 1 November 2026, available online 10 November 2026.
© 2026 Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).

for a recent discussion).[2] This would mean that, at least technically, their semantic equivalents in Proto-Samoyed could be considered the descendants of the original Proto-Uralic lexemes, even if this is difficult to prove in practice. (For a recent critical evaluation of some of the earliest Indo-European etymologies, see Metsäranta 2025.)

In practice, there is still a lot to be done on the front of Proto-Samoyed etymology alone before we can hope to reach any sort of clarity concerning the historical development of the Uralic lexicon. It is likely that as new advances are made in the reconstruction of Proto-Samoyed, new Uralic cognates will be discovered as well. Competing etymologies that might arise in the process will have to be carefully considered.

In this paper, I suggest three new Samoyed cognates for Uralic lexemes. One of the three, PU **wäri(-)* 'hillside; roll down', already has a fairly certain Proto-Uralic etymology, to which the Samoyed cognates can be added. The remaining two have pre-existing Baltic etymologies or at least Baltic cognates, the validity of which is called into question in light of the possible Proto-Uralic origin of the stems. The lexemes discussed in this paper are coincidentally unified by a loose semantic connection, as all of them happen to be related to the concepts of 'border' or 'separation'.

2. PS **jə¹ŋkə¹-* 'divide, detach' ?< PU **luŋka-* 'separate, detach'

TE *ďogo-* 'divide' ~ FE *ďɔgode* ~ *ďɔgade* 'other' [ADJ.ABL], *ďɔgoš* 'separately' [ADV] ~ TN DRV *yəŋkaq-* 'separate (e.g. something glued on), take apart (e.g. a building, a box)' ~ FN *jăŋkă-* 'separate, take apart' — ? ~ Ng [DRV] *jeŋkile-* 'fall apart'

PS **jə¹ŋkə¹-* 'divide, detach'

? DRV > **jə̂ŋkå* 'missing an eye' > TE *ďoga* ~ TN [ADJ] *yəŋkey°* ~ Ng *jeŋka* (< **jə̂ŋka*) id.

? DRV > **jə̂ŋkoj* 'trap' > Ng *jeŋguj* : *jeŋku* : *-cü* (U) ~ TE *ďogu* ~ FE *ďɔgo* ~ TN *yəŋko* ~ FN *jăŋku* ~ Slk **ćaŋku* / **ćaŋko* id.

BV, EnSl, FED, JrWb 82—83, Ng20, SkWb 1560, SNg; T65

< ? PU **luŋka-* 'detach, separate'

? =/= Kh **ļaŋk* 'split off; split' (? ~ Mansi *låŋmat-* 'burst') (DEWOS 841—842)

? MdE: *luvoďems* 'become separated; lose colour; become loose' (MdWb II 1085—1086)

Fi *longota* 'be separated (e.g. tree bark, moss, shoe sole, wallpaper), be opened (door)' (SSA 2 : 62); *lunka* 'tree bark that separates in one piece', *lunka-aika* 'time of the year when tree bark is easily separated', *lunkaa* 'be easily detached (of tree bark), come off' etc. (SSA 2 : 74, s.v. *lunka*) < Saa

SaaN *log'go-* 'remove turf or tree bark' ~ Ume SaaP SaaL SaaA Sko Kld (Lehtiranta 1989 : 70—71) < PSaa **loŋke-*, **loŋk-o-* 'remove turf or tree bark' (Aikio 2009 : 115)

UEW 256 **luŋkɜ-* 'split off, be separated' | SSA 2 : 62 s.v. *longota* ← ?Saa, ?Balt; 74 s.v. *lunka* | Aikio 2009 : 115—116 Fi *lunka* ← PSaa **loŋkē-*

[2] Even though the particular lexeme discussed by Holopainen (2025 : 98—99), PU **weti* 'water' (? < IE), has a cognate in Samoyed, in contrast to the supposedly more original PU **ćäčä* 'water', which has reflexes only in Khanty and Saami (Salminen 1989), my general point still stands.

← Balt.; Saa & Fi =/= MdE *luvoďems*, *lungiďums* | Mansi *låŋmat-* ?=/= Kh **ļaŋk* (DEWOS 842)

UEW (256) gives the reconstruction **luŋkś-* 'split off, be separated', listing cognates from Ob-Ugric, Erzya, Finnish, and Saami. Aikio (2009 : 115) does not mention the Ob-Ugric cognates, while SSA (2 : 62) regards them as uncertain. Nowhere, as far as I know, are any Samoyed cognates mentioned. SSA (2 : 62) gives an uncertain Baltic etymology for the Finnic words (cf. below).

The Ob-Ugric forms given in UEW (256) are semantically compatible, but the phonological correspondences seem problematic. If the word family were to go back to PU **luŋka-*, one would expect POU **u* in the first syllable, which would yield PKh **ŭ* and PMs **a* (Живлов 2007 : 282). Instead, the attested Khanty cognates in DEWOS rather refer to POU **ā* > Kh **a* (cf. Zhivlov 2023 : 149). Mansi T *låŋmat-* 'bersten' is mentioned in DEWOS (842) in connection with Kh **ļaŋk*, but due to its consonantism, it cannot be a regular cognate of this word family.

In Finnic, the word *lunka* 'easily detachable tree bark', etc. (SSA 2 : 74) is attested only in and around the Finnish dialects of Satakunta. It is technically a perfectly regular cognate of the Saami words (Aikio 2009 : 115) and could therefore even go back to Proto-Uralic **luŋka-*. However, Aikio (2009 : 115) considers its narrow distribution to be evidence that it is more likely a borrowing from Saami into Finnish, from PSaa **loŋkē-*, **loŋk-ō-* 'to remove turf or tree bark'. Since the sound substitutions between Saami and Finnic have parallels, borrowing from Saami should be considered a viable possibility. The eastern dialects of Finnish have a parallel borrowing, *longota* 'come off easily', from the same Saami word family (Koponen 1988; 1996; SSA 2 : 62). According to Aikio (2009 : 115—116), this further supports the borrowing argument for Fi *lunka*.

The Finnish and Saami words are compared to Baltic, cf. Lith *lùnkas* 'bast', OPr *lunkan*, Ltv *lūks* id. (SSA 2 : 74), although SSA remarks that the etymology can only be accepted if the meaning 'bast' is considered more original on the Uralic side, rather than 'split, separate'. Aikio (2009 : 115—116) accepts the Baltic etymology for the Saami word, which, according to him, was later borrowed into Finnish. Erzya *luvoďems* 'split, become separated' and *lungiďums* id., both compared to the word family by SSA (2 : 74, s.v. *lunka*) and UEW (256), are criticised by Aikio (2009 : 116), who notes that neither *-v-* nor *u* corresponds to the Saami and Finnic cognates.

According to Grünthal (2012 : 320), MdE *luvoďems*, *lungi̯ďums*, MdM *lungə̑ďəms*, *luvə̑ďəms* 'loosen, become uneven; peel' etc. (MdWb II 1085—1086) cannot go back to a common form with PSaa **loŋkē-* due to first-syllable vocalism; if the words were of common origin, one would expect to find first-syllable *o* instead of *u*. Accordingly, he maintains that the Mordvin verb is a parallel loan to Saami **loŋkē-* from Proto-Baltic **lunka* > Lith *lùnkas* 'bast', OPr *lunkan*, Ltv *lūks* id. (cf. Derksen 2015 : 296), although he also notes that the Baltic original is presumably a noun, while in Mordvin, only verbs are attested. This weakens the etymology somewhat, albeit without making it outright impossible (Grünthal 2012 : 320). It should be noted that the Baltic word family has cognates only in Slavic and no clear etymology beyond that, according to Derksen (2015 : 296).

MdWb lists the forms as derived from MdE, MdM *luv* 'space between two fingers' (MdWb II 1085—1087), which cannot, however, be the underived

form of MdE *lungɨďums*, MdM *lungə̑ďəms*, since Mordvin *ng* cannot be derived from *v* (Grünthal 2012 : 320). Instead, MdE, MdM *luv* is a separate Baltic loan (Grünthal 2012 : 319).

At least the Saami-Finnic words may turn out to be Uralic after all, since the word family has possible cognates in Samoyed: TE *ďogo-* 'separate', FE *ďɔgode* ~ *ďɔgade* 'other' [ADJ.ABL], *ďɔgoš* 'separately' [ADV] ~ TN DRV *yəŋkaq-* 'separate', FN *jăŋkă-* id. (cf. also Ng [DRV] *jeŋkiľe-* 'fall apart'), which can be reconstructed as Proto-Samoyed **jə¹ŋkə¹-* (see above for dictionary sources). Since PU **l* changes to PS **j* almost regularly in this position, and **u* in **a-*stems changes to **ə̑*, the correspondence PU **luŋka-* ~ PS **jə¹ŋkə¹-* can be considered plausible. The change of second-syllable **a* to **ə̑* is regular as well, although the exact conditions remain controversial (Zhivlov 2023 : 151).

The underived Proto-Samoyed stem does not appear in Janhunen (1977) due to the narrow distribution of cognates. Cognates preserving the primary meaning 'separate, split (v., tr.)' are found only in Enets and Nenets (unless the scarcely attested Nganasan *jeŋkile-* 'fall apart', found in the NSL corpus (Brykina et al. 2018, cf. Ng20), is a cognate). However, there are several possible deverbal derivatives of the stem that have a wider distribution, e.g. TE *ďoga* 'one-eyed' ~ TN *yəŋkey°* ~ Ng *jeŋka* id. < ? DRV PS **jə̑ŋkå(-jə̑)* ~ Ng **jə̑ŋka*. It should be considered a possibility that even the hitherto unetymologised PS **jə̑ŋkoj* 'trap' (> Ng *jeŋguj* : *jeŋku* : *-cü* (U) (SNg) ~ TE *ďogu* (EnSl) ~ FE *ďɔgo* (FED) ~ TN *yəŋko* (T65) ~ FN *jăŋku* (JrWb 83a) ~ Slk **ćaŋku* / **ćaŋko* (SkWb 1560) id.) is ultimately a derivative of this stem, the tentative semantic development being 'separate' > 'enclose, capture' (cf. also TE *ďogo-* > DRV.INST *ďogoďe?* 'reindeer corral [for separating reindeer]'). The suffix would be the same rare albeit salient **-j* as in PS **aŋoj* 'chin' ← DRV **aŋ* 'mouth' < PU **aŋi*, which, as demonstrated here, is able to labialise the preceding vowel.

In any case, Nenets and Enets alone provide sufficient evidence for the reconstruction of PS **jə¹ŋkə¹-* 'separate', which is in principle a perfect match for PU **luŋka-*. Due to insufficient evidence, relating PS **jə̑ŋkoj* 'trap' to this word family should be viewed cautiously for now.

The only possible caveat with the comparison PS **jə¹ŋkə¹-* ~ PU **luŋka-* lies in the fact that, at least based on the Tundra Nenets participle *yəŋk°nya* 'separated' (T65), the Proto-Samoyed stem would have to be reconstructed as front-vocalic: **jəŋkə-*, instead of the back-vocalic **jə̑ŋkə̑-* that would be the expected cognate of the back-vocalic PU stem. According to the unpublished data of Valentin Gusev (Gusev mscr.),[3] Nganasan *jeŋkile-* ~ *jeŋkele-* belongs to the (I) class, i.e. it appears to be historically front-vocalic, which contradicts the presumed back-vocalic parent stem in Proto-Uralic. Although vowel harmony is highly stable in Nganasan (cf. Хелимский [1993] 2000), a change of harmony class might be marginally possible (cf. Гусев 2025). As there is nothing to rule out absolutely the possibility of reconstructing PU **luŋka-*, given that the Saami cognates are regular, it should still be considered a potentially viable etymology.

3. PS **målə̑* 'end, edge, shore; closed' < ?PU **mala*

Ng *mole* : *-du* (U) 'cape, sandbank, shallow place'; *mou mole* 'Yamal', TN *mal°* 'end, top, top of the head; upper course of a river, fountainhead; treetop; closed (e.g. a lake without a river)'; DRV v. *maləq-* 'end, have something

[3] I thank Valentin Gusev for allowing me to utilise his data.

as an ending; go from beginning to end, look through completely', *Yamal°* 'Yamal, the northern part of the Yamal peninsula' < *yah mal°*, lit. 'the end of the land'; FN *mał°* 'end, top, treetop, top of the head; upper course of a river, fountainhead', TE *maro* 'whole, complete; not having an exit (e.g. a box)' (EnSl), FE DRV *marida-* 'wrap (tr.)', *mario-* 'lock (itr.)' (FED)

BV; EnSl; FED; JrWb 250b; NgSl; SNg; T65

< PS **målə* 'end, edge'

Fi *malo* 'edge, side; slit, hole; bay, shore'; Ka *malo* 'shallow water'; Est *mala* 'sandy shore' (SSA 2 : 116)

SaaL *muolos*, *muolun*, Sko *muâlas* 'ice-free area in a lake near the shore in springtime' (= current literary language *mue´les* (Sammallahti & Mosnikoff 1991 : 104)), SaaL *muolostit* 'become free from ice' < PSaa **muolōs*, ?SaaN *moalus* 'small fragments of ice on the water' ?SaaA *muálus* 'ice melting at the shore (in the spring)' (Olthuis & Valtonen & Seurujärvi, & Trosterud 2015—2022); Ter *mī̮l̥l̥e* < PSaa **muolē* (Kuokkala 2018 : 28; Lehtiranta 1989 : 78—79)

MdE *malaso* 'close' (LOC), MdM *malasa* id., MdE *malasto*, MdM *malasta* (ABL) (MdWb II 1166)

Nuutinen 1987; SSA 2 : 116 Fi *mala* ~ Ka, Est, Saa, Md ← Balt | Sanat PFi **mala* | Kuokkala 2018 : 28 PSaa **muolōs* ?~ Fi, Md | Grünthal 2012 : 311, 322 Md ?~ Fi, Saa

The Nganasan and Nenets words in this comparison refer to various endings, especially of geographical kind; in Nganasan, the main meaning seems to be 'cape', whereas in Nenets, the endings are of a more vertical kind ('treetop; fountainhead'). The semantic comparison is generally unproblematic. A further interesting parallel is found in the toponymic usage of the word: TN *Yamal°* < *yah mal°* [earth-GEN end] 'Yamal, the north part of the Yamal peninsula', lit. 'the end of the land' (JrWb 87a; T65) ~ Ng *Mou mole* [land.GEN end] 'Yamal' (NgSl). The Yamal Peninsula is inhabited mainly by Tundra Nenets reindeer herders, and there is no record of Nganasan being spoken in the area, but Nganasans must nonetheless have been aware of its existence, since it is not located too far from Taimyr, the principal area where Nganasan is spoken. Another name for Yamal, clearly borrowed directly from Tundra Nenets, is attested in the sung folklore (*śitebï*) of the Nganasans: *Jalumale* ~ *Jaumale*, cf. the NSL corpus (Brykina et al. 2018). This corroborates the Nganasan narrative, according to which they borrowed the *śitebï* tales from the Nenets (Долгих 1976 : 17). However, *Mou mole*, attested in Helimski's dictionary manuscript (NgSl), seems to be the more original Nganasan name for Yamal, and it cannot be a borrowing. At most, it could be a calque of the Tundra Nenets toponym, as the first parts of the respective names, TN *ya* and Ng *mou*, both meaning 'land, earth', are not etymologically cognate, and the second parts are attested independently and regularly go back to Proto-Samoyed.

The Nenets languages have the phonologically identical stems TN *mal°* 'whole, complete, closed from all sides' (JrWb 251b; T65), e.g. *mal° to* 'lake with no river', *mal° myaq* 'tent with no smoke hole' (T65) ~ FN *mał°* id. (JrWb 251b). Some Nenets dictionaries, such as BV, combine the word families 'end' and 'complete', but they are treated as separate in e.g. T65 and JrWb. Since the meanings are nonetheless very close, the words can be considered part of the same family. This allows us to add the Enets cognates, which

lack the meaning 'end, edge' but have the meaning 'closed': TE *maro* 'whole, complete; not having an exit (e.g. a box)' (EnSl) ~ FE DRV *marida-* 'wrap (tr.)', *mario-* 'lock (itr.)' (FED). Another possible derivative of this word family is Tundra Nenets *malcya* 'sack-like man's fur coat, with fur on the inside and the cap sewn on' (JrWb 251), not attested in Forest Nenets.[4] FE *malča* 'fur coat' (FED), TE *malʹca* id. (EnSl) are clearly loans from Tundra Nenets.

The regular underived Proto-Samoyed form can be reconstructed as **målə̑*.

Given the narrow distribution of the stem in the Samoyed languages and the curious fact that it appears in the name of a major geographical formation on the Siberian coast, one could still speculate whether the Nganasan and Nenets words actually go back to Proto-Samoyed at all, or whether they might be exceptionally early borrowings from some local, extinct language into the already separate pre-Nenets and pre-Nganasan languages. However, there are possible cognates of this word elsewhere in the Uralic family, which, if they can be accepted, would confirm the Uralic and, consequently, the Proto-Samoyed origin of **målə̑*.

Nganasan *mole* ~ TN *mal°* ~ FN *mał°* can be compared to Fi *malo* 'edge, side; slit, hole; bay, shore', Ka *malo* 'shallow water', Est *mala* 'sandy shore' < PFi **mala*[5] (?) ~ SaaL *muolos* ~ *muolun* ~ Sko *muâlas* 'ice hole forming at the shore of a lake in spring', SaaL *muolōstit-* 'be freed of ice (a shore in the spring)' < PSaa **muolōs* < DRV PSaa **muolē* > Ter *mīļļe* (Kuokkala 2018 : 28—29) ~ MdE *malaso* ~ MdM *malasa* 'close, close by' (MdWb II 1166) (cf. Kuokkala 2018 : 28—29; SSA 2 : 116; Jakob 2023 : 206 for comparisons). These could technically go back to Proto-Uralic **mala*, which corresponds to Proto-Samoyed **målə̑*; compare PS **sålə̑-* 'flash' < PU **śala-* 'flash, lighten' (Aikio 2002 : 27—29).

The only direct obstacle to supposing a common Proto-Uralic origin for the Samoyed and Western Uralic words is the Baltic etymology proposed for the latter: the Finnic, Saami, and Mordvin words are compared to Lith *mala* 'edge, shore', Ltv *mala* 'edge, shore, boundary', cf. Ltv dial. *lȳg malis* 'filled to the brim' (Nuutinen 1987; SSA 2 : 116; Junttila 2012 : 281; Jakob 2023 : 206). A Latvian etymology for the word family was proposed as early as 1929 by Loorits (1929 : 175—176).[6] The Estonian cognate *mala* 'sandy shore' is attested only once in one parish and as part of a toponym (Loorits 1929 : 176). The etymology is regarded as relatively clear by Junttila (2012 : 281). Grünthal (2012 : 311, 322) considers the Mordvin forms to be borrowings from Baltic and either parallel to or of common origin with the Finnic and Saami forms. Jakob (2023 : 206) generally accepts the comparison of the Uralic and Baltic words but notes that the Baltic forms do not have an unambiguous Indo-European origin. Agreeing with Nuutinen (1987), he considers Old Irish *mala* 'eyebrow' < **mlH* (Pedersen 1913 : 99, via Jakob 2023 : 207) to be a possible Indo-European cognate, which, despite the semantic distance, can be considered plausible, as there are apparent parallels for this semantic development (Jakob 2023 : 207, footnote 272).

[4] This connection was brought to my attention by Juha Janhunen at the etymological workshop at the University of Helsinki in April 2026.
[5] Reconstruction according to the Sanat database: https://sanat.csc.fi/wiki/Etymologiadata:imsm:mala.
[6] I thank my peer reviewer for relaying this information to me.

If the Samoyed cognates can be accepted, the Baltic words would have to be considered either borrowings from Uralic or an instance of chance resemblance between the two families. Considering the large semantic distance between the Baltic words and their alleged Indo-European cognates, the former option is not entirely implausible. Even if the Baltic words turn out to be Indo-European in origin, contamination from Finnic affecting their meaning cannot be ruled out, as has already been pointed out by e.g. Mägiste (1939 : 69).

Selkup **mālmə-* 'come to an end', e.g. Ket Selkup *kueit malməŋ* 'the soul leaves (a person dies)'; *sɐ̨rrot mālmaŋ* 'the rain ends' (SkWb 900), is a marginally possible cognate of PS **målə̑* 'end, edge, shore', although one would expect Proto-Selkup **ō* or **ū* (~ **o*, **u*) in the first syllable instead of **ā*, which is a possible, albeit rare, cognate of PS **å*.

Reconstructing PU **mala* remains a valid possibility.

4. PS *wärə 'border, edge' < PU *wäri 'hillside; roll down'

Ng PP *bere-* 'edge' : ABL-1DU *bere-te-ni* 'by the two of us' : LOC-1SG *beretene* 'on my own'; Slk **kerə̨*: Tym *kɐ̨r* 'seam; the hemmed edge of a Samoyed coat'; Taz *sōlʹ kēr* 'collar (e.g. in a shirt)'

Ng20; SkWb 2323

< PS **wärə*

Fi *vieri*(-) 'side, flank; (v.) roll down' ~ Ing Ka Lu Ve Est Liv (SSA 3 : 415)

SaaS *vïere* 'hillside' ~ Ume SaaL SaaN SaaA Sko Kld Ter; SaaN *fierra-* 'roll down' ~ SaaP SaaL SaaA Sko Kld (Lehtiranta 1989 : 150—151)

MdE *veŕe* 'up high' MdM *väŕä* id.[7] (MdWb IV 2573)

< PU **wäri*(-) (Aikio 2012 : 234) | Itkonen 1975 : 170—171; UEW 820 ?~ MdE, MdM *viŕ* 'forest' (cf. MdWb IV 2661)

Aikio (2012 : 234) reconstructs Proto-Uralic **wäri*(-) 'hillside; roll down' with the following cognates: Fi *vieri* 'side; place or space along something', *vieri-* 'roll down' ~ SaaS *vïere* 'steep hillside' ~ SaaN *fierra-* 'roll down'; MdM *väŕä* 'up high'. Cognates are widely attested in the Finnic, Saami, and Mordvin branches (see above). Mordvin *viŕ* 'forest' (MdWb IV 2661) is connected to the word family in UEW (820), although already Itkonen (1975 : 170—171), who discusses the etymology at length, notes that *viŕ* is not a regular cognate and it is therefore unlikely that it should belong to this cognate set. He later speculates about the possibility of including the stem anyway, on the basis that forests might have been particularly common in elevated areas where Proto-Mordvin was spoken, but as Itkonen himself acknowledges, the historical phonology of the stem meaning 'forest' would nonetheless be irregular (Itkonen 1975 : 173).

To the Finnic-Saami-Mordvin comparison, one can add Ng *bere-* 'edge' and Slk **kerə̨* 'seam, collar' (= 'edge in a piece of clothing'), which provide a good phonological and semantic match for the Western Uralic cognates. The Proto-Samoyed form **wärə*, reconstructed on the basis of Nganasan and Selkup, corresponds unproblematically to PU **wäri*, although one would expect the second-syllable vowel to be dropped in Samoyed. The reconstructed vowel

[7] These appear to be derivatives, but the presumed underived stem, M **väŕ* 'heights, highness', is only given as a reconstruction, rather than being attested by itself.

stem could be secondary, with the restored stem vowel probably originating from an epenthetic vowel, something that is not uncommon in Proto-Samoyed stems (cf. e.g. PU **suŋi* 'summer' > TN *təh* < PS **tə̑ŋ* but Ng *teŋe* < PS **tə̑ŋə̑*). Given that the Nganasan stem is only attested bearing suffixes, joined with the mid vowel /e/ [*ə*] that can also act as an epenthetic vowel, reconstructing an original vowel stem in PS seems even more probable. In that case, the Selkup vowel stem would have to be a post-Proto-Samoyed innovation.

In a stem of the type PS *CVC*ə*[1], i.e. a vowel stem, the first syllable **ä* is expected to be lengthened and raised to Proto-Selkup **ī* (Хелимский 2007). Alatalo (SkWb 2323) reconstructs a short **e* in this stem, although the Taz cognate *kēr* appears to show lengthening. Stems that have undergone the regular lengthening proposed by Helimski sometimes lack the expected raising (e.g. PS **kär-* ~ **kärə-* 'get dressed' > Slk **śēr-* id. (SkWb 2701)), so Slk **kerə̄* (?**kērə̄*) could also qualify as an example of Helimski's Law, if the Tym Selkup cognate *kȩ̨r* is taken to be secondarily shortened. The available evidence is too inconclusive to decide whether the word has undergone lengthening or not, but I do not regard it as a decisive factor in assessing the acceptability of the Proto-Uralic etymology, either way.

Although direct cognates of PU **wäri* are attested only in Nganasan and Selkup, it is possible that a derivative exists in PS **wärə-* (?→ DRV **wäri-*, **wärus-*) 'cut through, divide': Ng *beri-* (I), DRV *beris-* (I) 'cut, cut up' (SNg), TE *beri-* 'cut, divide' [often used as a term for processing fish], DRV *berus-* 'take apart' (EnSl), FE DRV *beriču-* 'cut out' (FED), TN DRV *yerəq-* 'cut into strips, take apart; clean up the insides', FN *wyełă-* 'cut apart with a knife (e.g. a piece of clothing, a pelt, a fish); clean up a fish' (JrWb 109a). The semantic distance between 'edge' and 'cut through' is perhaps not too vast to include the verbal stems in the comparison as derivatives. Although there are, to my knowledge, no direct parallels for such a semantic shift, the word family appears to have had both the meaning 'edge' and 'move along the edge of sth.' already in Proto-Uralic, cf. Fi *vieri-* 'roll down'. The polysemy of 'cut' and 'move through' is also attested in the Nganasan verb *motu-*. Considering that in Selkup the cognates of PS **wärə* refer specifically to edges (hems) of clothing, the action of cutting (e.g. leather to make clothing) is not very far away semantically. However, the connection between the noun **wärə* and the verb stems **wäri-*, **wärus-* etc. may be considered uncertain at this point.

Nganasan *bere*(-) 'side' should not be confused with *bore* (U) 'side' (SNg *бəрə* 'край'), which is part of a different word family: PS **wårə̑* < PU **wara* 'edge' (Zhivlov 2014 : 120). Both lexemes are attested multiple times in the NSL corpus (Brykina et al. 2018) and recorded in the materials of Valentin Gusev,[8] confirming that neither of them is an isolated spelling error, even if the front-vocalic *bere-* cannot be found in SNg.

There is little room for doubt that Nganasan *bere*(-) and Selkup **kerə̄* belong to the Uralic cognate set of **wäri*.

5. Conclusion

Important advances in the documentation of the Samoyed languages and the reconstruction of the Proto-Samoyed lexicon and its connections to Proto-Uralic have been made over the last 25 years. As work on Proto-

[8] I thank Valentin Gusev for allowing me to access his unpublished Nganasan data.

Samoyed continues, novel etymological proposals will keep emerging from the data, complementing and occasionally contradicting pre-existing views on the origin of certain items in the Uralic lexicon. All these proposals should receive adequate scrutiny, so that, in the end, we may hope to have a clearer conception of the relationship between the Samoyed languages and the rest of the Uralic family. With this paper, I hope to contribute to the ongoing discussion.

Data availability statement. The lexical data cited in this paper are from published dictionaries, as well as unpublished word lists and manuscripts, as indicated in the References. The data contained in the "Nganasan Corpus Word List" (Ng20) were extracted from the publicly available "Nganasan Spoken Language Corpus" (Brykina et al. 2018) and arranged into a word list by the present author.

The Nganasan and Enets data cited as NgSl and EnSl, respectively, refer to the electronic versions of unpublished word lists by Eugene Helimski, made available to the author by Valentin Gusev. The author has also been granted access to Valentin Gusev's unpublished Nganasan lexical data (Gusev mscr.).

All other data are from publicly available sources.

Acknowledgements. I am grateful to Juha Janhunen, Tapani Salminen, and Niklas Metsäranta for useful discussions concerning the etymologies presented in this paper. I also wish to thank all participants in the etymological workshops held at the University of Helsinki in the spring of 2026 for their comments on the draft versions of this paper, as well as the peer reviewers of the submitted version for their very helpful suggestions. All mistakes remain my own.

This paper was made possible by funding from the Alfred Kordelin Foundation and the Kone Foundation as part of the project "Samoyed piece to the Uralic puzzle: tracing lexical and grammatical retention and replacement in the Samoyed languages" (2026—2030).

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Kaisla Kaheinen
University of Helsinki
kaisla.f.kaheinen@helsinki.fi

Abbreviations

Est — Estonian, **FE** — Forest Enets, **Fi** — Finnish, **FN** — Forest Nenets, **Ing** — Ingrian, **Ka** — Karelian, **Kh** — Khanty, **Kld** — Kildin Saami, **Lith** — Lithuanian, **Liv** — Livonian, **Lu** — Ludic, **Ltv** — Latvian, **MdE** — Erzya, **MdM** — Moksha, **Ng** — Nganasan, **OPr** — Old Prussian, **PFi** — Proto-Finnic, **PKh** — Proto-Khanty, **PMs** — Proto-Mansi, **POU** — Proto-Ob-Ugric, **PSaa** — Proto-Saami, **PS** — Proto-Samoyed, **PU** — Proto-Uralic, **SaaA** — Aanaar Saami, **SaaL** — Lule Saami, **SaaN** — North Saami, **SaaP** — Pite Saami, **SaaS** — South Saami, **Sko** — Skolt Saami, **Slk** — Selkup, **TE** — Tundra Enets, **TN** — Tundra Nenets, **Ve** — Veps.

Glossing abbreviations: 1DU — first-person dual, ABL — ablative, ADJ — adjective, ADV — adverb, CAUS — causative, DRV — derivation, GEN — genitive, INST — instrumental, **itr.** — intransitive, PP — postposition, **tr.** — transitive, **v.** — verb.

BV — М. Я. Бармич, И. А. Вэлло, Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий, Ст. Петербург: Просвещение, 2002; **EnSl** — Е. А. Хелимский, Энецкий словарь [Unpublished manuscript]; **FED** — Andrey Shluinsky, Forest Enets Dictionary, Szeged: University of Szeged, 2025 (Studia Uralo-Altaica 58). https://doi.org/10.14232/sua.2025.58; **JrWb** — Toivo Lehtisalo, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki: Suoma-

lais-Ugrilainen Seura, 1956 (LSFU XIII); **MdWb** — H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990—1999 (LSFU XXIII); **NgSl** — Е. А. Хелимский, Нганасанский словарь [Unpublished manuscript]; **Ng20** — Kaisla Kaheinen, Nganasan corpus word list [Unpublished manuscript]; **Sanat** — Sanat database. Etymologiadata:imsm:mala. Kielipankki. The Language Bank of Finland. https://sanat.csc.fi/wiki/Etymologiadata:imsm:mala; **SkWb** — Sölkupisches Wörterbuch. Aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt von Jarmo Alatalo, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004 (LSFU XXX); **SNg** — Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова, Нганасанско-русский и русско-нганасанский словарь, Санкт-Петербург: Филиал издательства Просвещение, 2001; **T65** — Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва: Советская энциклопедия, 1965.

REFERENCES

Aikio, Ante 2002, New and old Samoyed etymologies. — FUF 57, 9—57.

—— 2006, New and old Samoyed etymologies (part 2). — FUF 59, 9—34.

—— 2009, The Saami loanwords in Finnish and Karelian [Doctoral dissertation, University of Oulu].

Brykina, Maria & Gusev, Valentin & Szeverényi, Sándor & Wagner-Nagy, Beáta 2018, Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Version 0.2. Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8.

Derksen, Rick 2015, Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon. Leiden: Brill.

Grünthal, Riho 2012, Baltic loanwords in Mordvin. — A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 266), 297—343.

Grünthal, Riho & Heyd, Volker & Holopainen, Sampsa & Janhunen, Juha A. & Khanina, Olesya & Miestamo, Matti & Nichols, Johanna & Saarikivi, Janne & Sinnemäki, Kaius 2022, Drastic demographic events triggered the Uralic spread. — Diachronica 39(4), 490—524. https://doi.org/10.1075/dia.20038.gru.

Gusev, Valentin (mscr.), Nganasan dictionary. Unpublished data.

Holopainen, Sampsa 2025, Studies in early Indo-European loans in Uralic part II. — JSFOu 101, 83—111. https://doi.org/10.33340/susa.153435.

Itkonen, Erkki 1975, Etymologisia lisiä. — Vir., 168—178. https://doi.org/10.23982/vir.36566.

Jakob, Anthony 2023. A History of East Baltic through language contact [Doctoral Dissertation, University of Leiden].

Janhunen, Juha 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 17).

Junttila, Santeri 2012, The prehistoric context of the oldest contacts between Baltic and Finnic languages. — A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 266), 261—296.

Kaheinen, Kaisla (mscr.), Remarks on Nganasan phonology: a systematic phonemic account. — Studia Uralo-Altaica [under review].

Kaheinen, Kaisla & Salminen, Tapani 2025, Neuer samojedischer Wortschatz — Compiling an updated etymological dictionary of the Samoyed languages. Conference presentation in Congressus XIV Internationalis Fenno-Ugristarum, 18.—23.8.2025. https://sisu.ut.ee/wp-content/uploads/sites/626/029.GS_Kaheinen-Salminen.pdf.

Koponen, Eino 1988, Ovatko suomen *longota* ja *lonsota* lappalaisia lainoja? — Vir., 92—99.

—— 1996, Lappische Lehnwörter im Finnischen und Karelischen. — Lapponica et Uralica. 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala, Uppsala (Studia Uralica Uppsaliensia 26), 83—98. .

Kuokkala, Juha 2018, Finnic-Saamic labial vowels in non-initial syllables: An etymological evaluation. — Περὶ ὀρθότητος ἐτύμων. Uusiutuva uralilainen etymologia, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Uralica Helsingiensia 11), 11—76.

Lehtiranta, Juhani 1989, Yhteissaamelainen sanasto, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 200).
Loorits, Oskar 1929, Mõningad läti laensõnad eestis. — EK VIII, 168—189.
Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Aikio, Ante) 2012, On Finnic long vowels, Samoyed vowel sequences, and Proto-Uralic **x*. — Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 264), 227—250.
Mägiste, Julius 1939, Läänemere-sm. ja volga-sm. keelte võrdluste alalt. — EK XVIII, 60—81.
Metsäranta, Niklas 2025, Optimism and etymology: the case of PU **ćoma-* 'get tired' and "Late" Proto-Indo-Iranian loan etymologies in Proto-Uralic. — JSFOu 101, 113—142. https://doi.org/10.33340/susa.148907.
Nuutinen, Olli 1987. Malo — balttilainen lainasanarelikti. — Vir., 514—530. https://doi.org/10.23982/vir.38157.
Olthuis, Marja-Liisa & Valtonen, Taarna & Seurujärvi, Miina & Trosterud, Trond 2015—2022, Nettidigisäänih Anarâškiela-suomakielâ-anarâškielâ sänikirje, Tromsø: UiT (22000 inarinsaamen sanaa, 18000 suomen kielen sanaa). http://saanih.oahpa.no.
Pedersen, Holger 1913, Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen II. Bedeutungslehre (Wortlehre), Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
Salminen, Tapani 1989, Classification of the Uralic languages. — IFUSCO 1988: Proceedings of the Fifth International Finno-Ugrist Students' Conference, Helsinki, 22—26 May 1988, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Castrenianumin toimitteita 35), 13—24.
—— 2023, Suomalais-samojedilaisia sanavertailuja. — Elämä ja etymologia. Janne Saarikiven 50-vuotisjuhlakirja, Helsinki—Norderstedt: BoD, 377—399.
—— 2024, The Samoyed Languages. — The Languages and Linguistics of Northern Asia. Volume 1: Language Families, London—New York: Mouton de Gruyter, 167—251. https://doi.org/10.1515/9783110556216-004.
Sammallahti, Pekka & Mosnikoff, Jouni 1991, Suomi–koltansaame-sanakirja. Lää´ddsää´m sää´nneǩe´rjj, Ohcejohka: Girjegiisá.
Zhivlov, Mikhail 2014, Studies in Uralic vocalism III. Journal of Language Relationship. Вопросы языкового родства 12 (2014), 113—148.
—— 2023, Reconstruction of Proto-Uralic. — The Uralic Languages. Second Edition, London—New York: Routledge, 117—175. https://doi.org/10.4324/9781315625096-3.
Живлов М. А. 2007, К вопросу о реконструкции обско-угорского вокализма. — Аспекты компаративистики. Aspects of Comparative Linguistics. Vol. 2, Москва: Изд-во РГГУ, 281—309.
Долгих, Б. О. 1976, Сказки и предания нганасан, Москва: Наука.
Гусев, В. Ю. 2025, Гармония гласных и звукосимволизм в нганасанском языке. — Языки и фольклор коренных народов Сибири 4(56), 90—99. http://doi.org/10.25205/2312-6337-2025-4-90-99.
Хелимский, Е. А. [1993] 2000, Прасамодийские **ə̑* и **ə̆*: прауральские источники и нганасанские рефлексы. — Е. А. Хелимский, Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. Москва: Языки русской культуры 2000, 196—201.
—— 2007, Продление гласных шва в селькупском языке как фонетический закон. — LU XLIII, 124—133.

КАЙСЛА КАХЕЙНЕН (Хельсинки)

КРАЙ, ГРАНИЦА, ОТДЕЛЕНИЕ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МАРГИНАЛИИ

Статья посвящена этимологии трех слов, встречающихся в финно-угорской ветви уральских языков, для которых до сих пор не были представлены соответствия в самодийских языках: фин. *malo* 'конец, край; берег' ~ эрз., мокш.

mala- 'недалеко' ~ луле-саам. *muolōs* 'берег озера, оттаявший ото льда весной' (?прауральское **mala*); прасаамское **loŋkē-*, **loŋk-ō-* 'сдирать мох или кору дерева' > soome *luŋka* 'легко отделяющаяся кора дерева' (?прауральское **luŋka-*); прауральское **wäri(-)* 'склон горы; скатываться вниз'.

Считается общепринятым, что слово **wäri(-)* имеет прауральское происхождение, однако первые два слова принято считать заимствованиями из балтийских языков. В данной статье предложены самодийские соответствия для всех трех слов и обосновано их прауральское происхождение. Если признать саамодийские соответствия, то ранее предложенные балтийские этимологии необходимо пересмотреть.

KAISLA KAHEINEN (Helsingi)

SERV, PIIR, EEMALDAMINE: ETÜMOLOOGILISI MARGINAALE

Artiklis on käsitletud kolme läänepoolsetes uurali keeltes esinevat sõna, millele ei ole seni esitatud samojeedi vastet: soome *malo* 'lõpp, serv; rand' ~ ersa, mokša *mala-* 'lähedal' ~ Lule-saami *muolōs* 'kevadine sulanud koht järve kalda lähedal' (?alguurali **mala*); algsaami **loŋkē-*, **loŋk-ō-* 'mätast või puukoort eemaldama' > soome *luŋka* 'kergesti eralduv puukoor' (?alguurali **luŋka-*); alguurali **wäri(-)* 'mäenõlv; alla veerema'.

Sõna **wäri(-)* alguurali päritolu on üldiselt omaks võetud, aga kaht esimest on varem peetud balti laenudeks. Olen pakkunud artiklis kõigile neile sõnadele samojeedi vasted ja põhjendanud nende alguurali päritolu. Kui samojeedi vasted heaks kiita, siis tuleb varem esitatud balti etümoloogiad uuesti üle vaadata.

LINGUISTICA URALICA LXII 2026 2 : 192—215 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.04

ЕГОР КАШКИН, *ПОЛИНА АЛИМОВА* (Москва)

ГЛАГОЛЫ И КОНСТРУКЦИИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Abstract. Verbs and Constructions of Disappearing in Tatyshly Udmurt
This article analyses the semantics of verbs of disappearing in Tatyshly Udmurt. The study is based on a frame-based approach to lexical typology, relying on elicitation and corpus data. We demonstrate colexification patterns for various frames of disappearing (disappearing from sight due to the motion of the subject, observer, or obstacle; loss of the subject or lack of relevant information about it; situations involving generic or non-physical subjects). Showing that the domain of disappearing is rather rich, we also analyze the sources of its items (disappearing as the primary meaning; the compositionality of constructions; semantic shifts from the domains of phasal polarity, motion, and hiding; the influence of Tatar and Standard Udmurt).

Keywords: Udmurt, Tatyshly Udmurt, semantics, lexical typology, verbs of disappearing, polysemy.

1. Введение

1.1. Предмет исследования

В статье на материале татышлинского говора удмуртского языка обсуждается употребление глаголов и конструкций с семантикой исчезновения. Исчезновение включает в данном случае ситуации, в которых «объект, некоторое время находившийся в доступе говорящего или субъекта, внезапно оказывается вне его доступа» (Альбицкий & Рахилина 2025 : 36). Например, в русском языке к этой группе относятся глаголы *исчезнуть*, *пропасть*, *запропаститься*, *деться*, *подеваться*, в некоторых употреблениях глагол *скрыться* и др. В удмуртском языке такие значения выражаются как отдельными лексемами, так и аналитическими конструкциями.

Глаголы исчезновения были ранее описаны на материале русского языка в Апресян 2016 и более детально в Альбицкий & Рахилина 2025. Статья Альбицкиого и Казкеновой (2026) посвящена материалу двух

Received 12 February 2026, accepted 26 June 2026, available online 16 November 2026.
© 2026 Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).

тюркских языков — турецкого и казахского. Их данные также обсуждались на более широком типологическом фоне: английского, словенского, татарского, узбекского языков в Альбицкий & Казкенова 2024. Материал шугнанского языка (иранская группа) затронут в Рахилина & Рыжова 2025. В удмуртском (и, насколько нам известно, в других уральских языках) глаголы исчезновения системно не изучались. Информацию об отдельных контекстах с употреблением глаголов исчезновения в эстонском и финском языках можно найти соответственно в Metslang 2001 и в Viimaranta 2023, но в целом эти статьи посвящены другим сюжетам (аспектуальному маркеру *ära* в эстонском и глаголам падения в финском).

Рассматриваемая группа лексики включает достаточно разнородные ситуации (см. подробнее раздел 1.3). Например, субъект глагола исчезновения может покинуть поле зрения наблюдателя, что не предполагает последующего поиска (ср. рус. *Машина исчезла за поворотом*), или же он может не обнаружиться в ожидаемой локализации (ср. рус. *Из сейфа исчезли деньги*), что не связано с длящимся наблюдением, но в то же время обусловливает необходимость поиска. Ситуация исчезновения может получать различные переосмысления: к примеру, предложение *Стеллерова корова исчезла в XVIII в.* указывает на прекращение существования биологического вида, а предложение *Вася заболел, и у него пропал билет на концерт* — на то, что субъект не может быть использован по назначению, но не на его физическую пропажу. В такой ситуации релевантной лексико-типологической задачей, решение которой требует подробных частноязыковых данных, становится выявление моделей колексификации и, наоборот, лексического противопоставления ситуаций, связанных тем или иным образом с идеей исчезновения.

Кроме того, группа единиц со значением исчезновения, насколько можно судить по рассмотренным на данный момент языкам, может быть довольно многочисленна. Е. В. Рахилина и Д. А. Рыжова (2025) приводят более 20 глагольных лексем и аналитических конструкций с такой семантикой в шугнанском языке. В связи с этим встает вопрос не только о дистрибуции единиц, но и о том, как значение исчезновения связано с другими значениями, и с какими именно значениями (например, в случае шугнанского языка обсуждается использование в контекстах исчезновения глаголов с семантикой 'идти', 'переворачиваться', 'сгорать' и др.).

В настоящей статье на материале татышлинского говора удмуртского языка мы рассмотрим три вопроса:

— Каковы семантические противопоставления между глаголами и конструкциями исчезновения?
— Какова сфера употребления каждой единицы?
— Как зона исчезновения взаимосвязана с другими семантическими зонами?

1.2. Материал и методы исследования, представление данных

Татышлинский говор относится к периферийно-южному диалекту южного наречия удмуртского языка (см., например, Кельмаков 1998 :

41—44). Его носители преимущественно проживают в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Наиболее подробное его описание представлено в Baidoullina 2003. Лексика говора не изучалась системно: данные об отдельных лексемах представлены в выходящем в настоящее время «Диалектологическом атласе удмуртского языка» (Насибуллин & Максимов & Семенов & Отставнова 2009) и последующие тома, однако обсуждаемая нами группа лексики в этом проекте затронута не была.

Рассматриваемый в статье говор существенно отличается от литературного удмуртского на разных языковых уровнях. Кроме того, он интересен в связи с интенсивным влиянием контактирующего с ним тюркского говора (последний относится в разных источниках к татарскому или к башкирскому языку, ср. Миржанова 2006; Булатова 2021). Проявления такого взаимодействия будут затронуты и в данной статье (см. раздел 2.6).

Наш материал собран в экспедициях Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Уразгильды, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, д. Малая Бальзуга Татышлинского района Республики Башкортостан. Локальные варианты удмуртского языка, распространенные в этих населенных пунктах, по данным нашего экспедиционного проекта, однородны: это, в частности, обусловлено взаимной транспортной доступностью, частыми контактами, распространенностью браков между жителями разных сел и деревень (подробнее см. Кашкин & Винклер 2024). Оснований для выделения устойчивых различий между населенными пунктами в использовании единиц изучаемого поля наш материал не дает.

Используются также данные из Корпуса татышлинского удмуртского (КТУ). Корпус является обновляемым. На момент подготовки статьи его объем составил около 84,4 тыс. словоупотреблений. Примерно 94% объема корпуса составляют тексты, записанные и расшифрованные в ходе экспедиций в 2019—2025 гг. в различных населенных пунктах Татышлинского района. Преимущественно это монологи, описывающие ситуации из жизни носителей, процедуры (как проведение праздников, рецепты), а также рассуждения носителей на различные темы (например, о состоянии удмуртского языка). В корпусе имеются сказки и песни, есть несколько диалогов. Остальной объем корпуса составляют тексты на татышлинском говоре, ранее (преимущественно в 1978 и в 2003 гг.) опубликованные А. Т. Байдуллиной, А. В. Гильмаевым, В. К. Кельмаковым. Более подробные метаданные можно найти на находящемся в открытом доступе сайте корпуса.

Методологически работа опирается на подход к лексической типологии, сформулированный в Рахилина & Резникова 2013; Rakhilina & Reznikova 2016 и предполагающий анализ дистрибуции лексем и выделение на его основе базовых ситуаций,[1] различение которых важно для противопоставлений между лексемами как внутри одного языка, так и при межъязыковом сопоставлении. В первую очередь мы провели

[1] В терминологии подхода эти ситуации называются фреймами, а сам подход — фреймовым. По сути, авторы опираются на понятие фрейма, хорошо известное в когнитивной лингвистике.

анкетирование носителей языка (следующее как описанному подходу, так и более общим принципам полевой работы, заложенным в Кибрик 1972). Информантам предъявлялись ситуации на русском языке (например: *Сосед пропал, и мы обратились в полицию, чтобы его разыскали*) и предлагалось описать каждую ситуацию на татышлинском говоре удмуртского языка. Список ситуаций первоначально был взят из типологической анкеты, составленной П. О. Альбицким (соответствующие эмпирические обобщения изложены в в Альбицкий & Казкенова 2024; 2026 и в Альбицкий & Рахилина 2025), и в необходимых случаях уточнялся при опросе с учетом нашего материала. Помимо этого, мы просили носителей оценить правильность удмуртских предложений (построенных другими носителями либо нами в ходе исследования), уместность в них различных глаголов и конструкций исчезновения и прокомментировать (при наличии) различия в значении этих единиц в контексте. Всего в опросе участвовали 15 информантов (преимущественно люди старше 55 лет), свободно владеющие татышлинским говором и регулярно использующие его в повседневной жизни. Первоначальный список лексем и конструкций для проверки был взят из удмуртско-русского и русско-удмуртского модулей словаря UdmCorpus (некоторые из этих единиц были затем оценены нами как нерелевантные для описания татышлинской системы, см. раздел 2.1). Список дополнялся в ходе опроса информантов, а также данными корпуса КТУ.

Центральное место в статье занимает татышлинский говор, поскольку рассмотрение тонких деталей семантики требует развернутых данных, полученных при работе с носителями языка (в нашем случае в задачу экспедиционного проекта входило именно исследование татышлинского удмуртского). Вместе с тем мы соотносим полевой материал с доступной информацией о других вариантах удмуртского языка (в том числе о литературном удмуртском), опираясь на цитируемые в тексте статьи словари и корпуса.

Примеры, полученные в ходе опроса информантов, приводятся в статье с пометой «ПМА» (полевые материалы авторов). Примеры из корпуса КТУ сопровождаются ссылкой на корпус и указанием текста. Наши примеры из татышлинского говора записываются в фонологической транскрипции, следующей системе из Baidoullina 2003. При цитировании примеров из других источников система записи сохраняется. Глоссирование примеров следует системе, выработанной в нашем проекте по изучению татышлинского говора. Примеры, оцененные всеми опрошенными информантами как неприемлемые, помечаются символом *. Примеры, которые большинство респондентов сочли приемлемыми, помечаются знаком ?, а примеры, которые большинство респондентов сочли неприемлемыми, — знаком ??. Символ # указывает на приемлемость примера, однако с другой интерпретацией, соответствующие пояснения даются в основном тексте.

1.3. Типы ситуаций

Глаголы и конструкции исчезновения, согласно типологическим работам (например Апресян 2016; Альбицкий & Рахилина 2025; Альбицкий & Казкенова 2026) могут кодировать несколько типов ситуаций.

Во-первых, субъект может исчезнуть из поля зрения. Этот тип включает несколько подтипов ситуаций. Так, исчезновение из поля зрения может происходить по причине перемещения самого субъекта (*Поезд исчез в тоннеле*), наблюдателя (*Мы долго ехали по дороге, и город исчез из виду*) или преграды (*Опустился занавес, и артисты исчезли*). Особым подтипом, как будет видно и по нашим данным, является исчезновение небесных тел из поля зрения (*Солнце скрылось за тучами*); в казахском языке только в этом контексте в зоне исчезновения используется глагол *бат* 'погружаться' (Альбицкий & Казкенова 2026). Может теряться возможность зрительного наблюдения (*Он выключил свет, и всё исчезло*) или свойство видимости субъекта (*В сказке кот стал медленно исчезать, начиная с хвоста*): это также может вызывать исчезновение субъекта из поля зрения. Перечисленные ситуации могут достаточно сложно распределяться между имеющимися в языке предикатами исчезновения, ср. описание турецкой и казахской систем в (Альбицкий & Казкенова 2026).

Во-вторых, субъект может подвергаться поиску. Ситуации этого типа могут быть противопоставлены контекстам исчезновения из поля зрения. Например, в типологическом исследовании Альбицкий 2022 : 35 указывается употребление единицы *to be lost* в английском языке в ситуации поиска, но не в ситуации исчезновения из поля зрения (с другой стороны, некоторые единицы могут покрывать оба класса ситуаций, как глагол *to disappear*). Сами ситуации с субъектом, подвергающимся поиску, также не вполне однородны. Субъект может отсутствовать на ожидаемом месте (*Куда делся мой телефон*? *Продавец только что здесь был, куда он делся*?), либо о нем может не быть релевантной информации (*Посылка уже должна была прийти, но куда-то пропала. У соседа пропала кошка, он расклеил везде объявления*). Первый из перечисленных типов ситуаций, согласно Альбицкий & Казкенова 2026, особым образом лексикализуется в турецком и казахском языках при помощи глаголов *git* и *кет*, которые имеют базовое значение 'уходить'.

В-третьих, имеется целый ряд абстрактных контекстов, указывающих не на исчезновение субъекта, непосредственно воспринимаемого зрительно или тактильно. На материале русского языка такие контексты рассмотрены наиболее подробно в Альбицкий & Рахилина 2025. Их типология пока не разработана на какой-либо объемной выборке, поэтому набор этих контекстов в типологической анкете носил предварительный характер, а детальная классификация составляет задачу будущих межъязыковых исследований. Те уточнения к набору значений, которые было возможно сделать на удмуртском материале, вносятся в текст. В систематизированных к настоящему моменту данных выделяются несколько типов контекстов. Во-первых, это прекращение существования непредметного референтного субъекта (*Камасинский язык исчез*) или генерического, т. е. отсылающего к классу субъекта (*Почему исчезли динозавры*?). В последнем случае отдельно проверялся контекст потери доступа к субъекту некоторого класса (*В кризис с заправок исчез бензин*). Во-вторых, это исчезновение нематериальных сущностей, к которым отсылают абстрактные существительные — некоторой способности (*У бабушки пропало зрение*), эмоции (*Когда она*

вышла на сцену, *ее волнение исчезло*), нефизического ресурса (*Сколько времени пропало*, *пока мы ждали*!).

Далее в разделе 2 последовательно обсуждаются выявленные нами глаголы и конструкции исчезновения в татышлинском удмуртском. В разделе 3 подводятся итоги и предлагаются теоретические обобщения.

2. Характеристика глаголов и конструкций исчезновения

2.1. Исследуемые единицы

Мы подробно рассмотрим употребление глаголов *ɑ̂šɑ̂nɑ̂* 'исчезать', *bɑ̂rɑ̂nɑ̂* 'заканчиваться', *pɑ̂rɑ̂nɑ̂* 'входить' (в конструкциях с модификаторами), *vatiśkɑ̂nɑ̂* (*vatskɑ̂nɑ̂*) 'прятаться', а также конструкций *jevɑ̂llɑ̂ potɑ̂nɑ̂* (близкая параллель в русском языке — *сойти на нет*) и *aʔž'iśk*(*ɑ̂l*)*emiś dukt*ɑ̂*nɑ̂*, букв. 'перестать от видения'. Информация об их словарных соответствиях приводится в соответствующих разделах ниже. Также мы рассмотрим употребления в контекстах исчезновения некоторых глаголов перемещения (в дополнение к упомянутому *pɑ̂rɑ̂nɑ̂* 'входить').

Некоторые конструкции, которые можно было бы отнести к полю исчезновения на основании данных словаря UdmCorpus, нами не рассматриваются. Выражение *ollokɑ̂tč́ɑ̂ lün̈ɑ̈*, буквально означающее 'куда-то стать' (литературный вариант *олокытчы луыны* приводится в словарной статье 'пропа́сть' в UdmCorpus), допускается некоторыми носителями в некоторых контекстах (см., например, (1)—(2)). Однако в целом оно оценивается как малоупотребительное в говоре и чаще всего отвергается при опросе. В КТУ оно также не встретилось. Поэтому оказалось проблематичным получить полную картину его дистрибуции.

(1) *ʔmɑ̂nam dɑ̂di-je-len pu̇ni-jez*
я.GEN младшая_сестра-POSS.1SG-GEN собака-POSS.3SG
ollo-kɑ̂tč'ɑ̂ lu̇-i-z
INDEF-куда быть-PST-3SG
'У моей младшей сестры куда-то пропала собака' (ПМА)

(2) *ʔʔscena vɑ̂l-e pot-em ber-a-z so-len*
сцена верх-ILL выходить-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.3SG тот-GEN
kepra-m-ez ***ollo-kɑ̂tč'ɑ̂ lu̇-i-z***
волноваться-NMLZ-POSS.3SG INDEF-куда быть-PST-3SG
'После выхода на сцену ее волнение исчезло' (ПМА)

Кроме того, мы исключили из рассмотрения глагол *kariśkɑ̂nɑ̂* делаться' (в UdmCorpus его сочетание с неопределенным местоимением *олокытчы кариськыны* приведено как возможный эквивалент русского глагола *пропа́сть*, а сам он имеет, среди прочих, значение 'деваться'). В нашем материале он встречается только в значении контролируемого действия 'устроиться где-либо, куда-либо', см., например, (3).

(3) *kȯrəš-e kȯn'a ke nunal ta-les' az'lo*
сосед-POSS.1SG сколько INDEF день этот-GEN2 раньше
kɑ̂tč'ɑ̂ ke kar-is'k-i-z
куда INDEF делать-DETR-PST-3SG
'Сосед несколько дней назад куда-то устроился (например, работать на стройке дороги)' (ПМА)

2.2. Глагол *ə̂šə̂nə̂*

Базовой единицей поля исчезновения является глагол *ə̂šə̂nə̂* 'исчезать' (в литературном удмуртском *ышыны*, переводные соответствия в словаре — 'теряться', 'исчезать', 'пропадать', 'деваться' (UdmCorpus); аналогичная информация на материале различных удмуртских диалектов приведена в Wichmann 1987 : 71). Значение исчезновения признается для него этимологически исходным в КЭСК 1970 : 65. Этот глагол сочетается также с модификаторами — неопределенными местоимениями (*kə̂tć̑ə̂ ke ə̂šə̂nə̂* / *kə̂tć̑ə̂ dör ə̂šə̂nə̂* 'куда-то пропасть') или выражением пропажи из поля зрения (*śin aźiś ə̂šə̂nə̂* 'с глаз пропасть'[2]). Семантических различий между употреблениями глагола с модификаторами и без них мы не выявили.

Глаголом *ə̂šə̂nə̂* можно описать исчезновение субъекта из поля зрения при его перемещении (4), а также при перемещении преграды для зрительного восприятия (5) или при перемещении наблюдателя (6). Оценка контекстов последнего типа вызывает сомнения у отдельных опрошенных носителей, но в целом лексема *ə̂šə̂nə̂* признается в них уместной.

(4) *pojezd* ***ə̂š-i-z*** *metro-je mi kun'-na-mə̂*
поезд исчезать-PST-3SG метро-ILL мы три-COLL-POSS.1PL
uč'k-i-mə̂ ber-ze
смотреть-PST-1PL зад-ACC.POSS.3SG
'Поезд скрылся в метро, мы втроем смотрели ему вслед' (ПМА)

(5) *katanč'i lez'-is'k-i-z, art'ist-jos* ***ə̂š-i-zə̂***
занавес отпускать-DETR-PST-3SG артист-PL исчезать-PST-3PL
'Опустился занавес, артисты исчезли' (ПМА)

(6) *pojezd və̂rž'-i-z, mi košk-i-m.* *ʔnə̂rə̂s'* ***ə̂š-i-z***
поезд трогаться-PST-3SG мы уходить-PST-1PL первый исчезать-PST-3SG
vokzal, so ber-e kalə̂k-jos
вокзал тот зад-ILL народ-PL
'Поезд тронулся, мы поехали. Первым исчез вокзал, затем люди' (ПМА)

Глагол *ə̂šə̂nə̂* способен также описывать потерю субъектом свойства видимости (7) и потерю возможности зрительного наблюдения (8).

(7) *vedon* ***ə̂š-i-z,*** *i mon o*ʔ*-na-m kə̂l'-i-Ø*
призрак исчезать-PST-3SG и я один-COLL-POSS.1SG оставаться-PST-1SG
buš korka pušk-ə̂
пустой дом внутренность-ILL
'Призрак исчез, и я остался один в пустом доме' (ПМА)

(8) *so tə̂l-ez kə̂s-i-z no, van'm-ə̂z* ***ə̂š-i-z***
тот огонь-ACC гасить-PST-3SG ADD весь-POSS.3SG исчезать-PST-3SG
'Он выключил свет, и всё исчезло' (ПМА)

[2] Употребление модификатора с аналогичной семантикой отмечено также при базовых глаголах исчезновения в турецком и казахском языках (Альбицкий & Казкенова 2026). В то же время ни в цитируемой работе, ни в наших материалах нет данных о каких-либо изменениях в дистрибуции глагола, которые были бы связаны с добавлением такого модификатора. Поэтому мы не обсуждаем подробно примеры с ним.

Кроме того, лексема *ə̂šə̂nə̂* кодирует ситуации, предполагающие поиск субъекта исчезновения, — в результате отсутствия субъекта на ожидаемом месте (9) или релевантной информации о нем (10).

(9) *t'el'efon kə̂tč'ə̂ də̈r* ***ə̂š-i-z***
телефон куда наверное исчезать-PST-3SG
'Телефон куда-то делся' (ПМА)

(10) *mə̂nam posy̧lka tolon lə̂ktə̂-nə̂ tijə̂š val*, *no* ***ə̂š-i-z***
я.GEN посылка вчера прийти-INF должен быть.PST ADD исчезать-PST-3SG
'Моя посылка должна была прийти ещё вчера, но пропала' (ПМА)

Обсуждаемая единица употребляется в ряде абстрактных контекстов. Она может обозначать исчезновение класса субъектов (11) или какой-либо нематериальной сущности, как в (12)—(13), а также потерю доступа к субъектам некоего класса (14).

(11) *d'inozavə̂r-jos* ***ə̂š-i-zə̂*** *kẏat'-ton vit' mil'l'ion ar*
динозавр-PL исчезать-PST-3PL шесть-DEC пять миллион год
ta-les' az'lo
этот-GEN2 раньше
'Динозавры исчезли 65 миллионов лет назад' (ПМА)

(12) *scena və̂l-e pot-em ber-a-z so-len*
сцена верх-ILL выходить-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.3SG тот-GEN
kepra-m-ez ***ə̂š-i-z***
волноваться-NMLZ-POSS.3SG исчезать-PST-3SG
'После выхода на сцену ее волнение исчезло' (ПМА)

(13) *ʔkə̂l* ***ə̂š-i-z*** *berpum-eti so kə̂l-en vera-s'k-is' murt-en*
язык исчезать-PST-3SG последний-ORD тот язык-INS говорить-DETR-PTCP.ACT человек-INS
'Язык исчез вместе с последним человеком, говорившим на этом языке' (ПМА)

(14) *kriz'is kuts'k-i-z.* *magaz'in-jos-ə̂n sy̧r-jos* ***ə̂š-i-zə̂***
кризис начинаться-PST-3SG магазин-PL-LOC сыр-PL исчезать-PST-3PL
'Начался кризис. В магазинах исчезли сыры' (ПМА)

В ряде контекстов, предложенных в использовавшейся нами типологической анкете, глагол *ə̂šə̂nə̂*, однако, нехарактерен (как и другие специализированные выражения исчезновения). Так, идею исчезновения аппетита наиболее естественно выразить отрицанием дезидеративной конструкции (15), а потерю зрения можно описать отрицательной конструкцией с глаголом *aʔǯ'ə̂nə̂* 'видеть' (16).

(15) *mə̂nam s'i-em ug pot ni*
я.GEN есть-NMLZ NEG.PRS.3 выходить уже
'Мне уже не хочется есть' (ПМА)

(16) *č'užaj-len s'im-ə̂z uʔ aʔǯ'ə̂ ni*
бабушка_по_матери-GEN глаз-POSS.3SG NEG.PRS.3 видеть уже
'У бабушки глаза уже не видят' (ПМА)

Кроме того, мы проверили возможность описать с помощью глагола *ə̂šə̂nə̂* ряд физических явлений: рассеивание тумана, растворение сахара,

выцветание ткани. Однако эти ситуации, как правило, не связываются в татышлинском удмуртском с зоной исчезновения и описываются особым образом. Некоторым исключением является лишь туман: по отношению к нему зафиксированы различные выражения, приведенные в (17); также возможен глагол *bârânâ* (раздел 2.3) и выражение *jevâllâ potânâ* (раздел 2.6), но не глагол *âšânâ*. По отношению к сахару применяется глагол *sâlmânâ* 'растворяться'. О рубашке используется глагол *bezdânâ* 'блекнуть, выцветать' или выражение (18).

(17) *bus taral-i-z / vâl-e žut-is'k-i-z /*
туман расходиться-PST-3SG верх-ILL поднимать-DETR-PST-3SG
tòlž'-i-z / puks'-i-z
рассеиваться-PST-3SG садиться-PST-3SG
'Туман рассеялся' (ПМА)

(18) *derem-ez šundâ bas't-em*
рубашка-ACC солнце брать-PST2
'Рубашка выцвела на солнце (букв.: Рубашку солнце взяло)' (ПМА)

2.3. Глагол *bârânâ*

Глагол *бырыны* (в татышлинском говоре *bârânâ*) имеет значения 'погибать, умирать', 'кончаться, исчезать', 'истекать, расходоваться', 'дохнуть, вымирать', согласно словарю литературного языка UdmCorpus. В Wichmann 1987 : 24 приведены аналогичные сведения о его употреблении в удмуртских диалектах. Этимологически он возводится к общепермскому *bùr-* 'иссякнуть, исчезнуть' (КЭСК 1970 : 44).

По нашим данным, в татышлинском говоре этот глагол используется в широком наборе контекстов прекращения существования, см. (19) и примеры из КТУ: *č'ârs* ***bâriz*** 'закваска закончилась'; *kälzä* ***bârem*** 'их силы закончились'; *školamâ* ***bârem*** 'наша школа закрылась'; *gâron* ***bârem*** *bere* 'после окончания пахоты' и др. В этот ряд контекстов вписывается и его употребление по отношению к туману (*bus bâriz* 'Туман рассеялся', см. также обсуждение примера (17)).

(19) *ta-in vera-n-e mânam* ***bâr-i-z***
этот-INS говорить-VN-POSS.1SG я.GEN заканчиваться-PST-3SG
'На этом рассказ мой окончен' (КТУ: SGM-13072024_MW_museum)

В русле данной инвариантной семантики значение исчезновения реализуется глаголом *bârânâ* в контекстах, описывающих прекращение существования субъекта — целого класса (20), социального образования (21), абстрактной сущности (22).

(20) *d'inozavâr-jos* ***bâr-i-zâ*** *kʉat'-ton vit' mil'ion ar*
динозавр-PL заканчиваться-PST-3PL шесть-DEC пять миллион год
ta-les' az'lo
этот-GEN2 раньше
'Динозавры исчезли 65 млн лет назад' (ПМА)

(21) *so gurt* ***bâr-i-z***, *so vil' kâzâl'l'ar jevâl ni*
тот деревня заканчиваться-PST-3SG тот новый Кызыл-Яр нет уже
'Эта деревня исчезла, этого Нового Кызыл-Яра уже нет' (КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_4_kyzyljar)

(22) *kȯn'a tânad dâr-âd* ***bâr-i-z***, *so mânda*
сколько ты.GEN время-POSS.2SG заканчиваться-PST-3SG тот столько
šâd-i-d kompjutâr-en
играть-PST-2SG компьютер-INS
'Сколько у тебя времени пропало, столько играл на компьютере' (ПМА)

Некоторые из опрошенных носителей указывают на следующий контраст между глаголами *âššânâ* 'исчезать' (см. раздел 2.2) и *bârânâ* в контексте (23). Глагол *âššânâ* понимается в первую очередь как описывающий физическое исчезновение субъекта (например, если билет упал под кровать). Абстрактное же значение утраты функциональности билета выражается глаголом *bârânâ*.

(23) *so koncert-e mânâ-nâ ȯz bâgatâ, bil'et-se*
тот концерт-ILL идти-INF NEG.PST.3 мочь билет-ACC.POSS.3SG
s'ot-i-z mânâm ***bâr-on-tem*** */* ***#âš-on-tem*** *ponna*
давать-PST-3SG я.DAT заканчиваться-VN-CAR исчезать-VN-CAR для
'Она не смогла пойти на концерт и отдала билет мне, чтобы он не пропал (#чтобы он не потерялся)' (ПМА)

Для базовых контекстов субъекта, который перестал быть видимым (см., например, (24)—(25)), и субъекта, который ищут (см., например, (26)), глагол *bârânâ* нехарактерен. В части идиолектов *bârânâ* допускается при направленном опросе по отношению к возникновению преграды для наблюдения солнца (27), однако мы не нашли таких примеров в текстах из КТУ либо в корпусах литературного удмуртского (WebCorpora; Udmcorpus).

(24) **pojezd tunnel'-e* ***bâr-i-z***
поезд туннель-ILL заканчиваться-PST-3SG
Ожидаемое значение: 'Поезд скрылся в туннеле' (ПМА)

(25) *??so tâl-ez kâs-i-z no van'm-âz* ***bâr-i-z***
тот огонь-ACC гасить-PST-3SG ADD весь-POSS.3SG заканчиваться-PST-3SG
Ожидаемое значение: 'Он выключил свет, и всё исчезло [из поля зрения]' (ПМА)

(26) **mânam posi̯lka tolon vüä-nä tijâš val*,
я.GEN посылка вчера приходить-INF должен быть.PST
no ***bâr-em***
но заканчиваться-PST2
Ожидаемое значение: 'Моя посылка должна была прийти вчера, но пропала' (ПМА)

(27) *?šundâ pil'em-jos s'ȯr-ä* ***bâr-i-z***
солнце облако-PL зад-ILL заканчиваться-PST-3SG
'Солнце скрылось за облаками' (ПМА)

По отношению к человеку значение 'исчезнуть, пропасть' базово выражается глаголом *âššânâ* (см. раздел 2.2). В примерах из текстов глагол *bârânâ* самостоятельно (28) или в сочетании с глаголом *kulânâ* 'умирать' (29) указывает на смерть человека. Носители языка также применяют его к человеку с существенно ухудшившимся здоровьем или к ведущему асоциальный («пропащий») образ жизни, ср. интерпретации предложения *vas'a bâriz* (букв. *Вася закончился*) как 'Вася серьезно заболел, исхудал' либо 'Вася стал пьяницей или наркоманом'.

(28) *kin-len kart-ez vojna-je* ***bâr-i-z***, *so-os og-kâše*
кто-GEN муж-POSS.3SG война-ILL заканчиваться-PST-3SG тот-PL один-какой
marâm... jurttâ-tek, *no-kâše pom= pomoš'-tek bud-et-i-zâ*
PLH помогать-CVB.NEG NEG-какой помощь-CAR расти-CAUS-PST-3PL
'У кого мужья погибли на войне, они никакого... Безо всякой помощи растили [детей]' (КТУ: ATN-29072021_VI_13_babushka)

(29) *al'i uže jevâl ni so uˀmorˀ-ǯ'os*. ***bâr-i-zâ***. *babuška-os*
сейчас уже NEG уже тот удмурт-PL заканчиваться-PST-3PL бабушка-PL
kulâ-sa ***bâr-i-zâ***. *mi uže обрусевший uˀmorˀ-ǯ'os*
умирать-CVB заканчиваться-PST-3PL мы уже удмурт-PL
'Сейчас уже нет этих удмуртов. Не стало их. Бабушки поумирали. Мы уже обрусевшие удмурты' (КТУ: HAK_Aribash2-07082023_VI_10televisor)

2.4. Глагол *pârânâ*

Глагол *пырыны* (в татышлинском говоре *pârânâ*) имеет базовое значение 'войти' (UdmCorpus; КЭСК 1970 : 237; Wichmann 1987 : 200). Его употребление в контекстах исчезновения зафиксировано в Русско-удмуртском словаре (2019, т. 1 : 310) и встречается в литературных текстах:

(30) *Пичи пислегъ-ёс пумит-а-мы номыр но вера-ны*
маленький синица-PL напротив-LOC/ILL-POSS.1PL ничего ADD говорить-INF
öz быгат-э, *со-лэсь но ортчыт — уг вала-ло*:
NEG.PST.3 мочь-PL тот-GEN2 ADD слишком NEG.PRS.3 понимать-PRS.3PL
ма лу-и-з, *кытчы* ***пыр-и-з*** *писпу*, *кытчы*
быть-PST-3SG куда входить-PST-3SG дерево куда
ыш-и-зы со-ос-лэн пи-ос-сы
исчезать-PST-3PL тот-PL-GEN парень-PL-POSS.3PL
'Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети' (UdmCorpus — Русско-удмуртский параллельный корпус: М. Пришвин, Сиклэн этажъёсыз (1956))

В нашем материале по татышлинскому говору аналогично литературному примеру (30) семантика исчезновения передается глаголом *pârânâ* в сочетании с модификатором *kâtč'â* 'куда' или с образованными на его основе неопределенными местоимениями (местоименными наречиями).

В контекстах перемещения глагол *pârânâ* выражает буквальное значение, во многих случаях смежное с исчезновением. Так, в (31) носители использовали конструкцию с этим глаголом и участником — конечной точкой в качестве реакции на русский стимул «исчез в тоннеле». В (32) конструкция с *pârânâ* применена к уехавшей куда-либо и исчезнувшей из поля зрения машине. В то же время для контекстов исчезновения неподвижного субъекта из поля зрения перемещающегося наблюдателя конструкция нехарактерна (33). В (34), где исчезновение обусловлено перемещением преграды, а не субъекта, глагол *pârânâ* интерпретируется буквально.

(31) *pojezd* ***pâr-i-z*** *metro-je*, *mi kuin'-na-mâ uč'k-i-mâ*
поезд входить-PST-3SG метро-ILL мы три-COLL-POSS.1PL смотреть-PST-1PL
ber-ze
зад-ACC.POSS.3SG
'Поезд заехал в метро, мы втроем смотрели ему вслед' (ПМА)

(32) *mašina* ***kâtč'ə ke pər-i-z***
машина куда INDEF входить-PST-3SG
'Машина куда-то делась' (ПМА)

(33) *pojezd vərž'-i-z, mi košk-i-m. nərəs' əš-i-z /*
поезд трогаться-PST-3SG мы уходить-PST-1PL первый исчезать-PST-3SG
??***kâtč'ə ke pər-i-z*** *vokzal, so ber-e kalək-jos*
куда INDEF входить-PST-3SG вокзал тот зад-ILL народ-PL
'Поезд тронулся, мы поехали. Первым исчез вокзал, за ним люди' (ПМА)

(34) #*zanaves vorsa-s'k-i-z, art'ist-jos* ***kâtč'ə dər pər-i-zə***
занавес закрывать-DETR-PST-3SG артист-PL куда наверное входить-PST-3PL
'Опустился занавес, и артисты куда-то зашли'. (ПМА)

При этом конструкция с глаголом *pərənə* применяется к исчезновению субъекта, который ищут. Выраженность ситуации перемещения в таком случае может быть различной. В (35) исчезновение посылки предполагает ее перемещение в рамках почтового сообщения. В (36) же телефон воспринимается говорящим как статичный объект. Развитие у этого глагола семантики исчезновения следует, по-видимому, связывать со структурой ситуации входа куда-либо: входящий внутрь некоторой локации субъект становится недоступным для зрительного наблюдения снаружи; данный компонент недоступности для наблюдателя реализуется и в контекстах исчезновения.

(35) *mənam posi̮lka tolon vüə-nə tijəš val, no*
я.GEN посылка вчера приходить-INF должен быть.PST но
kâtč'ə dər pər-em
куда наверно входить-PST2
'Моя посылка должна была прийти вчера, но куда-то пропала' (ПМА)

(36) *vit' minut ta-les' az'lo žök vəl-ən kəl'l'-e val*
пять минута этот-GEN2 раньше стол верх-LOC лежать-PRS.3SG быть.PST
t'el'efon-e. ***kâtč'ə pər-i-z*** *ta ber-e*?
телефон-POSS.1SG куда входить-PST-3SG этот зад-ILL
'Пять минут назад на столе лежал мой телефон. Куда он делся?' (ПМА)

Ситуация потери возможности наблюдения или свойства видимости также может кодироваться конструкцией с глаголом *pərənə*:

(37) *so təl-ez kəs-i-z no van'm-əz* ***kâtč'ə ke pər-i-z***
тот огонь-ACC гасить-PST-3SG ADD весь-POSS.3SG куда INDEF входить-PST-3SG
'Он выключил свет, и всё куда-то делось' (ПМА)

Глагол *pərənə* с модификаторами применим и к некоторым абстрактным контекстам, указывая на исчезновение нематериальной сущности (38) или на потерю доступа к субъектам некоторого класса (39). В контекстах исчезновения целого класса эта конструкция чаще отвергается. Так, пример (40) сопровождается комментариями носителей «Как будто динозавры куда-то ушли», интерпретируясь тем самым не так, что класс исчезает, а так, что он существует, но становится недоступным для наблюдателя. Напротив, 'волнение' в (38) и 'сыры' в (39) оцениваются как такие субъекты, которые могут вновь стать доступными наблюдению.

(38) *so tuž волноваться kar-i-z выступать kar-on*
тот очень делать-PST-3SG делать-VN

az'-a-z, no scena-je pot-em ber-a-z
перед-LOC/ILL-POSS.3SG но сцена-ILL выходить-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.3SG
voln'en'i-jez ***kâtč'ə ke pər-i-z***
волнение-POSS.3SG куда INDEF входить-PST-3SG
'Она очень волновалась перед выступлением, но после выхода на сцену волнение исчезло' (ПМА)

(39) *kriz'is bašla-Ø-z no lafka-is' sir-jos*
кризис начинать-PST-3SG ADD магазин-EL сыр-PL
kâtč'ə dər pər-i-zə
куда наверное входить-PST-3PL
'Начался кризис, и из магазинов исчезли сыры' (ПМА)

(40) ??*d'inozavər-jos* ***kâtč'ə ke pər-i-zə***
динозавр-PL куда INDEF входить-PST-3PL
'Динозавры исчезли'. (ПМА)

2.5. Связь полей перемещения и исчезновения

Следствие исчезновения возможно у различных глаголов перемещения, но его возникновение зависит и от глагола, и от контекста. Так, носители интерпретируют употребление глагола *peˀžʹânâ* 'убегать' по отношению к собаке как указание на то, что она пропала и, скорее всего, уже не вернется, см. (41), а также (42), где показана несовместимость этого глагола и указания на нахождение собаки в поле зрения.

(41) *mânam puni-je* ***peˀžʹ-i-z***
я.GEN собака-POSS.1SG убегать-PST-3SG
'У меня убежала (пропала) собака' (ПМА)

(42) **puni-je* ***peˀžʹ-i-z***. *tin'i so*
собака-POSS.1SG убегать-PST-3SG вон тот
Ожидаемое значение: 'Собака убежала. Вон она [говорящий показывает в сторону другого конца двора]' (ПМА)

В то же время по отношению к человеку глагол *peˀžʹânâ* интерпретируется буквально (43) и не выражает значения исчезновения (оно может быть передано, например, базовым глаголом *âšânâ* 'исчезать').

(43) *mânam kərəš-e* ***peˀžʹ-i-z***
я.GEN сосед-POSS.1SG убегать-PST-3SG
'У меня сосед сбежал [например, от участкового или от жены]' (ПМА)

Глагол *koškânâ* 'уходить' совместим со сценарием, при котором субъект остается в поле зрения (44), ср. (42). Однако ситуативно он может указывать и на исчезновение субъекта, см. (45), где данный глагол применен к уплывшей и тем самым исчезнувшей из поля зрения наблюдателя русалке.

(44) *puni-je* ***košk-i-z***. *tin'i so*
собака-POSS.1SG уходить-PST-3SG вон тот
'Собака ушла. Вон она' (ПМА)

(45) *mon-e aˀžʹ-em ber-a-z tanâp-e v= vas'k-i-z*
я-ACC видеть-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.3SG Танып-ILL спускаться-PST-3SG
no pe ***košk-i-z***. *č'um-i-z otč'ə. vu= vu tulkâm gəne*
ADD CIT уходить-PST-3SG нырять-PST-3SG туда вода вода волна только

pe kâl'-i-z *na* *tanəp=* *marâm-e*
CIT оставаться-PST-3SG еще Танып PLH-ILL
'После того как она (русалка) меня увидела, она спустилась к Таныпу и уплыла. Нырнула туда. Только волны остались на этой самой… Танып' (КТУ: AZA-09072024_TD_rusalki)

Интересный случай представлен глаголом *kirganə* (в литературной орфографии *кирганы*). В словаре UdmCorpus ему приписаны значения 'упасть, выпасть, вывалиться', 'потеряться', в Wichmann 1987: 106 — 'выронить', 'упасть', 'потеряться'. Наши данные также свидетельствуют о проявляемой этим глаголом смежности семантических зон падения (подтипа перемещения) и исчезновения. Типичный контекст употребления глагола *kirganə* представлен в (46). Предложение (47), не содержащее, в отличие от (46), расширенного контекста, типично понимается как указывающее на пропажу телефона.

(46) *t'el'efon* *kisi-is'* ***kirga-m*** *no* *mon* *so-je* *šed'tâ-nə*
телефон карман-EL выпадать-PST2 ADD я тот-ACC находить-INF
ug *bâgat-is'kə*
NEG.PRS/FUT.1SG мочь-PRS
'Телефон выпал из кармана, и я не могу его найти' (ПМА)

(47) *pet'a-len* *t'el'efon-ez* ***kirga-m***
Петя-GEN телефон-POSS.3SG выпадать-PST2
'У Пети выпал телефон (и, вероятнее всего, потерялся)' (ПМА)

В (48), где компонент исчезновения отменяется контекстом, глагол *kirganə* приемлем для части опрошенных носителей (из 7 носителей, которым было предъявлено предложение, сочли его правильным 4). Для сравнения, в (49), где сохраняется компонент исчезновения, но отсутствует компонент падения, этот глагол чаще оценивается как неприемлемый (из 6 опрошенных носителей предложение оценили как правильное только двое).

(48) ?*t'el'efon* *kisi-is'* ***kirga-Ø-z*** *no* *mon* *so-je* *srazu*
телефон карман-EL выпадать-PST-3SG ADD я тот-ACC сразу
žut-i-Ø
поднимать-PST-1SG
'Телефон выпал из кармана, и я его сразу поднял' (ПМА)

(49) ??*t'el'efon* *kətč'ə* ***kirga-Ø-z?*** *al'i* *gəne* *tatən*
телефон куда выпадать-PST-3SG сейчас только здесь
kâl'l'-e *val*
лежать-PRS.3SG быть.PST
'Куда делся телефон? Только что лежал здесь' (ПМА)

В (50)—(51), где речь идет об исчезновении объектов, которые ищут, но ситуация не предполагает их выпадения, глагол *kirganə* отвергается носителями. То же касается и контекстов исчезновения из поля зрения, см., например, (52)—(53). Рассматриваемых в статье абстрактных употреблений, связанных с зоной исчезновения, лексема *kirganə* также не развивает.

(50) **puni-je* ***kirga-m***
собака-POSS.1SG выпадать-PST2
Ожидаемое значение: 'У меня пропала собака' (ПМА)

(51) **mə̂nam posi̮lka tolon lə̂ktə̂-nə̂ tijə̂š val*,
я.GEN посылка вчера приходить-INF должен быть.PST
no ***kirga-Ø-z***
но выпадать-PST-3SG
Ожидаемое значение: 'Моя посылка должна была прийти вчера, но пропала' (ПМА)

(52) **katanč'i lez'-is'k-i-z no art'ist-jos* ***kirga-Ø-zə̂***
занавес отпускать-DETR-PST-3SG ADD артист-PL выпадать-PST-3PL
Ожидаемое значение: 'Опустился занавес, и артисты исчезли' (ПМА)

(53) **pojezd* ***kirga-Ø-z*** *metro-je / metro-jə̂n*
поезд выпадать-PST-3SG метро-ILL метро-LOC
Ожидаемое значение: 'Поезд исчез в метро' (ПМА)

Тем самым, мы видим, что употребление различных глаголов перемещения может предполагать исчезновение их субъекта. Статус исчезновения как компонента значения глагола или контекстной импликатуры варьируется по глаголам, контекстам их употребления и по идиолектам и может исследоваться в дальнейшем на большей выборке глаголов и ситуаций.

2.6. Конструкция *jevə̂lllə̂ potə̂nə̂*

Еще одним выражением исчезновения является конструкция *jevə̂l-lə̂ potə̂-nə̂* (нет-DAT выходить-INF). Она, по-видимому, калькирована с татарского выражения *юкка чыгу*, значение которого определяется как 'сходить на нет, уничтожаться; исчезать; иссякать' (Татарско-русский словарь 2007, т. 2 : 685). Последнее зафиксировано и в татарском говоре, носители которого проживают в посещенном нами удмуртском селе Нижнебалтачево, см. (54)—(55). Выражение частотно в корпусах литературного татарского языка, см., например, 42 899 вхождений в Письменном корпусе татарского языка[3] и иллюстрацию в (56). Выражения исчезновения, включающие единицу со значением 'нет' и тот или иной глагол, встречаются и в других тюркских языках, см., например, *жоқ бол* (букв.: 'нет + быть') в казахском и *yok olmak* (букв.: 'нет + быть') в турецком (Альбицкий & Казкенова 2026), *жок болуп кетүү* (букв.: 'нет будучи уйти') в кыргызском (El-Sozduk).

(54) *minem telefon* ***juk-ka s'ɤk-tɤ***
я.GEN телефон нет-DAT выходить-PST
'Мой телефон куда-то делся' (ПМА)

(55) *aŋa eš-kä bar-ɤrga i-de*, *ul* ***juk-ka s'ɤk-tɤ***
он.DAT работа-DAT идти-INF быть-PST он нет-DAT выходить-PST
'Ему надо было идти на работу, он пропал' (ПМА)

(56) *Намус суд-ы алд-ын-нан Саматов шəһəр-дəн* ***юк-ка чык-ты***
честь суд-POSS.3 перед-POSS.3-ABL Саматов город-ABL нет-DAT выходить-PST
'Перед судом чести Саматов исчез из города' (Письменный корпус татарского языка. https://corpus.tatar/: Габдрахман Әпсәләмов, Сайланма әсәрләр: 5 томда. 2 том: роман (2009))

В корпусе литературного удмуртского языка WebCorpora соответствующее выражение *ӧвӧллы потыны* встретилось 9 раз, см., например, (57). Все эти

[3] Поисковый запрос: [word="юкка"], [lemma="чык|чыгу"], на расстоянии 1.

вхождения связаны с удмуртско-тюркскими контактами, а их низкая частотность логична для сценария калькирования. Шесть вхождений из девяти отмечены в текстах из газеты «Азьлане (Хезмәт)», издающейся в Республике Татарстан. Оставшиеся три вхождения принадлежат блогу shushynati.ru, автор которого, Наталья Михайлова, долгое время жила и работала в Республике Башкортостан, а затем переехала в Республику Татарстан.[4]

(57) *Югыт, шуныт кабинет-ын вис-ёнъ-ёс но*
светлый теплый кабинет-LOC болеть-VN-PL ADD
ӧвӧл-лы пот-о *кадь*
NEG-DAT выходить-PRS.3PL как
'В светлом, теплом кабинете и болезни как будто исчезают' (WebCorpora: Азьлане (Хезмәт), 2014.12.11)

В татышлинском говоре конструкция *jevâllâ potânâ* признается некоторыми носителями возможной, если субъект перестал быть видимым в результате перемещения, совершенного им самим (58) или наблюдателем (59). В то же время часть носителей усматривает в подобных контекстах семантику деструкции. Например, предложение (58) понимается ими так, что поезд был взорван или сошел с рельсов, а в (59) усматривается ситуация сноса или взрыва вокзала. Пример (60) чаще интерпретируется как указывающий на пропажу актеров в неизвестном направлении (а не просто на прекращение зрительного доступа к ним) либо на их уход из жизни.

(58) ?/#*pojezd tunnel'-e* ***jevâl-lâ pot-i-z***
поезд туннель-ILL NEG-DAT выходить-PST-3SG
'Поезд исчез в тоннеле / #был уничтожен' (ПМА)

(59) *pojezd vârʒ'-i-z, mi košk-i-m.* ?/#*pervâj vokzal*
поезд трогаться-PST-3SG мы уходить-PST-1PL сначала вокзал
jevâl-lâ pot-i-z, *so ber-e mur*ʔ*-ʒ'os*
NEG-DAT выходить-PST-3SG тот зад-ILL человек-PL
'Поезд тронулся, мы поехали. Первым исчез [из поля зрения] / #был уничтожен вокзал, затем люди' (ПМА)

(60) ?/#*zanaves vorsa-s'k-i-z, akt'or-jos* ***jevâl-lâ pot-i-zâ***
занавес закрывать-DETR-PST-3SG актер-PL NEG-DAT выходить-PST-3PL
'Занавес закрылся, актеры исчезли' (ПМА)

Аналогично при потере возможности зрительного наблюдения конструкция *jevâllâ potânâ* допустима, однако некоторые носители также связывают ее с идеей деструкции, ср. комментарии «Всё как будто перестало существовать», «Всё пошло насмарку» в (61). В (62), где предполагается потеря субъектом свойства видимости, конструкция оценивается как приемлемая (что, по-видимому, связано с прекращением существования субъекта в заданной локации).

(61) ?/#*tâl-ez kâs-em ber-e van'm-âz* ***jevâl-lâ pot-i-z***
огонь-ACC гасить-NMLZ зад-ILL весь-POSS.3SG NEG-DAT выходить-PST-3SG
'После того как выключили свет, всё исчезло' (ПМА)

(62) *vedon* ***jevâl-lâ pot-em*** *ber-e komnata buš kâl'-i-z*
призрак NEG-DAT выходить-NMLZ зад-ILL комната пустой оставаться-PST-3SG
'После исчезновения призрака комната осталась пустой' (ПМА)

[4] См. https://kukmor.tatarstan.ru/index.htm/news/311626.htm.

В контекстах, которые предполагают поиск субъекта ввиду его отсутствия на ожидаемом месте (63) или ввиду недостающей информации о нем (64), конструкция *jevâllâ potânâ* возможна. При этом предложение (64) прокомментировано некоторыми из информантов так, что посылка, вероятно, уже не придет. Пример (65) понимается частью носителей так, что собаки, по-видимому, уже нет в живых, а не как указание на необходимость ее поиска.

(63) *mânam t'el'efon kâtč'ə dər* ***jevâl-lâ pot-i-z***
я.GEN телефон куда наверное NEG-DAT выходить-PST-3SG
'Мой телефон куда-то делся' (ПМА)

(64) *mânam posi̯lka-je tolon lâktâ-nâ kule val,*
я.GEN посылка-POSS.1SG вчера приходить-INF нужно быть.PST
no ***jevâl-lâ pot-i-z***
но NEG-DAT выходить-PST-3SG
'Моя посылка должна была прийти вчера, но пропала' (ПМА)

(65) OK/#*mânam dâdi-je-len pu̇ni-jez*
я.GEN младшая_сестра-POSS.1SG-GEN собака-POSS.3SG
jevâl-lâ pot-i-z
NEG-DAT выходить-PST-3SG
'У моей младшей сестры пропала собака' (ПМА)

Обсуждаемое выражение также употребительно в ряде абстрактных контекстов, предполагающих прекращение существования класса субъектов или нематериальной сущности (66)—(67) либо потерю доступа к некоторому классу (68). Семантика прекращения существования реализуется и в (69) применительно к природному явлению — туману.

(66) *kâl* ***jevâl-lâ pot-i-z*** *berpumeti so kâl-en*
язык NEG-DAT выходить-PST-3SG последний тот язык-INS
vera-s'k-is' murt-en
говорить-DETR-PTCP.ACT человек-INS
'Язык исчез вместе с последним человеком, говорившим на этом языке' (ПМА)

(67) *kȯn'a tânad dâr-âd* ***jevâl-lâ pot-i-z***,
сколько ты.GEN время-POSS.2SG NEG-DAT выходить-PST-3SG
so mânda šâd-i-d kompjutâr-en
тот столько играть-PST-2SG компьютер-INS
'Сколько времени у тебя пропало, ты столько играл на компьютере' (ПМА)

(68) *kriz'is bašla-Ø-z no, magaz'in-is' van' sâr-jos*
кризис начинать-PST-3SG ADD магазин-EL весь сыр-PL
jevâl-lâ pot-i-zâ
NEG-DAT выходить-PST-3PL
'Начался кризис, и из магазина исчезли все сыры' (ПМА)

(69) *šundâ pot-i-z no bu̇s* ***jevâl-lâ pot-i-z***
солнце выходить-PST-3SG ADD туман NEG-DAT выходить-PST-3SG
'Вышло солнце, и туман рассеялся' (ПМА)

2.7. Конструкция *aʾǯ'is'k(âl)emis' duktânâ*

Значение исчезновения может передаваться конструкцией *aʾǯ'-is'k-em-is' duktâ-nâ* (видеть-DETR-NMLZ-EL прекращаться-INF). Глагол зрительного восприя-

тия встречается в ней также в форме *aˀǯ'is'kâlemis'* с итеративным суффиксом *-l*. Семантических различий между контекстами с наличием или отсутствием итеративного суффикса мы в данном случае не выявили.

Опрошенные носители татышлинского говора делают достаточно последовательные суждения об употреблении конструкции, однако некоторые из них оценивают ее как литературную (возможно, в силу ее сложности). В словаре литературного языка UdmCorpus она зафиксирована в виде *адӟись-кылэмысь дугдыны* с комментарием «перестать появляться» (словарная статья *пропáсть*). В корпусах литературного языка она не частотна: в основном корпусе UdmCorpus встретилось всего четыре вхождения (в варианте *адӟиськемысь дугдыны*), а в параллельном корпусе UdmCorpus и в основном корпусе WebCorpora не встретилось ни одного вхождения.

Суждения носителей татышлинского говора указывают на приемлемость рассматриваемой конструкции в широком диапазоне контекстов (впрочем, в качестве базовой единицы последовательно приводится глагол *ôššônô*). Так, конструкция описывает ситуации, в которых субъект перестал быть видимым в результате перемещения (см. иллюстрацию в (70); в остальных связанных с перемещением контекстах конструкция также возможна), потери возможности зрительного наблюдения (71), потери свойства видимости (72).

(70) *pôž-is'* *ućˈkə-sa* *kâl'l'-i-zô* *t'itan'ik-les'* *kal'l'en* *vu-e*
лодка-EL смотреть-CVB лежать-PST-3PL Титаник-GEN2 медленно вода-ILL
aˀǯ'-is'k-em-is' ***dukt-em-ze***
видеть-DETR-NMLZ-EL прекращаться-NMLZ-ACC.POSS.3SG
'Из лодки наблюдали, как «Титаник» медленно скрывался в воде' (ПМА)

(71) *so* *tôl-ez* *kâs-i-z* *no*, *van'm-ôz*
тот огонь-ACC гасить-PST-3SG ADD весь-POSS.3SG
aˀǯ'-is'kô-l-em-is' ***dukt-i-z***
видеть-DETR-ITER-NMLZ-EL прекращаться-PST-3SG
'Он выключил свет, и всё исчезло' (ПМА)

(72) *vôžôkôl-is'* *koč'ôš* *bôž-is'en-ôz* *kal'l'en*
сказка-EL кот хвост-EGR-POSS.3SG медленно
aˀǯ'-is'k-em-is' ***duktô-nô*** *kutsk-i-z*
видеть-DETR-NMLZ-EL прекращаться-INF начинать-PST-3SG
'В сказке кот стал медленно исчезать, начиная с хвоста' (ПМА)

Обсуждаемое выражение допустимо и в контекстах, связанных с поиском субъекта и его исчезновением вследствие отсутствия на ожидаемом месте (73) или отсутствия релевантной информации (74). Интересно, что пример (74) был интерпретирован одним из носителей как 'посылка перестала отображаться в почтовом приложении', что связано с идеей прекращения зрительного восприятия.

(73) *mânam* *dôdi-je-len* *puni-jez*
я.GEN младшая_сестра-POSS.1SG-GEN собака-POSS.3SG
aˀǯ'-is'kô-l-em-is' ***dukt-i-z***
видеть-DETR-ITER-NMLZ-EL прекращаться-PST-3SG
'У моей младшей сестры пропала собака' (ПМА)

(74) *mânam* *posi̯lka* *tolon* *lôktô-nô* *tijôš* *val*, *no*
я.GEN посылка вчера приходить-INF должен быть.PST ADD

aʾǯ'-is'kâ-l-em-is' ***dukt-i-z***
видеть-DETR-ITER-NMLZ-EL прекращаться-PST-3SG
'Моя посылка должна была прийти вчера, но пропала' (ПМА)

В силу связи конструкции *aʾǯ'is'k(âl)emis' duktânâ* с ситуацией зрительного восприятия, она нехарактерна для абстрактных контекстов, недоступных наблюдателю визуально, ср. (75)—(76). Однако при релевантности зрительного доступа вне ситуаций физического исчезновения она возможна, ср. (77), где говорится не о буквальном исчезновении человека, а о невозможности наблюдать его в телевизионных программах.

(75) **kâl* ***aʾǯ'-is'kâ-l-em-is'*** ***dukt-i-z***
язык видеть-DETR-ITER-NMLZ-EL прекращаться-PST-3SG
Ожидаемое значение: 'Язык исчез' (ПМА)

(76) **d'inozavâr-jos* ***aʾǯ'-is'k-em-is'*** ***dukt-i-zâ***
динозавр-PL видеть-DETR-NMLZ-EL прекращаться-PST-3PL
kʊat'-ton vit' mil'l'ion ar ta-les' az'lo
шесть-DEC пять миллион год этот-GEN2 раньше
Ожидаемое значение: 'Динозавры исчезли 65 миллионов лет назад' (ПМА)

(77) *kirkorov tergaš-em-ez ber-e* ***aʾǯ'-is'k-em-is'***
Киркоров ругаться-NMLZ-POSS.3SG зад-ILL видеть-DETR-NMLZ-EL
dukt-i-z *t'el'evizor ekran-is'*
прекращаться-PST-3SG телевизор экран-EL
'Киркоров после скандала исчез с экрана телевизора' (ПМА)

2.8. Глагол *vatis'kânâ* 'прятаться'

В словаре литературного удмуртского языка UdmCorpus фиксируется глагол *ватскыны* 'прятаться, укрыться, скрыться' (с морфологическим вариантом *ватїськыны*, отличающимся формой детранзитивного аффикса), см. также переходный коррелят *ватыны* 'прятать, укрыть, скрыть'. Аналогичная информация о его морфологии и семантике в удмуртских диалектах приведена в Wichmann 1987 : 308. В татышлинском говоре более частотен вариант *vatis'kânâ* (на момент подготовки статьи 13 вхождений в КТУ при отсутствии вхождений *vatskânâ*), однако при направленном опросе вариант *vatskânâ* не отвергается. Базовое употребление рассматриваемого глагола проиллюстрировано в (78).

(78) *nâlpi-jos-âz kutâ-nâ dârtt-o, no nâlpi-jos nʊnaz'e...*
ребенок-PL-ACC хватать-INF пытаться-PRS.3PL но ребенок-PL днем
pâš pušk-â ***vat-is'k-o***
конопля внутренность-ILL прятать-DETR-PRS.3PL
'[Заболевших трахомой] детей пытаются поймать [врачи], но дети днем... Прячутся в коноплю' (КТУ: AZA-09072025_IKh_epidemija)

В большинстве контекстов исчезновения глагол *vatis'kânâ* не используется, ср. допустимость только интерпретации 'прятаться' в (79) и аномальность примера (80).

(79) *zanaves vorsa-s'k-i-z, art'ist-jos* ***vat-is'k-i-zâ***
занавес закрывать-DETR-PST-3SG артист-PL прятать-DETR-PST-3PL
'Опустился занавес, артисты спрятались / *исчезли из поля зрения' (ПМА)

(80) **t'el'efon* ***vat-is'k-i-z***
телефон прятать-DETR-PST-3PL
Ожидаемое значение: 'Телефон пропал' (ПМА)

Вместе с тем данный глагол зафиксирован нами в контекстах наблюдаемого исчезновения солнца, см. его оценку информантами как синонимичного с базовым глаголом *âšâ nâ* 'исчезать' в (81).

(81) *šundâ pil'em-jos s'ör-ä* ***âš-i-z*** **/** ***vat-is'k-i-z***
солнце облако-PL зад-ILL исчезать-PST-3SG прятать-DETR-PST-3SG
'Солнце скрылось за облаками' (ПМА)

В КТУ такие примеры не встретились, однако употребление рассматриваемого глагола (в его различных фонетических и морфологических вариантах) по отношению к исчезновению небесных тел из поля зрения встречаются в корпусах других вариантов удмуртского языка, см. пример (82) из литературного языка и (83) из бесермянского идиома.

(82) *5 октябр-е шунды кӧня ке толэзь-лы* ***ват-ск-и-з***
5 октябрь-ILL солнце сколько INDEF луна-DAT прятать-DETR-PST-3SG
Кузь полярной уй кутск-и-з
длинный полярный ночь начинаться-PST-3SG
'5 октября солнце скрылось на несколько месяцев. Наступила долгая полярная ночь' (UdmCorpus — Русско-удмуртский параллельный корпус: Н. Е. Виткови, География (1949))

(83) *tolež'-ez* ***wač'k-e*** *n'i pl'em š'er-ə*
луна-POSS.3SG прятаться-PRS.3SG уже облако зад-ILL
'Месяц скрывается за тучей' (Beserman multimedia corpus. https://beserman.web-corpora.net/index_en.html: Case compounding experiment, cards (AL, RA))

Таким образом, в ситуации 'прятаться' имеется агентивный компонент ('намеренно покинуть поле зрения'), нетипичный для контекстов исчезновения. В удмуртском языке этот компонент нейтрализуется при метафорическом употреблении, касающемся небесных тел. В целом, однако, ситуации 'прятаться' и 'исчезать', как демонстрирует наш полевой материал, разграничены лексически.

2.9. Обобщение данных

Данные о семантике и дистрибуции рассмотренных глаголов и конструкций исчезновения суммированы в Таблице 1. Глаголы перемещения *peʾžʼâ nâ* 'убегать', *koškâ nâ* 'уходить' и *kirganâ* 'выпадать', рассмотренные в разделе 2.5, не включены в таблицу в связи с нестабильностью выражения ими семантики исчезновения.

Как видно из Таблицы 1, наиболее широкую дистрибуцию имеют глагол *âšâ nâ* 'исчезать' (именно он чаще всего приводится с самими носителями при анкетировании) и конструкция *aʾžʼis'k(âl)emis' duktâ nâ* (букв.: перестать от видения). Последнюю конструкцию носители признают при опросе, но предпочитают не использовать сами, в т. ч. указывая на ее литературность. Достаточно широкую дистрибуцию имеют и конструкции с глаголом *pârâ nâ* 'входить'. Конструкция *jevâllâ potâ nâ* (букв.: выйти в нет) может ассоциироваться с различными ситуациями исчезновения, но, как правило, выражает семантику деструкции. Глагол *bârâ nâ* 'заканчиваться' имеет широкую семан-

тику прекращения существования, возникающую также в некоторых контекстах исчезновения. Глагол *vatis'kânâ* 'прятаться' в рассматриваемом нами классе ситуаций применим только к небесным телам.

Таблица 1

Обобщение сведений о глаголах и конструкциях исчезновения в татышлинском удмуртском

	âšânâ 'исчезать'	*bârânâ* 'заканчиваться'	*pârânâ* 'входить' + неопр. мест.	*jevâllâ potânâ* (букв.: выходить в нет)	*aʔǯ'is'k(âl)emis' duktânâ* (букв.: перестать от видения)	*vatis'kânâ* 'прятаться'
1. Субъект, который перестал быть видимым						
1.1. Перемещение						
1.1.1. Перемещение субъекта	+	*	+/#	?/#	+	+ (только небесные тела)
1.1.2. Перемещение преграды	+	*	#	?/#	+	
1.1.3. Перемещение наблюдателя	?	*	??	?/#	+	*
1.2. Потеря возможности зрительного наблюдения	+	??	+	?/#	+	*
1.3. Потеря субъектом свойства видимости	+	??	+	+	+	*
2. Субъект, который ищут						
2.1. Отсутствие субъекта на ожидаемом месте	+	*	+	+/#	+	*
2.2. Отсутствие информации о субъекте	+	*	+	+/#	+	*
3. Абстрактные контексты	исчезновение класса, нематериальной сущности, потеря доступа к субъектам некоторого класса	прекращение существования в большом числе контекстов	исчезновение нематериальной сущности; потеря доступа к субъектам некоторого класса	в целом семантика деструкции; прекращение существования класса или нематериальной сущности; потеря доступа к субъектам некоторого класса	только ситуации, предполагающие зрительный доступ наблюдателя	*

3. Заключение

Глаголы и конструкции исчезновения в татышлинском говоре удмуртского языка демонстрируют релевантность семантических противопоставлений, выделенных предшественниками на материале других языков — между контекстами перемещения, потери возможности зрительного наблюдения или свойства видимости, поиска субъекта. Эти контексты отражают различия в приемлемости между изученными лексемами и конструкциями (информация о дистрибуции рассмотренных единиц суммирована в Таблице 1 в разделе 2.9). Кроме того, наш материал позволил выявить некоторые паттерны в группе абстрактных контекстов, классифицированных в типологических работах на сегодняшний день достаточно обзорно. Так, глаголами исчезновения системно описываются ситуации исчезновения класса или нематериальной сущности, а также потери доступа к субъектам некоторого класса. Значимым оказывается и параметр зрительного доступа наблюдателя к субъекту исчезновения.

Примечательно также, что семантическая зона исчезновения в татышлинском удмуртском покрывается больши́м числом глаголов и конструкций. Сфера их употребления зачастую пересекается. Это может быть обусловлено различными источниками рассматриваемых единиц, причем исходное значение единицы может влиять на ее употребление в контекстах исчезновения.

Во-первых, лексема может выражать значение исчезновения в качестве базового: таков глагол *âšânâ* 'исчезать'.

Во-вторых, семантика исчезновения может композиционально складываться из семантики элементов конструкции, см. *jevâllâ potânâ* (букв.: выйти в нет), *aʾǯ'is'k*(*âl*)*emis' duktânâ* (букв.: перестать от видения, т. е. прекратить быть видимым). Первая из этих конструкций сохраняет во многих идиолектах семантику деструкции, прозрачную, исходя из ее внутренней формы. Для употребления второй конструкции релевантен компонент зрительного доступа.

В-третьих, значение исчезновения может развиваться как вторичное, ср. употребление глаголов *bârânâ* 'заканчиваться' (он сохраняет инвариантную семантику прекращения существования в том числе в тех контекстах, которые также покрываются другими глаголами исчезновения), *pârânâ* 'входить' (в сочетании с модификаторами), *vatis'kânâ* 'прятаться'.

Наконец, дополнительное усложнение в татышлинском удмуртском создает социолингвистическая ситуация (см. о ней подробнее Toulouze & Anisimov 2020; Кашкин & Винклер 2024). Будучи вписанным в общеудмуртское диалектное пространство и обладающий, как и любой его элемент, собственными территориальными особенностями, татышлинский говор также связан с контактными разновидностями тюркских языков и испытывает влияние литературного удмуртского. Выражение *jevâllâ potânə,* по-видимому, является тюркской калькой, появление которой обусловлено контактным окружением. Конструкция *aʾǯ'is'k*(*âl*)*emis' duktânə* оценивается некоторыми информантами как литературная, притом она знакома носителям татышлинского говора в силу того, что они владеют литературным языком в той или иной степени.

Представляется, что удмуртский материал (наряду, в частности, с обсуждением шугнанского материала в Рахилина & Рыжова 2025) вносит эмпири-

ческий вклад в понимание типологии того, за счет каких источников может формироваться группа лексем с семантикой исчезновения.

Data availability statement. The data are contained within the article.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Egor Kashkin
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
E-mail: egorka1988@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-3044-0851

Polina Alimova
Lomonosov Moscow State University
E-mail: alimova016@gmail.com
https://orcid.org/0009-0005-0515-2067

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо, **ABL** — аблатив, **ACC** — аккузатив, **ADD** — аддитивная частица, **CAR** — каритив, **CAUS** — каузатив, **CIT** — цитатив, **COLL** — собирательное числительное, **CVB** — деепричастие, **DAT** — датив, **DEC** — показатель десятка, **DETR** — детранзитивизатор, **EGR** — эгрессив, **EL** — элатив, **GEN** — генитив, **GEN2** — второй генитив, **ILL** — иллатив, **INDEF** — показатель неопределенности, **INF** — инфинитив, **INS** — инструменталис, **ITER** — итератив, **LOC** — локатив, **NEG** — отрицание, **NMLZ** — номинализация, **ORD** — порядковое числительное, **PL** — множественное число, **PLH** — плейсхолдер, **POSS** — посессивность, **PRS** — настоящее время, **PST** — прошедшее время, **PST2** — второе прошедшее время, **PTCP.ACT** — активное причастие, **SG** — единственное число, **VN** — отглагольное имя.

Список источников: КТУ — Корпус татышлинского удмуртского. https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/; **ПМА** — полевые материалы авторов; **El-Sozduk** — Электронные словари кыргызского языка. https://el-sozduk.kg/; **UdmCorpus** — Национальный корпус удмуртского языка. https://udmcorpus.udman.ru/home; **WebCorpora** — Корпуса удмуртского языка. https://udmurt.web-corpora.net/

ЛИТЕРАТУРА

Альбицкий П. О. 2022, Лексическая типология. Глаголы исчезновения. Выпускная квалификационная работа, Москва: НИУ ВШЭ.

Альбицкий П. О. & Казкенова А. К. 2024, Глаголы движения в семантическом поле исчезновения. —Международная конференция «Лингвистический форум 2024. Семантические переходы в языках мира». 21—23 ноября 2024 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов, Москва: Институт языкознания РАН, 21.

Альбицкий П. О. & Казкенова А. К. 2026, Семантика глаголов исчезновения в турецком и казахском языках в лексико-типологической перспективе. — Урало-алтайские исследования 3, 98—113. https://doi.org/10.37892/2500-2902-2026-62-3-98-113.

Альбицкий П. О. & Рахилина Е. В. 2025, Русские глаголы исчезновения в типологическом контексте. — Acta Linguistica Petropolitana 21(1), 34—61. https://alp.iling.spb.ru/node/130; https://doi.org/10.30842/alp23065737211.

Апресян В. Ю. 2016, Глаголы *исчезнуть* и *пропасть*: многозначность и семантическая мотивация. —Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:

По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1—4 июля 2016 г.), Москва: Издательство РГГУ, 16—27.
Булатова М. Р. 2021, Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект, Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова.
Кашкин Е. В & Винклер М.-Э. А. 2024, Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ. — Родной язык 1, 16—43. https://doi.org/10.37892/2313-5816-2024-1-16-43.
Кельмаков В. К. 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск: Издательство Удмуртского университета.
Кибрик А. Е. 1972, Методика полевых исследований (к постановке проблемы), Москва: Издательство Московского университета.
Миржанова С. Ф. 2006, Северо-западный диалект башкирского языка, Уфа: Китап.
Насибуллин Р. Ш. & Максимов С. А. & Семенов В. Г. & Отставнова Г. В. 2009, Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск I, Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика».
Рахилина Е. В. & Резникова Т. И. 2013, Фреймовый подход к лексической типологии. — ВЯ № 2, 3—31.
Рахилина Е. В. & Рыжова Д. А. 2025, О принципах глагольной колексификации. — ВЯ № 2, 7—25. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.2.7-25
Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Более 55000 слов, Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019.
Татарско-русский словарь 1—2, Казань: Магариф, 2007.
Baidoullina, Anna 2003, Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö, Tartu: Tartu Ülikool.
Metslang, Helle 2001, On the developments of the Estonian aspect: The verbal particle *ära*. — Circum-Baltic Languages. Volume II. Grammar and Typology, Amsterdam: Benjamins, 443—479.
Rakhilina, Ekaterina & Reznikova, Tatiana 2016, A frame-based methodology for lexical typology. — The Lexical Typology of Semantic Shifts, Berlin: De Gruyter Mouton, 95—129.
Toulouze, Eva & Anisimov, Nikolai 2020, An ethno-cultural portrait of a diaspora in Central Russia: the formation and culture of the Eastern Udmurt. Folklore. — Electronic Journal of Folklore 79, 31—58. https://doi.org/10.7592/FEJF2020.79.toulouze_anisimov.
Viimaranta, Johanna 2023, Suomen putoamis- ja kaatumisverbit leksikaalisen typologian näkökulmasta. — Finnish Journal of Linguistics 36, 177—212. https://doi.org/10.61197/fjl.113910.
Wichmann, Yrjö 1987, Wotjakischer Wortschatz. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (LSFU XXI).

JEGOR KAŠKIN, *POLINA ALIMOVA* (Moskva)

UDMURDI KEELE TATÕŠLÕ MURDE KADUMISVERBID JA KADUMISKONSTRUKTSIOONID

Artiklis analüüsitakse udmurdi Tatõšlõ murde kadumi
sverbide semantikat. Kadumise tähendus võib tuleneda sellest, et subjekt kaob nägemisulatusest, et vaatleja või takistus liigub, et subjekt läheb kaotsi, et subjekti kohta puudub asjakohabe teave või et tegemist on mittefüüsilise subjektiga. Kadumine võib olla tegusõna esmane tähendus või tekkida semantiliste nihete tõttu. Käsitletakse ka tatari keele ja udmurdi kirjakeele mõju.

LINGUISTICA URALICA LXII 2026 2 : 216—236 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.05

Д. Д. БЕЛОВА (Москва)

КОНСТРУКЦИИ С ЭЛЛИПСИСОМ КОСВЕННОГО ВОПРОСА В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Abstract. Sluicing-like Constructions in Tatyshly Udmurt
The article deals with the ellipsis of an indirect question (*sluicing*) in the Tatyshly subdialect of Udmurt, spoken in the Republic of Bashkortostan. Properties of sluicing-like constructions in Uralic languages are severely understudied. Both fieldwork and corpus data are used to describe such constructions in Tatyshly Udmurt. The constructions differ by the form of the interrogative pronoun in the position of the *remnant*: (a) case corresponding to the correlate pronoun, (b) nominative plus a demonstrative pronoun, or (c) third-person possessive accusative. The three constructions are compared with relation to several typologically relevant parameters: the possibility of omitting a correlate pronoun (*sprouting*), the availability of a demonstrative pronoun and of explicit subordinating conjunctions. The differences in the properties are due to the fact that the three sluicing constructions are formed from different structures: an isomorphic finite clause with a lexical verb, a non-isomorphic clause with a copula, and a nominalized clause with a copula.

Keywords: Udmurt, Uralic, sluicing, pseudo-sluicing, sprouting, embedded question.

1. Введение

Дать единое формальное определение *эллипсису* непросто, однако в первом приближении в это понятие входит «сокращение повторяющейся части в одном или нескольких предложениях в связном тексте или диалоге» (Тестелец 2001 : 172). Один из наиболее популярных подходов к теоретическому моделированию эллипсиса в современных синтаксических теориях предполагает, что на месте «сокращенных» элементов присутствует синтаксическая структура, которая удаляется при озвучивании (см. van Craenenbroeck & Merchant 2013).

Частным случаем эллипсиса является *слусинг* (*sluicing*) — эллипсис зависимого (косвенного) вопроса, при котором в зависимой клаузе озвучивается только вопросительное слово (Ross 1969; Merchant 2001). Например, в (1) конструкция состоит из трех клауз: клаузы-антецедента (*Вася что-то нарисовал*), матричной клаузы (*но я не поняла*) и клаузы-мишени

Received 2 December 2025, accepted 11 August 2026, available online 16 November 2026.
© 2026 Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).

(*что*). Неопределенное местоимение в клаузе-антецеденте называют *коррелятом*, а вопросительное местоимение в клаузе-мишени — *остатком*.

(1) *Вася* ***что-то*** *нарисовал, но я не поняла* ***что***

Исследования на материале языков мира дают основания предполагать, что на месте эллипсиса в клаузе-мишени могут восстанавливаться разные структуры (Vicente 2018). Во-первых, это может быть клауза, изоморфная антецеденту (2a). Во-вторых, это может быть неизоморфная структура, например, клауза с копулой (2b). Отметим, что термин *слусинг* (или *настоящий слусинг*) в узком смысле используется только для обозначения структур первого типа. Неизоморфные структуры второго типа называют *псевдослусингом*, а все семейство конструкций, аналогичных (1), вне зависимости от механизма их деривации — *слусинговыми конструкциями* (*sluicing-like constructions*) или *усеченными вопросами* (*reduced questions*).

(2) a. *Вася что-то нарисовал, но я не поняла, что* ~~*Вася нарисовал*~~
b. *Вася что-то нарисовал, но я не поняла, что* ~~*это было*~~

Слусинг является одним из самых распространенных и исследованных типов эллипсиса в языках мира. Среди финно-угорских языков, однако, свойства слусинговых конструкций хорошо изучены только в венгерском (van Craenenbroeck & Lipták 2006; Ronai & Stigliano 2020), а в работе (Murphy 2020) в числе прочих языков рассматривается эстонский. Также в недавних докладах Е. Георгиевой (Georgieva 2024a; 2024b; 2026) обсуждаются данные лугового марийского и удмуртского языков; при этом границы диалектного варьирования в свойствах рассматриваемых конструкций на данный момент неизвестны, и для формирования полноценной картины необходимо привлечение материала отдельных диалектов.

Целью этой статьи является типологически ориентированное описание свойств слусинговых конструкций в татышлинском говоре удмуртского языка. Татышлинский удмуртский распространен на севере Республики Башкортостан и в нескольких приграничных селах Пермского края. Он относится к периферийно-южному диалекту южного наречия удмуртского языка (Кельмаков 1998) и заметно отличается от литературного удмуртского на всех языковых уровнях (Baidoullina 2003). Материал получен методом анкетирования носителей в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2024—2025 гг.[1] Суммарно в работе участвовали 17 информантов. В случае расхождения суждений примеры помечаются соответствующей нотацией.[2] Также привлекается

[1] Населенные пункты Нижнебалтачево, Верхнебалтачево, Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Новые Татышлы, Уразгильды. Татышлинский говор в целом обладает высокой витальностью; среди наших информантов есть люди 2000-х годов рождения, владеющие татышлинским как родным языком и активно использующие его в повседневном общении. Носители татышлинского говора знакомы с литературной удмуртской нормой и могут охарактеризовать языковые явления как «местные» или «литературные». Кроме того, многие носители татышлинского удмуртского также в той или иной степени владеют татарским или башкирским языком. Подробнее о социолингвистической ситуации в населенных пунктах, где проводилась работа (см. Кашкин & Винклер 2024).

[2] В элицитированных примерах мы пользуемся следующей нотацией приемлемости: * — полная неприемлемость, ?? и % — неприемлемость для большей и меньшей части опрошенных информантов. Скобки обозначают возможность опустить соответствующий элемент с сохранением приемлемости.

корпус текстов татышлинского удмуртского объемом около 65 тыс. словоупотреблений (далее — КТУ).[3]

В татышлинском удмуртском есть три слусинговые конструкции, которые различаются составом и формой остатка: конструкция с падежным соответствием между остатком и коррелятом (будем называть такой остаток *падежным*) (3a), конструкция с номинативным остатком и указательным местоимением (3b) и конструкция с остатком в форме посессивного аккузатива (будем называть такой остаток *остатком с матричным падежом*) (3c).[4]

(3) *vas'a kin-lə̑ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̑…
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
a. *kin-*(*ez*)*-lə̑*
кто-POSS.3SG-DAT
b. *kin so*
кто тот
c. *kin-ze*
кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил кому-то письма, но я не знаю кому'

В статье мы опишем свойства и структуру всех трех конструкций, обратив особое внимание на параметры межъязыкового варьирования: падежное соответствие между остатком и коррелятом, возможность опущения местоимения-коррелята и допустимость подчинительных союзов в клаузе-мишени. Дальнейший текст работы имеет следующую структуру. В разделе 2 мы обсудим свойства слусинговых конструкций в языках мира и основные теоретические подходы к анализу их структуры. В разделе 3 приводятся необходимые данные о зависимых вопросах в татышлинском удмуртском. Раздел 4 посвящен трем конструкциям с частновопросительным эллипсисом. В разделе 5 подведены итоги работы.

2. Параметры межъязыкового варьирования в слусинговых конструкциях

Обсудим основные теоретические понятия и данные языков мира, релевантные для описания слусинговых конструкций. Начнем с падежного соответствия (*case connectivity*) между остатком и коррелятом и его взаимосвязи с вопросом изоморфизма между клаузой-мишенью и клаузой-антецедентом. В работе (Merchant 2001) наличие у местоимения-остатка падежа, соответствующего позиции коррелята, считается индикатором изоморфной структуры клаузы-мишени, то есть настоящего слусинга. Однако дальнейшие исследования на материале языков мира, в особенности таких языков, где передвижение вопросительного слова необязательно или невозможно, показывают, что падежное соот-

[3] Корпус татышлинского удмуртского доступен по ссылке https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html.
[4] Глоссирование примеров следует Лейпцигским правилам с учетом ряда конвенций, принятых в проекте МГУ им. М. В. Ломоносова по документации татышлинского говора удмуртского языка.

ветствие могут демонстрировать и псевдослусинговые конструкции. Рассмотрим пример (4) из японского языка (Hiraiwa & Ishihara 2011). Падежное соответствие остатка в нем опционально: вопросительное местоимение может иметь форму аккузатива или не быть маркированным падежом. При этом в обоих случаях в конструкцию можно добавить копулу, что несовместимо с изоморфным источником. Авторы предполагают, что здесь наблюдается вариативность не между слусинговой и псевдослусинговой конструкциями, а между двумя неизоморфными источниками: клефтовым и псевдоклефтовым соответственно. Похожий анализ предлагается для узбекского языка в работах Gribanova 2013; Gribanova & Manetta 2016. Таким образом, во-первых, в одном языке могут одновременно существовать слусинговые конструкции с разными источниками, а во-вторых, для определения источника слусинговой конструкции в конкретном языке необходимо учитывать не только падежное соответствие, но и другие синтаксические факторы.

(4) ЯПОНСКИЙ
Naoya-ga Mari-ni nanika-o ageta rasii ga,
Наоя-NOM Мари-DAT что_то-ACC дал видимо но
boku-wa ***nani-(o) (da)*** *ka siranai*
я-TOP что-ACC COP Q знать.NEG
'Похоже, Наоя что-то дал Мари, но я не знаю что' (Hiraiwa & Ishihara 2011 : 164)

Вторым интересующим нас параметром является возможность опустить местоимение-коррелят. Такая конструкция называется спраутингом (*sprouting*) (Chung & Ladusaw & McCloskey 1995), см. русский пример (5). В конструкции спраутинга на форму остатка могут накладываться иные ограничения, чем в слусинговой конструкции. Ср. английские примеры (6a) и (6b): при выраженном корреляте-предложной группе предлог в остатке может опускаться, но при отсутствии коррелята предлог обязателен.

(5) *Вася ушел, но я не поняла куда*

(6) a. *They're jealous of someone, but I don't know* (***of***) ***who***
'Они кому-то завидуют, но я не знаю кому'
b. *They're jealous, but I don't know* [***of who / *who***]
'Они завидуют, но я не знаю кому' (Chung 2005 : 7)

В работе Palaz 2019 спраутинг используется в качестве диагностики изоморфизма между антецедентом и мишенью в слусинговых конструкциях турецкого языка. При отсутствии коррелята возможен только падежно маркированный остаток, а номинативный оценивается как неприемлемый (7). Структуры с номинативным остатком имеют неизоморфный источник — а именно клаузу с нулевой копулой.

(7) ТУРЕЦКИЙ
cem tüm gece oda-sın-da çalış-tı ama
Джем весь ночь комната-POSS.3SG-LOC учиться-PST.3SG но
[***ney-e / *ney***] *bil-mi-yor-um*
что-DAT что знать-NEG-PRS-1SG

'Джем всю ночь учился в своей комнате, но я не знаю, что {он учил}' (Palaz 2019 : 67)

Отдельным параметром является использование в слусинговых конструкциях подчинительных союзов и других комплементайзеров, вводящих зависимые клаузы. Существуют языки, в которых, в отличие от русского или английского, нет запрета на одновременное присутствие в зависимом вопросе и вопросительного слова, и комплементайзера. Языки различаются в отношении того, может ли такои комплементаизер сохраняться в слусинговой конструкции. Например, в нидерландском языке (по крайней мере в некоторых его территориальных разновидностях) в зависимом вопросе может быть опциональный комплементайзер *dat* (8a), однако при эллипсисе он невозможен (8b). В венгерском, напротив, комплементайзер в слусинговой конструкции может сохраняться (9).

(8) НИДЕРЛАНДСКИЙ
a. *ik weet niet,* wie (dat) *hij gezien heeft*
я знать NEG кто COMP он увиденный имеет
'Я не знаю, кого он видел'
b. *hij heeft iemand gezien, maar ik weet niet*
он имеет кто_то увиденный но я знать NEG
wie (****dat***)
кто COMP
'Он кого-то увидел, но я не знаю кого' (Merchant 2001 : 74—75)

(9) ВЕНГЕРСКИЙ
a gyerekek találkoztak valakivel de nem emlékszem,
DEF дети встретили с_кем_то но NEG я_помню
hogy kivel
COMP с_кем
'Дети встретились с кем-то, но я не помню с кем' (Merchant 2006 : 283)

(Не)допустимость комплементайзеров не является диагностикой изоморфизма, но может помочь определить структуру клаузы-мишени. В частности, комплементайзеры могут накладывать ограничения на финитность вводимой ими клаузы, что отражается и на их поведении с остатками разных типов. Как мы увидим в разделах 3 и 4, это актуально и для татышлинского удмуртского. Анонимный рецензент справедливо замечает, что за вопросом изоморфизма в слусинговом конструкции логичным образом следует вопрос передвижения вопросительного слова на левую периферию: каков тип этого передвижения и какова позиция, в которую поднимается остаток? В этой статье мы ограничимся определением структуры клаузы-мишени и не будем обсуждать дальнейшую деривацию структур. Отметим только, что татышлинский удмуртский, по всей видимости, является языком с «настоящим» wh-in-situ, то есть без wh-передвижения (см. Orlov 2024).

3. Частновопросительные предложения в татышлинском удмуртском

Прежде чем рассматривать конструкции с эллипсисом, обсудим синтаксические особенности зависимых частных вопросов в татышлин-

ском удмуртском. Вопросы могут выражаться финитной клаузой (10), инфинитивом (11), номинализацией на *-em* (12) или отглагольным именем на *-on* (13).

(10) *mar-lə̂ so-je oz'ə̂ kar-il'l'a-m, mon tünne no*
что-DAT тот-ACC тот делать-2/3PL-PST2 я сегодня ADD
nunal-en ug vala-s'kə̂
день-INS NEG.PRS/FUT.1SG понимать-PRS
'Почему так сделали, я не понимаю даже на сегодняшний день' (КТУ: ATN-29072021_VI_6_jazyk)

(11) *mon ug to-s'kə̂ ni, mar vera-nə̂*
я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS уже что говорить-INF
'Я уже не знаю, что говорить' (КТУ: MRB-06072024_EK_veniki-banja)

(12) *ruslan ʒ'ua-Ø mar lu-em-ez*
Руслан спрашивать-PRS.3SG что быть-NMLZ-ACC
'Руслан спрашивает, что происходит' (Давидюк 2023 : 29)

(13) *ruslan ʒ'ua-Ø šukaje mar lu-on-ez*
Руслан спрашивать-PRS.3SG завтра что быть-VN-ACC
'Руслан спрашивает, что завтра будет' (Давидюк 2023 : 9)

Финитные косвенные вопросы с вопросительным местоимением в татышлинском удмуртском могут вводиться союзами *šu*(*ə̈*)*sa* (в исследуемом идиоме чаще встречается в варианте *šusa*) и *što*. Союз *šusa*, этимологически восходящий к форме деепричастия от глагола *šuə̈nə̈* 'говорить', в частных вопросах употребляется свободно (14a). Напротив, добавить в частный вопрос заимствованный союз *što* разрешает примерно половина (шесть из десяти) опрошенных информантов (14b). Носители, которые оценивают стимулы со *što* как приемлемые, допускают одновременное присутствие *što* и *šusa* (14c). Подробнее о некоторых свойствах союзов в сентенциальных актантах в татышлинском удмуртском см. (Давидюк 2024); об исконных и заимствованных подчинительных союзах и их «дублировании» в литературном удмуртском см. (Уткина 2022; Kaysina 2013; Tánczos 2013).

(14) a. *mon tod-is'ko-Ø kin van' känfet-jos-ə̂z*
я знать-PRS-1SG кто весь конфета-PL-ACC
s'i-em ***šu̇-sa***
есть-PST2 говорить-CVB
b. %*mon tod-is'ko-Ø* ***što*** *kin van' känfet-jos-ə̂z s'i-em*
я знать-PRS-1SG что кто весь конфета-PL-ACC есть-PST2
c. %*mon tod-is'ko-Ø* ***što*** *kin van' känfet-jos-ə̂z*
я знать-PRS-1SG что кто весь конфета-PL-ACC
s'i-em ***šu̇-sa***
есть-PST2 говорить-CVB
'Я знаю, кто съел все конфеты'

Нефинитные зависимые клаузы не могут возглавляться союзом *šusa*:

(15) *mi tod-is'ko-m pi-jos-les' mil'-es't-ə̂m keč'-ez*
мы знать-PRS-1PL мальчик-PL-GEN2 мы-GEN2-POSS.1PL коза-ACC
luška-m-zes (****šu̇-sa***)
украсть-NMLZ-ACC.POSS.3PL говорить-CVB
'Мы знаем, что мальчики увели нашу козу'

Отметим, что в языках мира эллипсису могут подвергаться не только частные, но и альтернативные (*или*) и общие (*ли*) зависимые вопросы. В этом случае остаток представляет из себя не вопросительное слово, а какую-то другую единицу, например, именную группу в фокусе вопроса. В этой статье мы подробно рассмотрим только частные вопросы, однако эллипсис и в альтернативных (16), и в общих (17) вопросах в татышлинском удмуртском также допустим.

(16) *maša mar dər pȯz'-t-e no mon*
Маша что INDEF вариться-CAUS-PRS.3SG но я
*ug tod-is'kə̂ **šə̂d-a** (**dər**) **žuk-a** (**dər**)*
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS суп-Q наверное каша-Q наверное
'Маша что-то готовит, но я не знаю, суп или кашу'

(17) *maša mar dər pȯra-ø no mon ug*
Маша что INDEF готовить-PRS.3SG но я NEG.PRS/FUT.1SG
*tod-is'kə̂ **žuk-a** **meda***
знать-PRS каша-Q ли
'Маша что-то готовит, но я не знаю, кашу ли'

Возможность таких слусинговых конструкций в конкретном языке описывается типологической закономерностью: частные вопросы < альтернативные вопросы < полярные вопросы, см. (Erschler 2018 : 165—220). Так, согласно Д. Эршлеру, в венгерском встречаются все три конструкции, тогда как в финском — только слусинг частных вопросов. В татышлинском удмуртском, таким образом, засвидетельствованы все три типа.

4. Конструкции с эллипсисом зависимого вопроса в татышлинском удмуртском

В этом разделе мы рассмотрим три слусинговые конструкции в татышлинском удмуртском: конструкцию с падежным остатком, конструкцию с номинативным остатком и указательным местоимением и конструкцию с остатком в матричном падеже; см. пример (3), повторенный в (18).

(18) *vas'a kin-lə̂ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂…
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
a. *kin-(ez)-lə̂*
кто-POSS.3SG-DAT
b. *kin so*
кто тот
c. *kin-ze*
кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил кому-то письма, но я не знаю кому'

В каждом случае нас интересуют несколько параметров межъязыковой вариативности: форма остатка, опущение местоимения-коррелята (*спраутинг*) и допустимость подчинительных союзов *što* и *šüsa*.

4.1 Конструкция с падежным остатком

Сначала мы рассмотрим конструкцию, в которой остаток совпадает по падежу с местоимением-коррелятом:

(19) *anaj piz'-ez mar-in ke sura-Ø-z noš mon*
мама мука-ACC что-INST INDEF смешивать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂ ***mar-in***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что-INST
'Мама с чем-то смешала муку, но я не знаю с чем'

Кроме падежа на остатке может выражаться посессивность — самостоятельно, как в примере (20) с дативом, или кумулятивно с падежом, как в примере (21) с аккузативом.[5] Такие примеры получают интерпретацию выбора из множества, характерную для дискурсивных употреблений посессива в исследуемом идиоме (Тыщишина 2023), см. комментарий информанта к переводу примера (21). Вопросительные местоимения могут присоединять посессив и в полных клаузах без эллипсиса (22).

(20) *pet'a kə̂še dər nə̂l-lə̂ s'as'ka s'ot-i-z noš mon*
Петя какой INDEF девочка-DAT цветок дать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂ ***kə̂še-jez-lə̂***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS какой-POSS.3SG-DAT
'Петя подарил цветы какой-то девушке, но я не знаю какой'

(21) *marat mar-e ke sör-i-z dor-is'*
Марат что-ACC INDEF разбивать-PST-3SG сторона-EL
no mon ug tod-is'kə̂ ***mar-ze***
но я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что-ACC.POSS.3SG
'Марат что-то дома разбил, но я не знаю что' (Комм. информанта: что-то именно из этого сервиза)

(22) ***mar-ez*** *tuž-ges kel'š-i-z til'-ed-lə̂ otə̂n*
что-POSS.3SG очень-CMPR нравиться-PST-3SG вы-POSS.2PL-DAT там
vetlə̂-sa?
ходить-CVB
'Что больше всего вам понравилось, когда гуляли там?' (КТУ: BFI_ShTT-02082023_EK_razgovory-abkhazia)

Падежные или структурные несоответствия между остатком и коррелятом в этой конструкции невозможны, см. недопустимость немаркированного (номинативного) остатка при дативном корреляте (25). Если коррелятом выступает послеложная группа, то употребить остаток без послелога также нельзя (26).

(23) **vas'a* ***kin-lə̂*** ***dər*** *goštet lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂ ***kin***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто
'Вася отправил кому-то письмо, но я не знаю кому'

[5] Кроме аккузатива, других падежей, которые выражались бы синкретично с посессивностью в одном суффиксе, в татышлинском удмуртском нет. Локатив и иллатив имеют особые алломорфы, которые используются с посессивными суффиксами, однако морфемная граница четко прослеживается, см. *gurt-ə̂n* (село-LOC) — *gurt-a-z* (село-LOC/ILL-POSS.3SG).

(24) *maša mânâm* ***mar s'arâs' dër*** *vera-Ø-z*
Маша я.DAT что о INDEF говорить-PST-3SG
noš mon ȯj vala [***mar s'arâs'*** / ****mar***]
а я NEG.PST.1SG понимать что о что
'Маша мне о чем-то рассказала, но я не поняла о чем'[6]

Спраутинг, то есть конструкция, в которой в антецеденте отсутствует местоимение-коррелят, допустим для всех синтаксических позиций коррелята и остатка, но в разной степени. Не выражать коррелят-адъюнкт носители разрешают свободно (25). Возможность опустить коррелят-аргумент зависит от возможности конкретного глагола опускать соответствующий аргумент. Ср. свободное опущение коррелята-адресата (26) и пациенса при глаголе *vurânâ* 'шить', который может употребляться без прямого объекта (27), но сниженную приемлемость опущения пациенса при глаголе *bas't̂ânâ* 'брать' (28) (опустить антецедент в этом примере разрешают четыре информанта из восьми опрошенных).

(25) *pet'a gorod-e košk-i-z noš mon*
Петя город-ILL уходить-PST-3SG а я
ug tod-is'kâ ***kȕ***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS когда
'Петя уехал в город, но я не знаю когда'

(26) *vas'a gožtet lez'-i-z no mon*
Вася письмо пускать-PST-3SG но я
ug tod-is'kâ ***kin-lâ***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-DAT
'Вася отправил письмо, но я не знаю кому'

(27) *pes'anaj vur-e noš mon ug tod-is'kə* ***mar***
бабушка шить-PRS.3SG а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что
'Бабушка шьет, но я не знаю что'

(28) %*kat'a lavka-is' bas't-i-z noš mon*
Катя магазин-EL брать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə ***mar***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что
'Катя купила что-то в магазине, но я не знаю что'

Что касается подчинительных союзов, то в конструкцию свободно разрешается добавить союз *šüsa*. У тех носителей, чья грамматическая система допускает союз *što* в частном вопросе без эллипсиса (см. пример (14)), этот союз и его сочетание с *šüsa* возможны и в слусинге (29). Таким образом, допустимость союзов при эллипсисе полностью параллельна их допустимости в полных зависимых вопросах.

(29) *kin dër van' känfet-jos-âz s'i-em noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я

[6] Маркер неопределенного местоимения *dër* обязательно располагается вне послеложной группы:
(a) **maša mânâm* ***mar dër s'arâs'*** *vera-Ø-z*
Маша я.DAT что INDEF о говорить-PST-3SG
'Маша о чем-то мне рассказала'

ug *tod-is'kə̂* (*%**što***) *kin* (***šu-sa***)
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что кто говорить-CVB
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Обсудим исходную структуру клаузы-мишени в конструкции с падежным остатком. Как мы обсуждали в разделе 2, сам факт падежного соответствия между остатком и коррелятом не может служить однозначным свидетельством изоморфной структуры, поскольку вопросительное местоимение может маркироваться падежом, совпадающим с падежом коррелята, и в клаузах с копулой. Более того, в татышлинском удмуртском к падежному остатку можно добавить указательное местоимение (30)—(31). Такое указательное местоимение интерпретируется как субъект зависимой клаузы, кореферентный какому-либо участнику клаузы-антецедента (о клаузах с копулой и указательными местоимениями в татышлинском удмуртском мы поговорим подробнее в разделе 4.2).

(30) *pet'a mar s'arə̂s' dər kn'iga lə̂dž'-i-z noš mon*
Петя что о INDEF книга читать-PST-3SG а я
o̜j vala ***mar s'arə̂s' so***
NEG.PST.1SG понимать что о тот
'Петя прочитал книгу о чем-то, но я не поняла, о чем она'

(31) *vas'a gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug *tod-is'kə* ***kin-lə̂*** ***so-os***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-DAT тот-PL
'Вася отправил письма, но я не знаю, для кого они'

В таком случае, возможно, в татышлинском удмуртском вообще нет изоморфной слусинговой конструкции, а падежные остатки на самом деле происходят из клаузы с нулевой копулой? Такое предположение не противоречит ни возможности подчинительных союзов (29) (как мы увидим ниже в разделе 4.2, они возможны и с полными клаузами с копулой), ни возможности спраутинга (как видно из примера (31), спраутинг чувствителен к падежному соответствию, а не к изоморфизму).

Аргументом в пользу существования изоморфного источника выступают остатки в первом и втором генитиве. В татышлинском удмуртском, как и в других вариантах удмуртского языка, есть два родительных падежа, выбор между которыми зависит от синтаксической позиции именной группы. Посессор прямого объекта оформляется вторым генитивом (32b), а посессоры любых других именных групп — первым[7] (32a). Если коррелятом является местоимение в позиции посессора, то на остатке лицензируется и второй, и первый генитив (33). Поскольку второй генитив возможен только при прямом объекте, для конструкции (33a) должна восстанавливаться изоморфная переходная клауза (*чье платье Катя надела*).[8] Остаток в первом генити-

[7] Некоторые исследователи обозначают падеж посессора прямого объекта термином *аблатив*. О генитивном (генитивно-аблативном) чередовании в удмуртском см. Едыгарова 2010 : 160—176; Assmann & Edygarova & Georgi & Klein & Weisser 2014.

[8] Для ряда носителей татышлинского удмуртского возможно употребление второго генитива в аблативном значении в посессивных конструкциях

ве (33b) должен зависеть не от прямого объекта, соответственно, для него восстанавливается неизоморфный источник (*чье оно было*), о чем говорит возможность добавить субъект-указательное местоимение. Вариант остатка с *so* оценивается всеми опрошенными информантами как однозначно приемлемый, а опустить местоимение разрешают шесть из восьми опрошенных.

(32) a. ***daša-len*** *apog-ez* *tros* *lâdž'-e*
Даша-GEN сестра-POSS.3SG много читать-PRS.3SG
'Дашина сестра много читает'
b. *mon tod-is'ko-ø* ***daša-les'*** *apog-ze*
я знать-PRS-1SG Даша-GEN2 сестра-ACC.POSS.3SG
'Я знаю Дашину сестру' (Осипова 2024 : 6—7)

(33) a. *kat'a kin-les'* *dər* *č'agâr* *derem-ze*
Катя кто-GEN2 INDEF синий платье-ACC.POSS.3SG
dis'-a-ø-z *no mon ug* *tod-is'kâ* ***kin-les'*** (%***so***)
одежда-VBLZ-PST-3SG но я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-GEN2 тот
'Катя надела чье-то синее платье, но я не знаю чье'
b. *kat'a kin-les'* *dər* *č'agâr* *derem-ze*
Катя кто-GEN2 INDEF синий платье-ACC.POSS.3SG
dis'-a-ø-z *no mon ug* *tod-is'kâ*
одежда-VBLZ-PST-3SG но я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
kin-len (***so***)
кто-GEN тот
'Катя надела чье-то синее платье, но я не знаю чье'.

Таким образом, конструкция с падежным остатком в татышлинском удмуртском на самом деле может быть образована из двух разных источников: изоморфного и неизоморфного. Две эти структуры не сводимы друг к другу.

4.2 Конструкция с номинативным остатком и указательным местоимением

Во второй слусинговой конструкции, которую мы рассмотрим, остаток состоит из вопросительного местоимения в форме номинатива и указательного местоимения (демонстратива):

(34) *kat'a lavka-ân* *kin-e* *dər* *pumita-ø-z*
Катя магазин-LOC кто-ACC INDEF встречать-PST-3SG
noš mon ug *tod-is'kâ* ***kin*** ***so***
а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто тот
'Катя кого-то встретила в магазине, но я не знаю, кто это'

Из примера (34) видно, что, в отличие от примеров с падежным остатком и демонстративом (30)—(31), вопросительное местоимение стоит в форме номинатива вне зависимости от того, в какой синтак-

типа (a); пример оценивается как приемлемый тремя информантами из семи опрошенных. Такое же количество информантов допускают указательное местоимение в примере (33a).
(a) %*ta* *derem* *maša-les'*
этот платье Маша-GEN2
'Это платье — от Маши'

сической позиции располагается коррелят. Спраутинг в этой конструкции скорее затруднен; пример (35) признают приемлемым трое из шести опрошенных информантов. Ср. с полной приемлемостью примера (26). Как мы видели в разделе 2, похожие эффекты наблюдаются и в других языках, в частности в турецком (7): при спраутинге на соответствие остатка корреляту накладываются более строгие ограничения, чем при слусинге.

(35) %*vas'a gožtet lez'-i-z no mon*
Вася письмо пускать-PST-3SG но я
ug tod-is'kə̂ ***kin so***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто тот
'Вася отправил письмо, но я не знаю, кто это'

Как и конструкция с падежным остатком, конструкция с указательным местоимением допускает подчинительный союз *šusa* и в части идиолектов — союз *što*:

(36) *kin dər van' känfet-jos-ə̂z s'i-em noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я
ug tod-is'kə̂ [***kin so šu-sa / %što kin so***]
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто тот говорить-CVB что кто тот
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю, кто это'

Отсутствие падежного соответствия между остатком и коррелятом однозначно свидетельствует о неизоморфном источнике слусинговой конструкции: на месте клаузы-мишени нельзя восстановить такую же структуру с лексическим глаголом, как в антецеденте. Пример (37) показывает, что в зависимую клаузу можно добавить копулу прошедшего времени *val* (быть.PST), но не настоящего времени *van'* 'имеется'. Однако для татышлинского удмуртского это ожидаемо: презентная копула обязательна только в бытийной и посессивной конструкции и в принципе невозможна в других типах неглагольной предикации (Кожевникова 2022).

(37) *kin dər šə̂d kis't-i-z no* ***kin so***
кто INDEF суп лить-PST-3SG ADD кто тот
[***val / *van'***] *mon ug tod-is'kə̂*
быть.PST имеется я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
'Кто-то вылил суп, но кто это был — я не знаю'

Также в татышлинском удмуртском нет конкорда по времени в сложном предложении, т. е. при предикате матричной клаузы в прошедшем времени предикат зависимой может быть в настоящем. Исходя из этого, можно предположить, что неизоморфным источником конструкции с номинативным остатком и указательным местоимением, а также конструкции с падежным остатком и указательным местоимением типа (30)—(31), является клауза с нулевым алломорфом копулы настоящего времени. Во втором случае структура очевидна: указательное местоимение является субъектом клаузы, а вопросительное местоимение — частью предикации. В первом случае, по всей видимости, возможны оба варианта; их разграничение мы пока оставляем для будущих исследований. Таким образом, данные слусинговые конструкции вообще не предполагают эллипсиса элементов в зависимом вопросе.

4.3 Конструкция с остатком в матричном падеже

Третья слусинговая конструкция в татышлинском удмуртском, которую мы рассмотрим, — это конструкция с остатком в матричном падеже, в которой остаток маркирован синкретичным показателем посессивного аккузатива. Ранее в разделе 4.1, посвященном конструкции с падежным остатком, мы уже обсуждали остатки, маркированные суффиксом *-ze* (ACC.POSS.3SG), см. пример (21). В том случае, однако, аккузатив остатка соответствовал аккузативу коррелята в позиции объекта. В случае же конструкции с остатком в матричном падеже соответствие необязательно: такой остаток может употребляться при корреляте любого падежа и синтаксического статуса, даже при послеложной группе:

(38) *kat'a* ***kin-les'*** ***dər*** *derem-ze* *dis'-a-ø-z*
Катя кто-GEN2 INDEF платье-ACC.POSS.3SG одежда-VBLZ-PST-3SG
noš mon ȯj *todə̂* ***kin-ze***
но я NEG.PST.1SG знать кто-ACC.POSS.3SG
'Катя надела чье-то платье, но я не знал чье'

(39) *pet'a* ***mar ponna dər*** *gorod-e* *košk-i-z* *noš mon*
Петя что для INDEF город-ILL уходить-PST-3SG а я
ȯj *vala* ***mar-ze***
NEG.PST.1SG понимать что-ACC.POSS.3SG
'Петя зачем-то уехал в город, но я не поняла зачем'

«Обычный», непосессивный аккузатив в этой конструкции использоваться не может:

(40) **kin dər van' känfet-jos-ə̂z* *s'i-em* *noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я
ug *tod-is'kə̂* ***kin-e***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Рассмотрим интересующие нас параметры варьирования. Опущение коррелята при посессивно-аккузативом остатке затруднено, см. пример (41) (оценивают как приемлемый три информанта из восьми опрошенных). Это характерно для конструкций с падежным несоответствием, ср. пример (35) с конструкцией с указательным местоимением и номинативным остатком. Таким образом, в татышлинском удмуртском спраутинг допустим только в конструкции с падежным соответствием между остатком и коррелятом.

(41) ??*vas'a* *gožtet* *lez'-i-z* *no mon*
Вася письмо пускать-PST-3SG но я
ug *tod-is'kə̂* ***kin-ze***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил письмо, но я не знаю кому'

В отношении подчинительных союзов конструкция с остатком в матричном падеже отличается от двух предыдущих слусинговых конструкций. Зависимая клауза в этом случае не может содержать союз *šusa* (42). Союз *što* разрешается одним информантом из семи опрошенных (43).

(42) **vas'a kin-lə̂ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
*ug tod-is'kə̂ **kin-ze** **šu-sa***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC.POSS.3SG говорить-CVB
'Вася отправил письма, но я не знаю кому'

(43) ??*kin dər van' känfet-jos-ə̂z s'i-em noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я
*ug tod-is'kə̂ **što kin-ze***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что кто-ACC.POSS.3SG
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Обсудим исходную структуру конструкции. На месте зависимой клаузы нельзя восстановить изоморфную клаузу с лексическим глаголом: во-первых, в таком случае необъяснимо падежное несоответствие между остатком и коррелятом; во-вторых, вопросительные слова вне эллиптического контекста не могут маркироваться посессивным аккузативом, если не выступают в позиции прямого объекта. Примеры (44)—(45) показывают, что допустимость маркирования действительно зависит от синтаксического контекста, а не от свойств конкретного вопросительного местоимения.

(44) *mon ug tod-is'kə̂ **kü-(*ze)** pet'a*
я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS когда-ACC.POSS.3SG Петя
*košk-i-z no tod-is'ko-Ø **kə̂tč'ə̂-(ze)***
уходить-PST-3SG но знать-PRS-1SG куда-ACC.POSS.3SG
'Я не знаю, когда Петя ушел, но знаю куда'

(45) *mon ug tod-is'kə̂ **kə̂tč'ə̂-(*ze)** pet'a*
я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS куда-ACC.POSS.3SG Петя
*košk-i-z noš tod-is'ko-Ø **kü-(ze)***
уходить-PST-3SG а знать-PRS-1SG когда-ACC.POSS.3SG
'Я не знаю, куда Петя ушел, но знаю когда'

Источником также не может выступать клауза с нулевой копулой настоящего времени, аналогичная конструкциям с указательным местоимением, поскольку к остатку с матричным падежом нельзя добавить демонстратив (46). Кроме того, и изоморфная финитная клауза с лексическим глаголом, и клауза с копулой допускают подчинительные союзы, которые в конструкции с матричным падежом невозможны, см. (42)—(43).

(46) **kin dər van' känfet-jos-ə̂z s'i-em*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2
*noš mon ug tod-is'kə̂ **kin-ze** **so***
а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC.POSS.3SG тот
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Отсутствие падежного соответствия указывает на неизоморфную структуру с копулой. Однако для того чтобы прояснить структуру конструкции, необходимо ответить на два вопроса: каков источник аккузативного падежа на местоимении-остатке и клаузой какого типа является зависимый вопрос. Рассмотрим их по порядку.

Аккузативное маркирование остатка зависит от матричного глагола. Глагол *todə̂nə̂* 'знать', который мы рассматривали во всех предыду-

щих примерах, приписывает своему объекту — в том числе зависимой номинализации — аккузатив. Глагол *pajmə̂nə̂* 'удивляться' приписывает своему именному аргументу датив, см. (47). Этот глагол может выступать матричным и иметь зависимый вопрос, в том числе усеченный, но маркировать остаток посессивным аккузативом, который не соответствует позиции коррелята, нельзя. См. пример (48):

(47) *agajmurt pajm-em so-len* ***č'eber-ez-lə̂***
мужчина удивляться-PST2 тот-GEN красивый-POSS.3SG-DAT
'(Девушка настолько красивая была,) мужик удивился ее красоте' (КТУ: ShMA-13082022_TD_banja-razgovory)

(48) *pet'a kin-lə̂ ke s'as'ka s'ot-i-z*
Петя кто-DAT INDEF цветок дать-PST-3SG
no mon pajm-i-Ø ***kin-lə̂ / *kin-ze***
но я удивляться-PST-1SG кто-DAT кто-ACC.POSS.3SG
'Петя кое-кому подарил цветы, и я удивилась кому'

Отметим, что конструкция, похожая на татышлинскую, встречается и в других языках — в частности, в чахарском диалекте монгольского (Bai & Takahashi 2023). В примере (49) остаток в форме аккузатива соответствует корреляту в форме датива. Авторы утверждают, что в зависимой клаузе присутствует бытийный глагол, который может опционально опускаться. Аккузатив на самом деле приписывается матричным предикатом всей зависимой клаузе. При озвученной копуле он фонетически примыкает к ней, а при опущенной — к вопросительному местоимению:

(49) ЧАХАРСКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ
Batu nige xümün-i sigümǰile-be
Бату один человек-ACC отчитать-PST
Bi ***xen*** **(*bol-uγsan*)*-i*** *ni mede-ye geǰü*
я кто быть-PERF-ACC PPC знать-1SG.IMP что
sana-ǰu bai-na
надежда-ADVL AUX-NPST
'Бату кого-то отчитал. Я надеюсь узнать, кто это был' (Bai & Takahashi 2023 : 513)

Мы считаем, что в татышлинской конструкции с матричным падежом также присутствует фонологически нулевая копула, которая создает видимость присоединения падежного маркирования к местоимению-остатку. При этом между удмуртским и монгольским есть различия в типах зависимой клаузы. В монгольских конструкциях бытийный глагол может стоять в разных формах в зависимости от селективных требований матричного предиката, см. примеры с глаголом в форме перфекта (49) и инфинитива (50).

(50) ЧАХАРСКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ
Batu maryasi nige yaǰar xödelgegen-dü orulča-na
Бату завтра один место мероприятие-DAT посетить-NPST
Bi (*tere ni*) ***χamiγa*** **(*bol-χu*)*-yi*** *ni mede-ne*
я этот PPC где быть-INF-ACC PPC знать-NPST
'Завтра Бату посетит мероприятие кое-где. Я знаю, где это' (Bai & Takahashi 2023 : 513)

В татышлинском удмуртском же клауза-мишень в конструкции с остатком в матричном падеже является номинализованной. На такую исходную структуру указывают несколько аргументов.

Во-первых, по всей видимости, для форм номинализации копулы в татышлинском удмуртском фонологически нулевое выражение является наиболее характерным — как, например, характерно для копулы настоящего времени в определенных конструкциях с неглагольной предикацией, как мы обсуждали в разделе 4.2. От основы *vâl-*, которая используется в формах копулы второго прошедшего времени, можно сконструировать номинализацию *vâlem*, однако носители признают примеры с ней неестественными. В таком случае можно считать, что падежный показатель, присущий зависимым номинализациям, присоединяется к вопросительному местоимению-остатку как к ближайшему ненулевому элементу.

Во-вторых, в татышлинском удмуртском есть бытийный глагол *lüənə* 'быть', который близок, хотя и не идентичен копуле по семантике и функционированию, но, в отличие от нее, имеет полную глагольную парадигму, в том числе может образовывать номинализации. Пример (51) показывает, что с помощью номинализации глагола *lüənə* можно образовать конструкцию, аналогичную слусинговой, с опционально выраженным субъектом — указательным местоимением в форме второго генитива. Такой же субъект можно добавить и в слусинговую конструкцию с остатком в матричном падеже (52).

(51) *pet'a kin-lâ dər mašina-ze vuza-Ø-z*
Петя кто-DAT INDEF машина-ACC.POSS.3SG продавать-PST-3SG
noš mon ug tod-is'kâ
а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
(***so-les'***) ***kin lü-em-ze***
тот-GEN2 кто быть-NMLZ-ACC.POSS.3SG
'Петя продал кому-то машину, но я не знаю, кто он {покупатель} такой'

(52) *vas'a kin-lâ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kâ ***so-les'*** ***kin-ze***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS тот-GEN2 кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил кому-то письма, но я не знаю, кто {получатель} он'

В-третьих, конструкцию с остатком в матричном падеже и зависимые номинализации объединяет запрет на подчинительные союзы. Напомним, что зависимые номинализованные клаузы не могут вводиться союзом *šüsa*, см. пример (15), повторенный в (53):

(53) *mi tod-is'ko-m pi-jos-les' mil'-es't-âm keč'-ez*
мы знать-PRS-1PL мальчик-PL-GEN2 мы-GEN2-POSS.1PL коза-ACC
luška-m-zes (****šü-sa***)
красть-NMLZ-ACC.POSS.3PL говорить-CVB
'Мы знаем, что мальчики увели нашу козу'

Примеры матричного падежа на вопросительном местоимении встречаются в корпусе, соответственно, конструкция входит в узус носителей татышлинского удмуртского. В примере (54) вопросительное место-

имение стоит в аккузативе, при этом и структура, и интерпретация указывают на бытийную конструкцию. Важно отметить, что в этом примере нет клаузы-антецедента как таковой. Это служит аргументом в пользу опущения копулы, а не эллипсиса.

(54) *takja. ȯžə̈t vala-s'ko-m no si-je, no* ***mar-ze***
такъя мало понимать-PRS-1PL ADD тот-ACC ADD что-ACC.POSS.3SG
um to-s'k-e inde
NEG.PRS/FUT.1PL знать-PRS-PL уже
'Такъя {женский головной убор}. Немного понимаем это, но что такое не знаем' (КТУ: GRG_ShKI_072019_VI_7_odezhda)

Таким образом, мы предполагаем, что источники слусинговых конструкций с указательным местоимением и с остатком в матричном падеже похожи: в обоих случаях присутствует неизоморфная клауза с нулевой копулой, однако в первой конструкции эта клауза финитная, тогда как во второй — номинализованная.

5. Заключение

Мы рассмотрели конструкции с эллипсисом косвенного вопроса (*слусинговые*), при котором в зависимой клаузе удаляется весь материал, кроме вопросительного местоимения (*остатка*), на материале татышлинского говора удмуртского языка (Республика Башкортостан). Всего в исследуемом говоре можно выделить три конструкции, опираясь на форму вопросительного местоимения: конструкцию с падежным соответствием между остатком и коррелятом, конструкцию с номинативным остатком и указательным местоимением и конструкцию с остатком с синкретичным показателем посессивного аккузатива *-ze* (конструкцию с остатком в матричном падеже). Для каждой из трех конструкций мы рассмотрели возможность опустить местоимение-коррелят в клаузе-антецеденте и возможность добавить подчинительные союзы *šusa* и *što*, а также предложили структуру зависимой вопросительной клаузы. Результаты суммированы в таблице 1.

Конструкции, в которых не наблюдается падежного соответствия между остатком и коррелятом, являются однозначными примерами неизоморфных слусинговых конструкций. Конструкция с падежным соответствием, в свою очередь, может происходить либо из изоформного источника, т. е. клаузы, повторяющей антецедент, либо из неизоморфной клаузы с копулой. Об одновременном существовании двух возможных источников говорит то, что остаток может иметь форму как первого генитива, так и второго генитива (аблатива). Неизоморфным источником конструкции с падежным соответствием, конструкции с номинативным остатком и конструкции с остатком в матричном падеже является клауза с фонологически нулевой копулой; таким образом, эти конструкции можно отнести к *псевдослусингу*.

Конструкции различаются относительно опущения местоимения-коррелята (спраутинга). Спраутинг в татышлинском удмуртском допустим для остатка в форме, соответствующей позиции коррелята (вне зависимости от источника клаузы-мишени), и невозможен для остатков в форме номинатива и посессивного аккузатива. Таким об-

разом, спраутинг оказывается чувствителен не к изоморфности зависимой клаузы, а к соответствию между остатком и позицией антецедента.[9]

Допустимость подчинительных союзов *šu̇sa* и *što* в слусинговых конструкциях коррелирует с их допустимостью в полных зависимых вопросах. Из трех конструкций они запрещаются в конструкции с матричным падежом, которая, по нашему предположению, образована от номинализации. В конструкции с падежным остатком и конструкции с номинативным остатком и демонстративом свободно разрешается союз *šu̇sa* и, для половины опрошенных респондентов, союз *što*, а также их сочетание. Точно такое же распределение мы наблюдаем в полных финитных зависимых вопросах.

Таблица 1

Свойства трех конструкций с эллипсисом косвенного вопроса

Параметр	**Конструкция с падежным соответствием**	**Конструкция с номинативным остатком и демонстративом**	**Конструкция с матричным падежом**
Падежное соответствие остатка и коррелята	Да	Нет	Нет
Предполагаемая исходная структура	Изоморфная клауза с лексическим глаголом / неизоморфная клауза с копулой	Неизоморфная клауза с копулой	Номинализованная неизоморфная клауза с копулой
Опущение коррелята	Да	Нет	Нет
Подчинительные союзы	Да	Да	Нет

Data availability statement. The data are contained within the article.

Acknowledgements. This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 24-18-00199 realized at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Science.

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

[9] Анонимный рецензент замечает, что распределение первого и второго генитивов выбивается из этого обобщения. Действительно, по нашим предварительным данным, спраутинг допустим в случае, когда антецедентом является переходная клауза, а остаток при этом имеет форму первого генитива. Для более точных заключений нужны дальнейшие исследования.

(a) *anaj mə̂nə̂m kärtəs'ka aʔǯ'ə̂-t-i-z, mon pajm-i-Ø kin-len*
мама я.DAT фотография видеть-CAUS-PST-3SG я удивляться-PST-1SG кто-GEN
'Мама показала мне фотографию, я удивилась чью'

Address

Daria D. Belova
Institute of Linguistics of the RAS
d.belova@iling-ran.ru

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ACC — аккузатив, **ADD** — аддитивная частица, **ADVL** — адвербиализатор, **AUX** — вспомогательный глагол, **CAUS** — каузатив, **CMPR** — компаратив, **COMP** — комплементайзер, **CVB** — деепричастие, **DAT** — датив, **DEF** — определенный артикль, **EL** — элатив, **EV** — эвиденциальный маркер, **FUT** — будущее время, **GEN** — генитив, **GEN2** — второй генитив, **ILL** — иллатив, **IMP** — императив, **INDEF** — неопределенное местоимение, **INF** — инфинитив, **INST** — инструменталис, **LOC** — локатив, **NEG** — отрицание, **NMLZ** — номинализация, **NPST** — непрошедшее время, **PERF** — перфектив, **PPC** — личная притяжательная клитика, **PL** — множественное число, **POSS** — посессив, **PRS** — настоящее время, **PST** — прошедшее время, **PST2** — второе прошедшее время, **Q** — вопросительная частица, **SG** — единственное число, **VN** — глагольное имя.

ЛИТЕРАТУРА

Давидюк Т. И. 2023, Конструкции с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском. На правах рукописи.

—— 2024, Конструкции с аккузативным субъектом в татышлинском говоре удмуртского языка. — Конференция «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ / ИЯз РАН, 12—13 апреля 2024 г.). https://cloud.ruslang.ru/s/TKC9CzBF8XqxSxD.

Едыгарова С. 2010, Категория посессивности в удмуртском языке, [Tartu]: Tartu Ülikooli Kirjastus (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 7).

Осипова А. А. 2024, Синтаксис именной группы. На правах рукописи.

Кашкин Е. В. & Винклер М.-Э. А. 2024, Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ. — Родной язык 1, 16—43. https://doi.org/10.37892/2313-5816-2024-1-16-43.

Кельмаков В. К. 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты, Ижевск: «Удмуртия».

Кожевникова Э. К. 2022, Неглагольная предикация в татышлинском удмуртском. На правах рукописи.

Тестелец Я. Г. 2001, Введение в общий синтаксис, Москва: РГГУ.

Тыщишина Т. Е. 2023, Дискурсивное употребление посессивного показателя 3sg в татышлинском удмуртском. — Двадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 23—25 ноября 2023 г.). https://cloud.ruslang.ru/s/8YYxKiXJQcSHSLn?dir=/&editing=false&openfile=tru

Уткина А. Ф. 2022, Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филолологических наук, Ижевск: Удмуртский государственный университет.

Assmann, Anke & Edygarova, Svetlana & Georgi, Doreen & Klein, Timo & Weisser, Philipp 2014, Case stacking below the surface: On the possessor case alternation in Udmurt. — Linguistic Review 31 (3—4), 447—485. https://doi.org/10.1515/tlr-2014-0007.

Bai, Xue & Takahashi, Daiko 2023, A pseudo-sluicing analysis of reduced embedded questions in Chakhar Mongolian. — Journal of East Asian Linguistics 32 (4), 497—522. https://doi.org/10.1007/s10831-023-09264-8.

Baidoullina, Anna 2003, Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö, Tartu: Tartu Ülikool.

Chung, Sandra 2005, Sluicing and the Lexicon: The Point of No Return. — Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 73—92. https://doi.org/10.3765/bls.v31i1.896.

Chung, Sandra & Ladusaw, William A. & McCloskey, James 1995, Sluicing and logical form. — Natural Language Semantics 3, 239—282. https://doi.org/10.1007/BF01248819.

Erschler, David 2018, Typology of bizarre ellipsis varieties. Doctoral dissertation, University of Massachusetts Amherst.

Georgieva, Ekaterina 2024a, Exploring the cross-linguistic variation in sluicing. — Leiden/Bielefeld Workshop on Comparative Syntax (Leiden, 23—24 May 2024), 1—12. https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/geesteswetenschappen/lucl/leibiecos-slides/georgieva-exploring-the-cross-linguistic-variation-in-sluicing.pdf.

—— 2024b, On sluicing in Meadow Mari and Udmurt. Paper presented at the Uralic Information Centre: Talk Series, HUN-REN Hungarian Research Centre for Linguistics, 29 May.

—— 2026, On sluicing-like constructions. — Paper presented at the 2nd GLOW in Asia Workshop for Young Scholars (Nagoya, 13—14 March 2026).

Gribanova, Vera 2013, Copular Clauses, Clefts, and Putative Sluicing in Uzbek. — Language 89 (4), 830—882. https://doi.org/10.1353/lan.2013.0074.

Gribanova, Vera & Manetta, Emily 2016, Ellipsis in *Wh*-in-Situ Languages: Deriving Apparent Sluicing in Hindi-Urdu and Uzbek. — Linguistic Inquiry 47 (4), 631—668. https://doi.org/10.1162/LING_a_00225.

Hiraiwa, Ken, & Ishihara, Shinichiro 2011, Syntactic Metamorphosis: Clefts, Sluicing, and In-Situ Focus in Japanese. — Syntax 15 (2), 142—180. https://doi.org/10.1111/j.1467-9612.2011.00164.x.

Kaysina, Inna 2013, The adoption of Russian conjunctions in Udmurt. — ESUKA 4 (2), 131—144. https://doi.org/10.12697/jeful.2013.4.2.07.

Merchant, Jason. 2001, The Syntax of Silence. Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis, Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780199243730.001.0001.

—— 2006, Sluicing. — The Blackwell Companion to Syntax 4, Oxford: Blackwell, 271—292. https://doi.org/10.1002/9780470996591.ch60.

Murphy, Andrew 2020, Voice mismatches beyond passives: sluicing with active impersonal antecedents. — Linguistica Brunensia 68 (2), 65—83. https://doi.org/10.5817/LB2020-2-5.

Orlov, Vladislav 2024, Wh-in-situ in Tatyshly Udmurt. — Ural-Altaic Studies 4 (55), 70—89.

Palaz, Bilge 2019, Pseudo-sluicing in Turkish: A pro-form Analysis. — Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic 4, 62—73. https://doi.org/10.3765/ptu.v4i1.4585.

Ronai, Eszter & Stigliano, Laura 2020, Adjectival sluices in Hungarian. An argument for isomorphic sources. — Natural Language and Linguistic Theory 38 (4), 1197—1210. https://doi.org/10.1007/s11049-020-09468-w.

Ross, John 1969, Guess who? — Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society, 252—286. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199645763.003.0002.

Tánczos, Orsolya 2013, Hogy… hogy? Kettős kötőszók az udmurt mondatban. — Nyelvelmélet és kontaktológia 2, Piliscsaba, 95—112.

van Craenenbroeck, Jeroen & Lipták, Anikó 2006, The crosslinguistic syntax of sluicing: evidence from Hungarian relatives. — Syntax 9 (3), 248—274. https://doi.org/10.1111/j.1467-9612.2006.00091.x

van Craenenbroeck, Jeroen & Merchant, Jason 2013, Ellipsis phenomena. — The Cambridge Handbook of Generative Syntax, Cambridge: Cambridge University Press, 701—745. https://doi.org/10.1017/CBO9780511804571.025.

Vicente, Luis 2018, Sluicing and its subtypes. — The Oxford Handbook of Ellipsis, Oxford: Oxford University Press, 479—503. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198712398.013.22.

Д. Д. Белова

DARJA BELOVA (Moskva)

UDMURDI KEELE TATÕŠLÕ MURDE KAUDKÜSIMUSE ELLIPSIGA KONSTRUKTSIOONID

Artiklis käsitletakse udmurdi keele Tatõšlõ murde ellipsiga kaudküsimust. Uurali keelte niisuguste konstruktsioonide omadusi on seni vähe uuritud. Autor on kasutatanud nii välitöödel kogutud ainestikku kui ka korpusandmeid. Uuritud konstruktsioonid erinevad selle poolest, millises vormis on küsiv asesõna: a) korrelaadile vastavas käändes, b) nominatiivis koos näitava asesõnaga, c) akusatiivis koos 3. isiku possessiivsufiksiga -*ze*. Neid variante on võrreldud mitme tüpoloogiliselt olulise tunnuse alusel.

LINGUISTICA URALICA LXII 2026 2 : 237—262 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.06

IRINA KHOMCHENKOVA, DARIA ZHORNIK (Moscow)

COMITATIVE CONSTRUCTIONS IN SOUTHERN MANSI

Abstract. The article describes the comitative markers of the extinct Southern Mansi language — two postpositions (*jitəl* and *jortəl*) and the suffix *-nat/-nät* — on the basis of corpus data and compares them with those of Northern Mansi in terms of Stassen 2000, Stolz & Stroh & Urdze 2006, and Arkhipov 2009. The analysis shows that all the comitative markers under consideration occur in genuine comitative constructions (ComCs), such as 'go with someone'. The postpositions are also used in ComCs with polyadic predicates (e.g., 'fight with') and in coordinating ComCs (with the structure "X Y-COM V.PL"). The postposition *jitəl* is additionally attested in inclusory ComCs (cf. Russian *мы с Петей*, lit. 'we with Peter' = 'I and Peter'). The suffix *-nat/-nät* occurs predominantly in coordinating ComCs with the structure "X-COM Y V.PL." Unlike the postpositions, *-nat/-nät* cannot be attached to personal pronoun stems. In Northern Mansi, there is no comitative case, and the main comitative marker is the postposition *jot*, whose distribution is similar to that of the Southern Mansi postpositions *jitəl* and *jortəl*. Earlier in Northern Mansi the comitative function was also expressed by the instrumental case marker *-l, -təl*. In present-day Northern Mansi, however, the latter is used mainly in coordinating and inclusory ComCs. The instrumental marker in Southern Mansi, by contrast, has neither coordinating nor comitative functions. It is used in depictive constructions ('come with a bag'), whereas in Northern Mansi such constructions employ the lexeme *tāγəl* 'full'. In the Southern Mansi corpus, the cognate lexeme *täul* 'full' was not attested in comitative constructions. In terms of Stassen (2000), modified by Arkhipov (2009), both Mansi languages can be classified as mixed AND-languages, since they have both coordinating constructions and coordinating comitative constructions. In terms of Stolz & Stroh & Urdze 2006, Southern Mansi is a language with differentiation (A-type): it has distinct comitative and instrumental markers. Contemporary Northern Mansi also belongs to this type. Earlier, however, it apparently was mixed (C-type, comitative subtype), since the instrumental marker also had comitative functions, and there was another comitative marker (the postposition *jot*).

Keywords: Southern Mansi, Northern Mansi, comitative constructions, coordination.

1. Introduction

In this article, we discuss comitative markers in Southern Mansi (< MANSI < UGRIC < URALIC), namely the postpositions *jitəl* and *jortəl*, as well as the case

Received 13 May 2026, accepted 2 October 2026, available online 19 November 2026.
© 2026 Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).

marker *-nat/-nät*. Southern Mansi is one of the Mansi languages, which became extinct in the first half of the 20th century and exhibits several notable differences from the other Mansi languages. The data for our research include archival materials gathered by Bernát Munkácsi in 1888—1889 and Artturi Kannisto in 1901—1905 and processed within the INEL project (Grammars, Corpora and Language Technology for Indigenous Northern Eurasian Languages) at the University of Hamburg.

We view the comitative as a pluralizing construction following Arkhipov 2009. For example, in the situation expressed by the sentence ***Mary*** *went into the forest* ***with Ann***, there are two participants encoded by two NPs: the core NP (*Mary*) and the comitative NP (*Ann*). Both participants are involved in the same action ('go into the forest'). The core NP and the comitative NP are syntactically subordinate to the same predicate, but have different syntactic functions (subject and oblique object, respectively). The comitative NP can be omitted without changing the grammaticality of the sentence, and the comitative construction can be replaced with another pluralizing device, such as coordination (***Mary and Ann*** *went into the forest*) or plural number (***The girls*** *went into the forest*), without any change in the propositional meaning.

Southern Mansi was spoken until the first half of the 20th century (Honti 1988 : 148) in the southern part of Western Siberia, along the Tura and Tavda rivers (currently in Sverdlovsk Oblast, Russia; see Коряков 2022). At the beginning of the 20th century, the number of speakers was estimated at around 325, after which it rapidly declined due to assimilation under Russian influence (Bakró-Nagy 2024). Compared to other Mansi languages, the data on Southern Mansi are relatively scarce. The main work on this language is a description of Southern Mansi inflection (Honti 1975).

Today, only the Northern Mansi language is still spoken, with approximately 1,000 speakers in Western Siberia, specifically in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Sverdlovsk Oblast. Eastern and Western Mansi became extinct in the 20th and early 21st centuries, respectively. Southern Mansi, owing to its geographical location, was exposed to substantial Tatar influence, which resulted in extensive lexical borrowing (Keresztes 1998 : 422). Southern Mansi is also described as the most conservative Mansi language in terms of phonology (Forsberg 2024 : 281). It is the only Mansi language exhibiting front-back vowel harmony, which some researchers believe to be a retained archaic feature (Skribnik & Laakso 2022 : 527). Vowel harmony is also reflected in inflectional morphology, where many markers have both front and back variants, e.g., *-nat/-nät* for the comitative case marker.

Of more relevance to our research, however, are the differences in morphology (Honti 1975; Forsberg 2024). Firstly, Southern Mansi is the only Mansi language where dual number is absent both as a verbal and a nominal category, being attested only in the case of personal pronouns: *məŋ* '1DU', *nəŋ* '2DU', *təŋ* '3DU'.

Secondly, while object agreement remains a part of Southern Mansi verbal morphology (Szilágyi 2015), there is an occasional mismatch in the corpus between the number of the object and the form of the object agreement used, such as in (1), where a plural object occurs with singular object agreement. Sherwood (1996 : 244) analyzes such examples and shows that there

are significantly more such mismatches in data gathered by Kannisto than in data gathered by Munkácsi, suggesting a narrowing of the system over time.

(1) *kwaark-**ət** šɛkweľäk-**ət** äm jil-pɔš-ɔnt-**ɛl**-ɔm*
crow-**PL** magpie-**PL** 1SG PRF-drive-PRS-**SG.O**-1SG.S
'I chased away the crows and magpies'
(MAX_19031224_Hunter_flk.033)

Finally, the case systems of all Mansi languages differ slightly, and Southern Mansi is unique in this respect as well, since it is the only Mansi language that has a dedicated comitative case marker *-nat/-nät*. It is absent from all other Mansi languages but is present in some Khanty languages, such as Southern Khanty.

Comitative constructions in Northern Mansi were described in Хомченкова & Жорник 2021; 2025. However, the Southern Mansi system is considerably different from the Northern Mansi system. The most obvious difference is that Southern Mansi possesses a separate comitative case marker. More subtle differences should be examined as well. Thus, in this article, we describe comitative constructions in Southern Mansi, compare the Southern and Northern Mansi systems, and determine the typological profile of Southern Mansi according to Stassen 2000; Stolz & Stroh & Urdze 2006; Arkhipov 2009.

The article is structured as follows. In Section 2, we describe our dataset. In Section 3, we present the Southern Mansi comitative markers, and in Section 4, we discuss the types of comitative constructions we investigate. In Section 5, Southern Mansi data are presented, and in Section 6, Southern Mansi comitative constructions are compared with Northern Mansi constructions. In Section 7, we discuss the typological contexts, and in Section 8, we present our conclusions.

2. Southern Mansi data

Southern Mansi data are scarce and are preserved in two archival collections: Bernát Munkácsi's *Vogul Népköltési Gyűjtemény* (Munkácsi 1896 : 322—323, 344—371, 401—408, 432—433) and Artturi Kannisto's *Wogulische Volksdichtung* (Kannisto 1951 : 127—130, 157—158, 260—263, 322—323; 1955 : 3; 1956 : 154—201; 1958 : 395—397; 1963 : 89—90, 129—130, 186, 202). These researchers conducted fieldwork in Western Siberia at the end of the 19th and at the beginning of the 20th centuries, when Southern Mansi was still spoken, and recorded Southern Mansi texts in the settlements of Gorodok, Chandyri, Yanychkovo, Kuzyayeva, and Shaytanskaya. No Southern Mansi data are found in the archive of Valery Chernetsov (VChA), whose materials were recorded between 1925 and 1938 in all settlements where Mansi languages were spoken at the time. This suggests that by then Southern Mansi was either completely or almost extinct.

The Southern Mansi texts from Munkácsi's and Kannisto's archives have been processed within the INEL (Grammars, Corpora and Language Technology for Indigenous Northern Eurasian Languages) project at the University of Hamburg and can be found in the Tavda (Southern) Mansi corpus[1]

[1] https://inel.corpora.uni-hamburg.de/TavdaMansiCorpus/search.

(see Sipőcz & Wagner-Nagy 2025). They are also available on the Tavda (Southern) Mansi website created by Norbert Szilágyi.[2] The corpus comprises 29 texts recorded from ten speakers, containing a total of 11,879 tokens (see Table 1). Of the ten known speakers, four are women and six are men. The texts are glossed and have Russian, English, German, and Hungarian translations.

Table 1

Speakers in the Southern Mansi corpus

Speaker	Gender	Village	Texts	Tokens	Consultant
SPI	Male	Kuzyayeva	7	3446	Munkácsi
MAX	Male	Yanychkovo	7	3344	Kannisto
EAF	Male	Shaytanskaya	5	2221	Kannisto
KAT	Male	Chandyri	2	1282	Munkácsi
KAI	Female	Shaytanskaya/Chandyri	2	829	Kannisto
MMA	Male	Yanychkovo	2	539	Kannisto
MFX	Male	Yanychkovo	1	89	Munkácsi
KZE	Female	Chandyri	1	68	Kannisto
MAF	Female	Yanychkovo	1	31	Kannisto
KTE	female	Chandyri	1	30	Kannisto

3. Comitative markers in Southern Mansi

Southern Mansi has three comitative markers: the postpositions *jitəl* and *jortəl* and the comitative case marker *-nat/-nät*.

As we have mentioned in the Introduction, the presence of a dedicated comitative case marker is unique to Southern Mansi, since it is absent from all other Mansi languages. In the Southern Mansi corpus, the following variants of the case marker are present: *-nät*, *-nət*, *-näät*, *-nɛt*, *-net*, and *-nɔt*. Honti (1975 : 85—86) provides several examples of words with the comitative case marker (2).

(2) *äämp-**näät*** 'with the dog' *äämp* 'dog'
*lotee-**naat*** 'with his horse' *lotee* 'his horse'
*tamər-**ənäät*** 'with the root' *tamər* 'root'
*khɔrp-**enet*** 'with the little forest' *kaarp* 'little forest'

The choice of the variant appears to depend on vowel harmony; see *äämp-**näät*** 'with the dog' vs. *lotee-**naat*** 'with his horse.' However, vowel harmony is not consistently observed, as shown by *tamər-ənäät* 'with the root' (front vowel in the comitative case marker despite back vowels in the stem) and *khɔrp-enet* 'with the little forest' (front vowel in the comitative case marker despite a back vowel in the stem). The factors underlying this variation are beyond the scope of the present study.

The comitative case marker does not appear to combine with personal pronouns: such combinations are not mentioned by Honti (1975), and no examples are found in the Southern Mansi corpus. This is not unusual in Mansi, since the set of cases that combine with personal pronouns in Mansi

[2] https://norbertszilagyi91.wixsite.com/tawdamansi/corpora.

languages is mostly limited to the accusative, lative, and ablative cases, and examples of other cases are rare. To express other case relations, such as the locative, postpositions are commonly used. The available Southern Mansi data suggest that this is also the case in this language, with comitative postpositions occurring with personal pronouns.

The first proposed etymology for the marker *-nat/-nät* is found in Munkácsi 1894 : 264. Munkácsi analyzes it as consisting of an initial *-n*, which he compares to the Irtysh Khanty instrumental *-nat*, and a final *-t*, which he analyzes as a reduction of the comitative/instrumental *-tél*. He, in turn, connects *-tél* to the word *tail* 'full,' which can have a comitative meaning. Fokos (1907 : 22) rejects this analysis and proposes that it is a combination of the locative suffixes *-n* and *-t*, further connecting the *-n* element with the Hungarian locative marker *-nál*. Forsberg (2018 : 17) presents the marker in Khanty as the Proto-Khanty comitative-instrumental **-nat/*-nät* and, citing Honti (1984 : 40), links it to the Proto-Ugric locative II marker **-n*V*t*.

The comitative postpositions *jitəl* (variants found in the corpus: *jit*(*ə*)*l, jitəlʲ*) and *jortəl* (variants found in the corpus: *jort*(*ə*)*l, joortəl*) correspond in their function to the Northern Mansi comitative postposition *jot*. The postposition *jortəl* and the Northern Mansi *jot* are described as etymologically linked to the word *jurt* 'friend, companion' (Сайнахова 1966 : 121), which, in turn, is described as a borrowing from Komi. The etymology of *jitəl* is less certain.[3] Unlike the Northern Mansi *jot*, both Southern Mansi postpositions have the instrumental case marker *-əl* as part of their stem,[4] and this marker is not separable at the stage of development of Southern Mansi reflected in the existing data. The instrumental case is occasionally found as part of postposition stems in Mansi languages; see, e.g., Northern Mansi *urəl* 'about'.

In Southern Mansi, as in the other Mansi languages, the order of nominal inflection suffixes is number — possession — case. Thus, if the case marker were a productive affix, possessive markers in constructions with a personal pronoun and a postposition would be inserted between the stem and the case marker, such as *pölt-u-t* (at-POSS.1PL-LOC) in (3). However, in the case of Southern Mansi comitative postpositions, the possessive marker follows the instrumental marker: *äm jit-əl-əm* (1SG with-INS-POSS.1SG) 'with me'.

(3) *tämnəŋ toolmǫx* ***mäŋ pölt-u-t*** *ää suw-ənt*
such thief 1PL at-POSS.1PL-LOC NEG become-PRS-[3SG]
'We don't have such thieves'
(KAT_18880823_Copperman_flk.018)

There are situations where we find *jit* and *jort* without the instrumental marker; however, in this case, they do not function as comitative postpositions. The marker *jit* without the instrumental case is a preverb (4). In this function, it is associated with the verb rather than with the pronoun *äm* 'I', since postpositions in Mansi take possessive suffixes when used with pronouns.

[3] One of the reviewers proposed a possible link between this postposition and the Komi verb *jit-* 'put together, connect,' which is attested as a borrowing in Northern Mansi; see *jat-* 'tie together' (Rédei 1970 : 172). However, in Munkácsi and Kálmán (1986 : 179), *jot* and *jit* are shown as dialectal variants of the same lexeme.
[4] In Northern Mansi, the form *jotəl* also exists; however, it does not possess a comitative meaning and is instead a temporal connector meaning 'then'.

(4) *säät məl-ɔs, jü-min′-äs-t, äm **jit**-kait-s-əm*
week pass-PST[3SG] home-go-PST-3PL 1SG COM-run-PST-1SG
'A week has passed, they went home, I ran with them'
(MAX_19031224_Hunter_flk.039)

The form *jort* also occurs independently of the instrumental marker, with the meaning 'companion,' and is used in the corpus with the translative case (5). Note that in this example the preverb *jit* (in the form of *it'*) is also used.

(5) *tɔɔrəŋ-puu, it′-wu-l-ən ämän-mi **jǫrt**-əu?*
bear-boy with-take-SG.O-2SG.S 1SG.OBL-ACC companion-TRL
'Bearboy, do you want to take me with you as your companion?'
(SPI_18890419_Bearboy_flk.035)

In Table 2, we present the frequencies of the three comitative markers in texts recorded from different speakers. The comitative case is the most widespread comitative marker, with 44 instances occurring in texts from all speakers. The postpositions occur in the corpus less frequently, with *jortəl* occurring 10 times and *jitəl* 20 times. It is possible that the choice of a postposition is influenced by a speaker's dialect. Indeed, some speakers used *jitəl* but not *jortəl* (SPI, KAI), while some speakers preferred *jortəl* over *jitəl* (KAT, MFX). However, in texts recorded from some of the speakers (MAX, EAF), both postpositions were attested (see Table 2). The available data therefore do not allow us to determine reliably whether the choice between the two postpositions is dialectally conditioned.

Table 2

The distribution of comitative markers by speakers

Speaker	Tokens in the corpus	Village	*-nat/-nät*	*jitəl*	*jortəl*	Total
SPI	3446	Kuzyayeva	16	11		27
MAX	3344	Yanychkovo	6	6	5	17
KAI	829	Shaytanskaya/ Bol'shiye Chandyri	8	2		10
KAT	1282	Bol'shiye Chandyri	6		3	9
EAF	2221	Shaytanskaya	4	1	1	6
KZE	68	Bol'shiye Chandyri	3			3
MFX	89	Yanychkovo	1		1	2

4. Comitative constructions: theoretical background

As mentioned in the Introduction, the comitative is a pluralizing construction. According to Arkhipov (2009 : 224), "a (genuine) comitative construction (= ComC) is a morphosyntactic construction used to express a non-obligatory participant set in a given situation S, such that: (a) the predicate denoting S is not repeated more than once; (b) the individual participants making up the participant set are expressed separately; (c) the expressions denoting these participants differ in structural rank." The NP with the higher structural rank is the core NP, while the NP with the lower structural rank is the peripheral (or comitative) NP. A prototypical genuine ComC is illustrated in (6). The two NPs in (6) refer to separate

participants in the same event: Mary and Ann both participate in the event of going into the forest. At the same time, the two NPs are syntactically asymmetric, and the peripheral NP can be omitted without making the sentence ungrammatical.

(6) ***Mary***$_{\text{CORE NP}}$ *went into the forest* (***with Ann***)$_{\text{PERIPHERAL NP}}$

Comitative markers are also used in constructions that do not meet all the criteria for genuine ComCs. Following Arkhipov (2009 : 225), we refer to these as quasi-comitative constructions. In the present study, four types are most relevant: ComCs with polyadic predicates, coordinating ComCs, inclusory ComCs, and depictive ComCs. They differ in the semantic and syntactic relationship between the core and peripheral NPs.

A ComC with a polyadic predicate differs from a genuine ComC in that the peripheral NP is an obligatory argument of the predicate (Arkhipov 2009 : 230). Compare the genuine ComC in (6) with the example in (7): the sentence is ungrammatical when the peripheral NP is omitted. Thus, unlike *go*, the predicate *meet* requires the presence of another participant. The semantic relation between the two NPs is therefore determined by the argument structure of the predicate rather than by the optional addition of an accompanying participant.

(7) *Mary met* ****(with** Ann)*

Coordinating ComCs exhibit "some (or all) features of coordination proper" (Arkhipov 2009 : 234). One important diagnostic is plural verbal agreement. In (8), the two NPs together determine the number of the verb, and the peripheral NP cannot be omitted. The construction differs formally from ordinary coordination (*Маша и Петя*), however, in that the NPs have different morphosyntactic marking (the core NP is nominative, while the peripheral NP is instrumental). Coordinating ComCs are closer to coordination in their syntactic and semantic properties, although they retain the formal marking of a comitative construction.

(8) Russian
Маша *(***с** *Пет-ей*) *ходи-л-и в лес*
Masha.NOM.SG with Petya-INS.SG go-PST-PL in forest.ACC.SG
'Mary and Peter (lit. 'Mary with Peter') went to the forest'

An inclusory ComC is formed by two NPs, the first of which (the core NP) is a non-singular personal pronoun, while the referent of the second (peripheral) NP is included in the set of referents denoted by the first one (Arkhipov 2009 : 235). Thus, the peripheral NP does not introduce a participant outside the reference of the core NP; rather, it specifies one of its members. Two types of inclusory constructions can be distinguished. In a phrasal inclusory construction, the two NPs form a single constituent and trigger plural verbal agreement, as in (9). Here *мы* 'we' denotes a plural set that includes the speaker and at least one other individual, while *с Машей* 'with Masha' identifies one particular member of this set. In a split inclusory construction, the first NP is absent, but the verbal agreement is still non-singular, as in (10).

(9) Russian
Мы ***с*** *Маш-ей* *ходи-л-и* *вчера* *в* *лес*
we.NOM with Masha-INS.SG go-PST-PL yesterday in forest.ACC.SG
'Mary and I (lit. 'we with Mary') went to the forest yesterday'

(10) Spanish
Con *Juan va-mos al* *cine*
with Juan go-1PL to.DEF.M.SG cinema
'Juan and I are going to the movies'
(Camacho 2000 : 366)

In a depictive ComC the peripheral NP is a participant-oriented adjunct, typically referring to an inanimate entity (Arkhipov 2009 : 238); see, e.g., (11). The crucial difference between this construction and a genuine ComC concerns the semantic status of the peripheral NP. In a genuine ComC such as *John had lunch with Mary*, Mary is understood as participating in the lunch event: both John and Mary had lunch. In (11), by contrast, the bag does not participate in the event of coming. The sentence can instead be paraphrased as 'He came and he had a bag with him'. Such a paraphrase is regarded as a diagnostic for depictive constructions (Himmelmann & Schultze-Berndt 2005 : 11).

(11) *He came* ***with*** *a bag*

The most important distinctions between the comitative constructions described above are summarized in Table 3.

Table 3

A genuine ComC and quasi-comitative ComCs

Construction	**Relation between NPs**	**Omission of the peripheral NP**	**Verbal agreement**	**Example**
Genuine ComC	Additional participant accompanying the core NP	Possible	With the core NP	(6)
Polyadic ComC	Participant required by the predicate	Not possible	With the core NP	(7)
Coordinating ComC	Two coordinated NPs	Not possible	Non-singular	(8)
Phrasal inclusory ComC	Referent of the peripheral NP included in the core NP's reference	Possible	Non-singular	(9)
Split inclusory ComC	Peripheral NP identifies a member of a plural participant set expressed only by verbal agreement	Not possible	Non-singular	(10)
Depictive ComC	Peripheral NP is a participant-oriented adjunct	Possible	With the core NP	(11)

This classification provides the framework for the analysis of Mansi comitative constructions.

Section 5 examines the distribution of Southern Mansi comitative markers across these construction types. The results are then compared with the distribution of comitative markers in Northern Mansi in Section 6.

5. Comitative constructions in Southern Mansi

5.1. Genuine ComCs

The postpositions *jitəl* (12) and *jortəl* (13), as well as the suffix *-nat/-nät* (14), are all attested in genuine ComCs and can therefore be considered comitative markers. The basic word order is "X Y COM V.SG," with the comitative NP following the core NP and preceding the verb. This order is expected in an SOV language such as Mansi.

(12) *jükä tüx ääwi-t'-i* ***jitl*** *l'iem ɛrün tɔt-ɔnt*,
woman 3SG girl-DIM-POSS.3SG with bird_cherry very carry-PRS[3SG]
ɛńčüx ääw üüš-kɔr tɔt-ɔnt
old_man girl little-something carry-PRS[3SG]
'The woman and her daughter bring a lot of berries, the old man's daughter brings few'
(KAI_19040202_TwoGirls_flk.007)

(13) *nii-m kom* ***jortəl*** *koj-i*
woman-POSS.1SG man with lie-3SG
'(I went into the house,) my wife is sleeping with a man'
(MAX_19031224_Hunter_flk.077)

(14) *l'iem waat-əŋ jükä kit ääwi-t'i-****nɛt*** *il-änt-äl*
bird_cherry gather-INF woman two girl-DIM-COM go-FRQ-PRS[3SG]
'The woman goes berry picking with her two daughters'
(KAI_19040202_TwoGirls_flk.006)

In some examples with the comitative suffix, however, the word order is inverted, as in (15): "V.SG X-COM Y." Here, the verb precedes the core NP, while the comitative NP occurs between the verb and the core NP.

(15) *müüś kül küür jü-too-s-ta miśkärx-****nät*** *oxšɔr*
little house in in-come_in-PST-3PL young_man-COM fox
'The fox entered the small house with the boy'
(KAI_19040202_BoyAndFox_flk.027)

The core NP may be non-overt, as in (16), which contains the comitative suffix, and in (17)—(18), which contain postpositions in imperative clauses.

(16) *ti šɔw-t kɔɔnt-****änɔt*** *ji-skä-t*, …
this many-NMLZ army-COM come-COND-3SG
'If he comes with such a large army, (it will mean the death of my father)'
(MAX_19031208_Copperman_flk.215)

(17) *jäj-in äm* ***jit-l-əm***
come-IMP.2SG 1SG with-INS-POSS.1SG
'Come with me!'
(SPI_18890419_PoorBoy_flk.035)

(18) *miń-in ńewestɔ-n* ***joortəl*** *moorä pɔɔx-ən*
go-IMP.2SG bride-POSS.2SG with sea side-LAT
'Go with your bride to the shore of the sea!'
(MAX_19031208_Copperman_flk.299)

5.2. ComCs with polyadic predicates

The comitative postpositions (but not the comitative suffix) are attested in ComCs with polyadic predicates, as in (19)—(20).

(19) *ńǫxor nöu äm* ***jit-əl-əm*** *woo-k^{h}ot-en, …*
what 2SG 1SG with-INS-POSS.1SG beat-MD-2SG.S
'Why are you fighting with me, (you're still young)'
(SPI_18890418_Kitten_flk.036)

(20) *wäps-əm min täut-iŋ ńɔlu* ***jortəl*** *wɔx-xɔt-ən …*
son_in_law-POSS.1SG go[IMP.2SG] fire-ATTR snake with beat-MD-IMP.2SG
'Son-in-law, go and fight with the fiery serpent (and protect your wife)'
(KAT_18880823_Copperman_flk.101)

Example (21) is ambiguous. On the one hand, it can be analyzed as a ComC with a polyadic predicate, with *möŋ piiš äńčukänu* 'our ancestors' as the core NP; the verb is plural because it agrees with this plural NP. On the other hand, (21) can be analyzed as a coordinating ComC, in which the core and peripheral NPs form a single constituent controlling plural verbal agreement, lit. 'our ancestors and Russians did not mix'.

(21) *elpəl möŋ piiš äńčuk-än-u sɔpər* ***jortəl*** *ää k^{h}ɔsəltəl-s-t*
earlier 1PL old old_man-PL-POSS.1PL Russian with NEG mix-PST-3PL
'In the past, our ancestors did not mix with the Russians'
(MFX_18890417_SacredLake_nar.003)

5.3. Coordinating ComCs

The basic strategy for NP coordination in Southern Mansi is juxtaposition, as in (22)—(23).

(22) ***tɛťä***, ***mämä*** *lää-nt-et*: …
father mommy say-PRS-3PL
'Father and mother say, ("Go!")'
(EAF_19031221_TaleOfPokatikorokh_flk.039)

(23) *tiil-əəm puw-i* ***pöŋ-i***, ***käät-i*** *äitäm-k^{h}ar*,
born-PTCP.PST boy-POSS.3SG head-POSS.3SG hand-POSS.3SG person-ADJZ
puxńi k^{h}oor-i-nɔl tɔɔrəŋ k^{h}aitəl pǫn-ǫŋ-k^{h}ɔr
navel edge-POSS.3SG-ABL bear like wool-ATTR-ADJZ
'Her newborn son has a head and hands like a man and hair like a bear from his navel down'
(SPI_18890419_Bearboy_flk.016)

In his typological study of NP conjunction, Stassen (2000 : 7—8) notes that juxtaposition is a minor strategy (even though it is not rare) and usually competes with some other coordinating strategies involving overt linking markers. According to Stassen, juxtaposition "often performs a specific,

restricted, function: it is used either in 'list-like' enumerations, or in the encoding of NP-pairs which habitually go together and can be said to form some conventionalized whole or 'conceptual unit'" (Stassen 2000 : 8, with reference to Mithun 1988 : 332). Mithun (1988 : 332) further distinguishes between juxtaposed NPs without an intonation break, which tend to denote conceptual units, and NPs separated by comma intonation, which denote conceptually distinct members of a set. Since no audio recordings are available for the Southern Mansi corpus, however, these two types of juxtaposition cannot be distinguished here.

Southern Mansi has no native NP coordinating conjunctions.[5] The only conjunction attested with NP coordination is *i*, borrowed from Russian (24), which occurs only once in the corpus in this function. It is otherwise used primarily for non-NP coordination. The conjunction *ja* 'and' is likewise restricted to non-NP coordination, as in (25), and is used mainly to connect VPs or clauses. No examples of *ja* coordinating NPs were found in the corpus.

(24) *tüt'i jünipält lo-t **i** sɔwr-ət šɔx kääl-im ɔl-at*,
that after horse-PL and cow-PL all get_up-CVB be-3PL
*kaar-tɔwx **i** tɔwx šɔx kääl-im ɔl-at*
male-chicken and chicken all get_up-CVB be-3PL
'After that the horses and cows all appeared, the roosters and chickens all appeared'
(KAI_19040202_TwoGirls_flk.024)

(25) *koorəm maa-n*: *kit' kooro ɛnäm, **jɔ** ox kor nüün*
three place-LAT two bag 1SG.LAT and one bag 2SG.LAT
'[We will divide the grain] into three parts: two sacks for me and one for you.'
(EAF_19031221_TaleOfPokatikorokh_flk.022)

Juxtaposition is not, however, the only strategy available for NP coordination in Southern Mansi. Both comitative postpositions and the comitative suffix can connect two NPs that form a single constituent and control plural verbal agreement.

In coordinating ComCs, the comitative suffix occurs most frequently in the construction "X-COM Y," in which the peripheral NP precedes the core NP, as in (26).

(26) *čerkət-**nət** pɔtɔləx uk-iń kʰɔrɔt-ɔxt-l-eet*
floor-COM ceiling one-LAT look-MD-PRS-3pl
'The floor and the ceiling look at each other.'
(KAT_188908_Riddles_flk.027)

Example (27) is controversial. It resembles a coordinating ComC for two reasons. First, it has the word order "X-COM Y," which is typical of coordinating ComCs. Second, the context suggests that the question concerns the location of two people of equal status, rather than the location of one person (Pilke) accompanied by another (Inichke). However, the verb has singular agreement. It is possible that the 3SG existential verb can be used

[5] In Northern Mansi, NPs can be coordinated by means of the additive particle *os* (Хомченкова & Жорник 2021). The cognate particle *ɔs* exists in Southern Mansi but, according to corpus data, it does not have coordinating functions.

with plural NPs, but no other examples of this type are attested in the Southern Mansi corpus.[6, 7]

(27) *jiiničkä-**näät** pil'kää-n kɔɔt ɔɔl*
Inichke-COM Pilke-POSS.2SG where be.3SG
("Where are the two bulls?" "Inichke and Pilke have slaughtered them and eaten them) 'Where are Inichke and Pilke?'
(KZE_19040108_Dialog_conv.018)

The comitative suffix also occurs in coordinating ComCs with the reverse structure "X Y-COM" (28), and double marking is attested as well (29). Such examples, however, are considerably rarer.

(28) [*jɔɔrlǫ kiit-əm äńčux jukä-ti-**nət***]
poor send-PTCP.PST old_man woman-POSS.3SG-COM
ɔl-ɔnt-eet, $k^hǫj$-ɔnt-eet
be-PRS-3PL lie-PRS-3PL
'The poor old man in exile lives with his wife, they are fine'
(SPI_18890420_Exil_flk.002)

(29) *staršina-**nət** k^hatči-ɔn-ə-**nət***
foreman-COM writer-PL-POSS.3SG-COM
'(Three kites are sitting at a table.) The foreman and his secretaries'
(KAT_188908_Riddles_flk.031)

Coordinating ComCs with the postpositions are likewise rare. They have the structure "X Y-COM" (30)—(31), which is identical to the structure found in genuine ComCs.

(30) *tɔɔrəŋ jukä **jit-əl** nii-nət $k^hǫm$ k^haitəl ɔl-ɔnt-eet*
bear woman with-INS woman-COM man like be-PRS-**3PL**
'The bear and the woman live like man and wife.'
(SPI_18890419_Bearboy_flk.014)

(31) *wɔx-xɔt-əm junipääl-t näjär-pöu Väńkä uxsal'-k um **jortəl***
beat-MD-PTCP.PST after-LOC emperor-son Vanka copper-man with
il-täul-əm-əs-t
PRF-fly-MOM-PST-**3PL**
'After the fight, Prince Vanka and the Copper Man flew away'
(KAT_18880823_Copperman_flk.138)

5.4. Inclusory ComC

The postposition *jitəl* is attested in split-type inclusory constructions of the form "[Ø Y-COM] V.PL," as in (32)—(34). In all three examples, there is the comitative NP (*mämäm jitəl* 'with my mother,' *juwiääwit jitəl* 'with his sister,' *mičäx jitəl'* with the girl'), and the verb bears plural agreement (*jiwä* '[we] will come,' *nauk^{h}otst* '[they] begin,' *jäng^{h}əu* '[we] play'), but the core NP is unexpressed.

[6] In Northern Mansi, the existential verb agrees in number with the subject (Bakró-Nagy & Sipőcz & Skribnik 2022 : 555).
[7] As one of the reviewers points out, another relevant fact is that only *Pilke* bears the topic marker used in this text, namely the 2SG possessive suffix, although possessive marking of the comitative NP is also possible (see, e.g., (29)).

(32) *kʰuläit′-ɔt-ən, woor-in, äm iń nänän-nel il-miń-əm,*
next_day-POSS.3SG-LAT wait-IMP.2PL 1SG now 2PL-ABL PRF-go-1SG
mämä-m ***jit-əl*** *ji-wä, nänän-mi ju-tii-länu*
mommy-POSS.1SG with-INS come-**1PL** 2PL-ACC in-eat-1PL.S.PL.O
'Tomorrow, wait a minute, I'll go away from you, my mother and I will come back and eat you'
(SPI_18890420_GirlAndBoy_flk.036)

(33) *l′oońčt-ɔxt-əm il-pajt-əs,*
cry-MD-PTCP.PST PRF-cease-PST[3SG]
juwi-ääw-it′ ***jit-əl′*** *läkänə-xt-əŋ nau-kʰot-s-t*
elder-girl-POSS.3SG with-INS doll-MD-INF begin-MD-PST-**3PL**
'She stopped crying and started to play with his [the boy's] sister'
(SPI_18890420_GirlAndBoy_flk.024)

(34) *mičäx* ***jit-əl*** *təə jängʰ-əu, təə jängʰ-əu, tol töu puru-miń-änt*
girl with-INS well play-**1PL** well play-**1PL** then 3SG back-go-PRS[3SG]
'The girl and I play and play, and then she goes back'
(SPI_18890420_GirlAndBoy_flk.020—021)

5.5. Depictive ComC

There is one example resembling a depictive ComC (35), in which the comitative suffix is used. This sentence can be analyzed as a depictive construction because it describes people appearing together with their belongings ('people appeared, and they were with their weapons and swords'). Similar examples with the predicate 'appear' are found in Архипов 2009 : 209, where they are analyzed as depictive ComCs.

(35) *jɔlt-kət-s-t kɔlx, mɔltək-ɔn šüer-än-**nät**,*
collect-MD-PST-3PL folk rifle-POSS.3PL sword-POSS.3PL-COM
tomrɔ, šärjet, kɔn jɔnk-ɔnt, kɔn pork-ɔ-nt
domra violin who play-PRS[3SG] who dance-PRS[3SG]
'(He tied his horse and turned the egg:) people appeared with their rifles and swords, balalaikas and violins, one playing, the other dancing'
(MAX_19031208_Copperman_flk.309)

The Southern Mansi corpus contains two similar contexts (36)—(37). In these examples, the words *mɔltək* 'rifle' and *šüer* 'sword' bear the attributive suffix *-əŋ* with the proprietive meaning 'having X, being with X' and occur in predicative position, as indicated by the marker *kɔr* 'PRED.'[8]

(36) *kɔlx jɔlt-kət-s-t mɔltək-əŋ šüer-əŋ-**kɔr**-t*
folk collect-MD-PST-3PL rifle-**ATTR** sword-**ATTR**-PRED-PL
'People showed up, with guns and swords'
(MAX_19031208_Copperman_flk.210)

(37) *kɔlx kään mɔltək-əŋ šüer-əŋ-kɔr-t, …*
folk many rifle-**ATTR** sword-**ATTR**-PRED-PL
'There were many people there, people with rifles, with swords'
(MAX_19031208_Copperman_flk.212)

[8] The use of *kɔr* in this function can be seen in the following examples: *sɛjim kül* 'bad house' in the sentence 'The man built a bad house again for the daughter' (KAI_19040202_TwoGirls_flk.040) and *mäšni säim-kɔr* 'clothes bad-PRED' in the sentence 'Look, his suit is bad, that's why he doesn't like it' (KAI_19040202_BoyAndFox_flk.050).

Generally, in Southern Mansi, the instrumental marker is used in depictive contexts with comitative meaning; see examples (38)—(39). The instrumental suffix itself does not have a comitative function, as it is not attested in genuine ComCs.

(38) *mičäx il-änt-äl äm-än läkänäw-**əl**, …*
girl go-FRQ-PRS[3SG] 1SG-LAT doll-INS
'A little girl comes to me **with** a doll (crying on the porch)'
(SPI_18890420_GirlAndBoy_flk.019)

(39) *šärkəś-ən muś ɔltən sɔntɔk^{h}-əl möw-u-s, ti sɔntɔk^{h}-**əl***
eagle-LAT little gold box-INS give-PASS-PST[3SG] this box-INS
l'ɔx sei ju-miń-änt
road along home-go-PRS[3SG]
'The eagle has given him a small golden box; **with** this box, he goes home along the road'
(SPI_18890420_Exil_flk.021)

The same meaning can also be expressed by means of a paraphrase. Thus, 'the man went into the forest with his weapon' can be paraphrased as 'the man took his weapon and went to the forest' (40).

(40) *kiit-əm ääńčux mɔltɔx wu-s soj-nɔ miń-äs*
send-PTCP.PST old_man weapon take-PST[3SG] sparse_forest-LAT go-PST[3SG]
'The exiled old man took his weapon and went into the forest'
(SPI_18890420_Exil_flk.006)

5.6. ComCs with a core NP in non-subject functions

The examples in which the core NP is not a subject require separate consideration.

Examples (41)—(42), containing the comitative suffix, are instances of coordinating ComCs. In (41), the core NP, which is the agent of a passive construction, is marked by the lative, whereas in (42), the core NP is marked by the ablative and functions as an adjunct.

(41) [*jiinička-**näät** pil'kää-n*] *jäkt-iim jüü-täj-üü-s*
Inichke-COM Pilke-LAT cut-CVB PRF-eat-PASS-PST[3SG]
'Inichke and Pilke have slaughtered them and eaten them' (lit. 'They [two bulls] were eaten by Inichke and Pilke')
(KZE_19040108_Dialog_conv.017)

(42) *mäləm-t-s-til, äsräil kol't-s iń jil,*
pull_out-CAUS-PST-3SG.S.SG.O devil leave_behind-PST[3SG] now PRF
*košot kol't-s [oxšɔr-**nät** miškärx-näl]*
far leave_behind-PST[3SG] fox-COM young_man-ABL
'He pulled it out, the devil now is left behind, staying far away from the fox and the boy.'
(KAI_19040202_BoyAndFox_flk.040)

The situation with direct objects is less straightforward.

In (43), the core NP functions as a direct object and bears accusative marking. On the one hand, this construction resembles a coordinating ComC because it has the characteristic structure "X-COM Y." On the other hand, the verb shows singular object agreement, suggesting that it agrees

with the core NP alone rather than with the core and peripheral NPs as a plural constituent. However, as we indicated in the Introduction, object agreement is not fully productive in Southern Mansi. The corpus contains examples in which the object marker is singular despite the object being plural, as in (44) = (1): this sentence contains a coordination via juxtaposition of two NPs, both of which are plural.

(43) *šańix-**näät*** *näjär-ääü-mi* *jünpäl joxt-s-täl*
bridegroom-COM emperor-girl-ACC after come-PST-3SG.S.**SG.O**
'He caught up with the emperor's daughter and her bridegroom'
(MAX_19031208_Copperman_flk.237)

(44) *kwaark-ət šɛkwelʹäk-ət äm jil-pɔš-ɔnt-ɛl-əm*
crow-**PL** magpie-**PL** 1SG PRF-drive-PRS-**SG.O**-1SG.S
'I chased away the crows and magpies'
(MAX_19031224_Hunter_flk.033)

There are also three unambiguous examples in which the core NP functions as a direct object (45)—(47).[9]

(45) *ɛńčüx* *tat-ɔs-tel* *jükä* *ääü-mi* *soi-nɔ*,
old_man take-PST-3SG.S.SG.O woman girl-ACC sparse_forest-LAT
kɛmlʹä itʹmäx kään tat-ɔs *ääw-i* ***jit-l***
soft bread many take-PST[3SG] girl-POSS.3SG with-INS
'The old man led the woman's daughter to the forest, [and] he brought a lot of soft bread [there] with her daughter'
(KAI_19040202_TwoGirls_flk.039)

(46) *kʰoorəm lu* *ikääl-ən,* *ääši* *Šinpɔl* ***jortəl***
three horse saddle-IMP.2SG grandfather Shinpal with
möt solʹ-ne *il-kiit-in*!
other earth-LAT PRF-send-IMP.2SG
'Saddle three horses and send them with his grandfather Shinpal to a foreign land'
(KAT_18880823_Copperman_flk.056)

(47) *tɔɔrəŋ-puu ɔšǫŋ* *kʰaalʹ tärčik-i-**nət*** *nǫŋ-mənəmt-əs*, …
bear-son thick birch root-POSS.3SG-COM up-rip-PST[3SG]
'The bear cub uproots a thick birch tree (and hits the bear with it)'
(SPI_18890419_Bearboy_flk.024)

In (48), the core NP *ńor* 'belt' likewise functions as a direct object. The translation of this sentence may suggest an interpretation in which the belt and the loop form a single NP (i.e., *he cut* [*a belt with a hole*]). There are, however, two reasons to reject this analysis. First, the peripheral NP is dislocated from the core NP, which is not typical of NP dependents in Mansi. Second, NP dependents with proprietive meaning ('having X') are normally marked by attributivizers; cf. *kʰoorəm pöŋ-əp äsräil* 'the three-headed dragon' (three head-ATTR dragon) or *wǫu-ŋ ätäm-ət* 'strong men' (power-ATTR man-PL).

[9] In (47), the peripheral NP may be analyzed as having an adverbial function, specifying the manner in which the birch was extracted: as a whole, 'with its roots.' This may be an instance of a holistic comitative construction in terms of Хомченкова (2026), in which the core and peripheral NPs form a single entity, and the peripheral NP contributes a meaning of entirety or "wholeness".

(48) *ńor jixt-s šiš-näl peeťľä-ti-**nät***
belt cut-PST[3SG] back-ABL loop-POSS.3SG-COM
'He cut a belt with a hole from his back.'
(EAF_19031221_TaleOfPokatikorokh_flk.069)

(49) *jowt-**əŋ**-ńeel-**əŋ** pɛü-m kün-tiil-üp-s pəl tiil-üp-s*
bow-ATTR-arrow-ATTR son-POSS.1SG out-born-MOM-PST[3SG] EMPH born-MOM-PST[3SG]
'My son was born with a bow and an arrow (lit. 'my son, which had a bow and an arrow'), he was born'
(KTE_19040202_Song_sng.001)

5.7. Other: argument ComC

There is one example in the corpus, presented in (50), that falls outside the classification of comitative constructions introduced in Section 4. Following Архипов (2003), this construction can be classified as an "argument ComC" since the predicate in question can govern a comitative complement. In (50), the referent of the peripheral NP has the semantic role of Patient.

(50) *ńoxǧr wäär-eem iń äm töu **jit-əl-i***
what make-1SG now 1SG 3SG with-INS-POSS.3SG
'What should I do with it now?'
(SPI_18890420_Exil_flk.027)

5.8. Summary

To sum up, all three markers under consideration — *jit-əl* 'with-INS,' *jortəl* 'with,' and *-nat/nät* 'COM' — can be regarded as comitative markers since all three occur in genuine ComCs. Their frequencies are broadly comparable (see Table 4). In ComCs with polyadic predicates, only the two postpositions are attested. All three markers also occur in coordinating ComCs, although their distribution differs: the postpositions are used in constructions of the form "X Y-COM," whereas the comitative suffix predominantly occurs in the construction "X-COM Y." Overall, the most frequent comitative marker is *-nat/-nät*; *jitəl* occurs approximately half as often, and the rarest is *jortəl*.

Table 4

Comitative constructions in Southern Mansi

ComC	***-nat/-nät* 'COM'**	***jit-əl* 'with-ins'**	***jortəl* 'with'**
Genuine	4	3	5
With core NP as DO	1		1
With polyadic predicates		11	2
Inclusory		3	
Coordinating (X Y-COM)	4	1	1
Coordinating (X-COM Y)	30		
Coordinating (X-COM Y-COM)	1		
Controversial	4	1	1
Argument		1	
Total	**44**	**20**	**10**

6. Comparison with Northern Mansi

The system of comitative constructions in Northern Mansi[10] is described by Хомченкова and Жорник (2021; 2025).

The basic comitative marker is the postposition *jot*. It occurs in genuine ComCs (51), ComCs with polyadic predicates (52), coordinating ComCs (53), and inclusory ComCs (54).

(51) *Тав юрт-э ёт ёхт-ыс*
taw jurt-e ***jot*** *joxt-əs*
3SG friend-POSS.3SG COM come-PST
'He came with his friend'
(Бахтиярова & Динисламова 2016 : 136)

(52) *Эква-пыгрись хон аги ёт анигл-ахт-и, сипыг-хат-и*
ēkwa-pīγri xōn āγi ***jot*** *ańiγl-axt-i sipiγ-xat-i*
Ekwa-Pygris tsar girl COM kiss-REFL-NPST suck-REFL-NPST
'Ekwa-Pygris and the tsar's daughter are hugging and kissing'
(Сайнахова 1966 : 123)

(53) *Татьяна Филипповна ты ӑги-тэ ёт тэ̄лы маснут ос*
taťjāna fil'īpovna ti āγi-te ***jot*** *tēli masnut os*
Tatyana Filippovna this girl-POSS.3SG COM winter clothes ADD
пурка ю̄нт-э̄-г, тувыл тынал-ы-ян-э̄н
purka jūnt-ē-γ tuwəl tinal-i-jan-ēn
fur_boots sew-NPST-3DU then sell-NPST-PL.O-3DU.S
'Tatyana Filippovna and her daughter sew winter clothes and fur boots, then sell them'
(Lūimā Sēripos, 2013, No. 9: 10)

(54) *tuwəl mēn jurt-xum-im* ***jot*** *tuw ta worat-as-mēn*
then 1DU friend-man-POSS.1SG COM to_there PTCL strive-PST-1DU
ta massin-na
that car-LAT
'Then my friend and I asked to get into that car'
(ULMC: AEJ_SP_030218_lovestory)

This postposition is also attested, although only to a limited extent, in depictive ComCs (55).

(55) *ʔjeńa saγrap* ***jot*** *joxt-əs*
Eugene axe COM come-PST
'Eugene came with an axe'
(Хомченкова & Жорник 2021 : 138)

The instrumental case suffix *-(ə)l, -təl* is also attested in genuine ComCs (56)—(57). However, this use of the instrumental is considered ungrammatical by contemporary speakers (Хомченкова & Жорник 2021), suggesting that this function of the instrumental may have been lost. Similarly, Скрибник and Афанасьева (2007 : 58), Riese (2001 : 26), and Bakró-Nagy Sipőcz and Skribnik (2022 : 543) argue that comitative meaning in Northern Mansi is primarily expressed by the postposition *jot*.

[10] Many of the Northern Mansi examples we use are taken from published sources or archival collections, where the language is represented in different variants of the Cyrillic or Latin-based orthography. In these cases, we preserve the writing system of the original.

(56) *as-e-**tьl*** *min-i*
father-POSS.3SG-INS go-NPST
'[s/he] goes with her/his father'
(Чернецов 1937 : 176)

(57) *Akw ekw̯ ɔ̄l-i, pɿγ-ē-**təl** ɔ̄l-i*
one woman live-NPST boy-POSS.3SG-INS live-NPST
'One woman lives, lives with her son'
(VChA: case 54, text 12)

The instrumental suffix is mainly used in coordinating ComCs (58) and inclusory ComCs (59).

(58) *T. Ɔ.*[11] *mȯs nè-**l*** *aku̯ āni-n ūnt-s-ɿγ*
bear man Mosh woman-INS one bowl-LAT sit-PST-3DU
'A bear man and a Mosh woman sat down at the same plate'
(VChA: case 51, text 1)

(59) *mēn ruɕ āγi-**l** xal-mēn jōm-iγt-as-men*
1DU Russian girl-INS between-POSS.1DU walk-ASP-PST-1DU
'The Russian girl and I went together'
(ULMC: AEJ_SP_030218_lovestory)

In these constructions, the dual possessive marker may be used to refer to the two conjoined NPs (Murphy 1968 : 86—87), as in (60)—(61). Example (61) in particular shows that the marker does not have its literal possessive meaning ('my husband' rather than 'the husband of the two of us').

(60) *ań ōjka ēkwa-te āγi-tēn-**təl** sas rāt-s-aγ(-e)*
now man woman-POSS.3SG girl-POSS.3DU-INS both beat-PST-DU.O-3SG.S
'That man beat his wife and daughter'
(Ромбандеева 1973 : 54)

(61) *Мēн ōйка-мēн-**тыл** аквхойпулув тāл аквъёт ōл-ы-мēн*
*mēn ōjka-mēn-**təl** akwxojpluw tāl akwjot*[12] *ōl-i-mēn*
1DU man-POSS.1DU-INS eleven year together be-NPST-1DU
'My husband and I have been living together for eleven years'
(Бахтиярова & Динисламова 2016 : 13)

Finally, there is the lexeme *tāγ(ə)l* 'full,' which is used primarily in depictive ComCs; see also Sipőcz 2017. It occurs with a noun marked by the attributivizer *-əŋ* 'PROP.' It can be considered a holistic comitative marker because it contributes the meaning of 'wholeness' and is typical in such contexts (62)—(64) (see Хомченкова & Жорник 2025 for further discussion).

(62) *tār-əŋ **tāγl** nōx=xart-s-an-e*
root-PROP full up=pull-PST-PL.O-3SG.S
'He uprooted them' (lit. 'pulled them out along with the roots')
(Сайнахова 1966 : 137)

(63) *Ё̄рнкол-ыӈ **тāйыл** сӯй-ын вāнтл-аӈкв*
*jōrnkol-əŋ **tāγəl** sūj-ən wāntl-aŋkw*
chum-PROP full pine_forest-LAT move-INF

[11] T. Ɔ. — the abbreviated spelling of *torew* 'bear (white)' and *ōjka* 'man'.
[12] The adverb *akwjot* consists of discernible elements *akw* 'one' and the comitative postposition *jot*, however, for clarity we prefer to gloss it as one word meaning 'together', since the meaning is not compositional.

'Move to a pine forest with your chum'
(Бахтиярова & Динисламова 2016 : 98)

(64) *luw-iŋ lūt-iŋ* ***tayil*** *jol-uj-is*
horse-PROP SIMIL-PROP full down-swim-PST[3SG]
'He drowned with his horse and everything'
(Munkácsi & Kálmán 1986 : 278)

Because of its holistic semantics, it is difficult to draw a clear boundary between genuine and depictive ComCs with *tāγəl*. For some speakers, *tāγ(ə)l* is possible with animate NPs (65). Unlike the basic comitative marker *jot*, however, it does not function as a simple pluralizing device. When used in such contexts, it emphasizes the subordinate status of the referent of the comitative NP in relation to that of the core NP. This interpretation is particularly apparent with proper names, although such uses of *tāγəl* are rather marginal: the construction conveys that the referents of the core and comitative NPs do not have equal status; cf. (66a) and (66b).

(65) *mōt nak-t am ńāwram-əŋ* ***tāγəl*** *joxt-ēγ-m*
other occurrence-LOC 1SG child-PROP full come-NPST-1SG
'Next time I will come with my child'
(Сайнахова 1966 : 137)

(66) a. *Жēня Ӯнтя ёт ёхт-ыс*
jēńa ūńťa ***jot*** *joxt-əs*
Eugene Andrew COM come-PST[3SG]
'Eugene came with Andrew'

b. *ʔЖēня Ӯнтя-ŋ* ***тāгыл*** *ёхт-ыс*
jēńa ūńťa-ŋ ***tāγəl*** *joxt-əs*
Eugene Andrew-PROP full come-PST[3SG]
'Eugene came with Andrew' (e.g., if Andrew is Eugene's younger brother or son)
(Хомченкова & Жорник 2025 : 101)

Table 5 provides a summary.

Table 5

Comitative and related constructions in Northern Mansi

ComC	***jot*** **'COM'**	***-l*** **'INS'**	***tāγəl*** **'full'**
Genuine	OK	–	?
Depictive	?	–	OK
With polyadic predicates	OK	–	–
Coordinating	OK	OK	–
Inclusory	OK	OK	–

The functions of the Southern Mansi postpositions *jitəl* and *jortəl* are broadly similar to those of Northern Mansi *jot*, except that the former were not attested in depictive ComCs. The Southern Mansi comitative suffix *-nat/ -nät* is likewise comparable to the Northern Mansi instrumental suffix *-l*, since both are predominantly used in coordinating constructions. The Northern Mansi suffix *-l*, however, is also attested in inclusory ComCs, whereas *-nat/ -nät* was not found in this function in Southern Mansi. At the same time,

-nat/-nät is attested in genuine ComCs, unlike the Northern Mansi instrumental suffix *-l*. The latter appears to have had this function at an earlier stage but subsequently lost it. The Southern Mansi instrumental, in turn, has no comitative functions. Of the construction types discussed in this section, it occurs only in depictive constructions, as in (38)—(39) in Section 5.5. A summary of the Southern Mansi system is provided in Table 6.

Table 6

Comitative and related constructions in Southern Mansi

ComC	***jit-əl* 'with-ins'**	***jortəl* 'with'**	***-l* 'INS'**	***-nat/-nät* 'COM'**
Genuine	OK	OK		OK
Depictive			OK	
With polyadic predicates	OK	OK		
Coordinating	OK	OK		OK
Inclusory	OK			

There is also a lexeme *täul* 'full' in Southern Mansi (with the variants *täul*, *tɛül*, *tɛil*, and *täjl* attested in the corpus); see (67). This lexeme is cognate with Northern Mansi *tāγəl*, but it was not attested in any comitative constructions.

(67) *äm jü-täj-äp-iü-m* ***täjl***
1SG in-eat-MOM-PASS-1SG full
'… he is going to eat me …'
(KAI_19040202_BoyAndFox_flk.034)

7. Typological profile of Mansi comitatives

Three major typological works address the cross-linguistic properties of comitatives: Stassen 2000; Stolz & Stroh & Urdze 2006; Arkhipov 2009. Mansi comitative constructions have already been analyzed within the framework proposed by Arkhipov (2009). In this section, we first discuss the Mansi data in terms of Stassen's (2000) distinction between AND-languages and WITH-languages, which is based on the availability of a coordinating marker. We then turn to comitative/instrumental syncretism and discuss the classification proposed by Stolz & Stroh & Urdze (2006) from this perspective.

7.1. AND-languages and WITH-languages

Stassen (2000) divides languages into two main groups: AND-languages and WITH-languages. AND-languages have both a coordinating strategy (e.g., *Ann and Peter left*) and a comitative strategy (e.g., *Ann left with Peter*), whereas WITH-languages have only a comitative strategy (Stassen 2000 : 21, 23). These two groups differ in their frequency and stability. In Stassen's (2000) sample, AND-languages are approximately twice as numerous as WITH-languages. At the same time, there is a tendency for WITH-languages to develop coordinating constructions (see also Mithun 1988; Heine & Kuteva 2002 : 80—82). Thus, WITH-languages may become AND-languages.

Stassen (2000 : 26) also identifies a third group, mixed WITH-languages, in which coordinating and comitative strategies are formally distinct, but the same comitative marker is used in both types of construction. In other

words, a comitative marker can occur not only in genuine ComCs but also in coordinating ComCs in Arkhipov's (2009) terminology.

Arkhipov modifies Stassen's classification as follows (Архипов 2009 : 161):

- AND-languages (e.g., English): coordinating constructions are available, but coordinating ComCs are not;
- WITH-languages (e.g., Samoan < Austronesian): neither coordinating constructions nor coordinating ComCs are available;
- mixed AND-languages (e.g., Russian): both coordinating constructions and coordinating ComCs are available;
- mixed WITH-languages (e.g., Acehnese < Austronesian): coordinating constructions are unavailable, but coordinating ComCs are available.

Stassen's WALS map (Stassen 2013) adopts an even simpler classification than the original proposal (Stassen 2000). AND-languages are those in which the markers corresponding to 'and' and 'with' are distinct, whereas WITH-languages are those in which they are identical. Mansi is not represented on this map.

Based on the data presented above, both Mansi languages can be classified as AND-languages in Stassen's (2013) terminology and as mixed AND-languages in Arkhipov's (2009) classification. Both languages have coordinating constructions: juxtaposition is the basic strategy in Southern Mansi, while several coordinating strategies are available in Northern Mansi (Хомченкова & Жорник 2021). Both languages also have coordinating ComCs.

7.2. Instrumental/comitative syncretism

Stolz, Stroh and Urdze (2006) investigate the categories with which comitative markers are syncretized, with particular attention to comitative/instrumental syncretism. They distinguish three major types: A, B, and C. In A-type languages, the comitative and instrumental are expressed by separate markers. In B-type languages, a single marker expresses both comitative and instrumental meanings (like English *with*). C-type languages are further divided into two subtypes. In the first, the comitative subtype, a comitative-instrumental marker coexists with a separate comitative marker that does not have instrumental functions. In the second, the instrumental subtype, a comitative-instrumental marker coexists with a separate instrumental marker that does not have comitative functions (Stolz & Stroh & Urdze 2006 : 102). C-type languages are relatively rare.

The corresponding WALS map (Stolz & Stroh & Urdze 2013) distinguishes three groups: identity (B-type languages), differentiation (A-type languages), and mixed (C-type languages). This classification is somewhat simpler because C-type languages are not divided into the two subtypes described above. In the WALS sample, 66% of languages are classified as A-type, 24% as B-type, and 10% as C-type.

According to Stolz & Stroh & Urdze 2013, Mansi is classified as a mixed language. This classification is based on the data in Kálmán (1976), who states that the Northern Mansi instrumental marker is used to express an instrument or an accompanying person (Kálmán 1976 : 42). The postposition *jot* is also listed among the postpositions and is translated as 'with' (Kálmán 1976 : 54).

Our data present a more complex picture (see Table 7). There is evidence that earlier Northern Mansi was a C-type (mixed) language of the comitative subtype. Contemporary Northern Mansi, however, can be classified as an A-type (differentiation) language, since the instrumental marker is no longer used in genuine ComCs. Southern Mansi likewise belongs to the A-type, as its instrumental marker has no comitative functions.

Table 7

Types of Mansi languages in terms of Stolz & Stroh & Urdze 2013

Language	Type	Comment
Southern Mansi	Differentiation (A-type)	The instrumental marker has no comitative functions.
Northern Mansi (earlier)	Mixed (C-type, comitative subtype)	The instrumental marker has comitative functions; a separate comitative marker (the postposition *jot*) is also available.
Northern Mansi (contemporary)	Differentiation (A-type)	The instrumental marker has no comitative functions.

8. Conclusion

This study has described the system of comitative markers in the extinct Southern Mansi language on the basis of corpus data and compared it with the comitative system of Northern Mansi, which is still spoken today. The typological profiles of both languages were then established with reference to Stassen 2000, Stolz & Stroh & Urdze 2006, and Arkhipov 2009.

Southern Mansi has three comitative markers: the postpositions *jitəl* and *jortəl* and the suffix *-nat/-nät*. All three occur in genuine ComCs. Unlike the postpositions, the comitative suffix cannot attach to personal pronoun stems.

In addition to genuine ComCs, the postpositions are also attested in ComCs with polyadic predicates and in coordinating ComCs, where they occur in the structure "X Y-COM." The postposition *jitəl* is additionally attested in split-type inclusory ComCs. The suffix *-nat/-nät*, by contrast, occurs predominantly in coordinating ComCs with the structure "X-COM Y." The use of comitative markers in these "quasi"-ComCs is typologically widespread.

Northern Mansi lacks a comitative case marker, and its basic comitative marker is the postposition *jot*. This marker occurs in genuine ComCs, ComCs with polyadic predicates, coordinating ComCs, and inclusory ComCs in Arkhipov's (2009) classification. It is cognate with the Southern Mansi postpositions *jitəl* and *jortəl*, which have a similar distribution.

The instrumental case marker in Northern Mansi appears to have had comitative functions at an earlier stage, but this function has apparently been lost. In contemporary Northern Mansi, the instrumental is mainly used in coordinating and inclusory constructions.

The instrumental marker in Southern Mansi has no comitative functions. Its functions in coordinating constructions are fulfilled by the comitative suffix *-nat/-nät*. The instrumental is attested in depictive constructions ('come with a bag'), whereas Northern Mansi primarily uses the lexeme *tāγəl* 'full' in such contexts. The cognate Southern Mansi lexeme *täul* 'full,' with the

variants *täul*, *tɛül*, *tɛil*, and *täjl* in the corpus, was not attested in comitative constructions.

In terms of Stassen (2000), as modified by Arkhipov (2009), both Mansi languages are mixed AND-languages, since both have coordinating constructions as well as coordinating ComCs.

In terms of the classification of Stolz & Stroh & Urdze 2006; 2013, Southern Mansi is a language with differentiation (A-type), since it has separate comitative and instrumental markers. Contemporary Northern Mansi likewise belongs to this type, as the instrumental marker no longer has comitative functions. Earlier Northern Mansi, however, appears to have been a mixed language (C-type, comitative subtype), since the instrumental marker had comitative functions while a separate comitative marker, the postposition *jot*, was also available.

Data availability statement: Data are contained within the article.

Acknowledgments. The research has been supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00285-П, Lomonosov Moscow State University). We would like to thank the two anonymous reviewers for their valuable suggestions and for pointing us to some useful references, which we included in the article.

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Irina Khomchenkova
Lomonosov Moscow State University (Moscow)
E-mail: irina.khomchenkova@yandex.ru

Daria Zhornik
Institute of Linguistics, RAS (Moscow)
E-mail: daria.zhornik@yandex.ru

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABL — ablative; ACC — accusative; ADD — additive; ADJZ — adjectivizer; ASP — aspectual marker; ATTR — attributivizer; CAUS — causative; COM — comitative; COND — conditional; CVB — converb; DEF — definite; DIM — diminutive; DU — dual; EMPH — emphatic particle; FRQ — frequentative; IMP — imperative; INF — infinitive; INS — instrumental; LAT — lative; LOC — locative; M — masculine; MD — middle voice; MOM — momentative; NEG — negation; NMLZ — nominalization; NOM — nominative; NPST — non-past tense; O — object marker; OBL — oblique form; PASS — passive voice; PL — plural; POSS — possessive; PRED — predicative; PRF — perfective; PROP — proprietive; PRS — present tense; PST — past tense; PTCL — particle; PTCP — participle; REFL — reflexive; S — subject marker; SG — singular; SIMIL — similative; TRL — translative.

Lūimā Sēripos — The newspaper "Лӯимā Сэ̄рипос" in Northern Mansi. https://khanty-yasang.ru/luima-seripos; **ULMC** — D. Zhornik, S. Pokrovskaya, V. Kharitonov, Upper Lozva Mansi Corpus. Available upon request; **VChA** — V. Chernetsov's archive. V. M. Florinsky Museum of the History, Archaeology and Ethnography of Siberia, exhibit 869.

REFERENCES

Arkhipov, Alexandre 2009, Comitative as a cross-linguistically valid category. — New Challenges in Typology. Transcending the Borders and Refining the Distinctions, Berlin—New York: De Gruyter Mouton, 223—246.

Bakró-Nagy, Marianne 2024, 19th century fieldwork methodology in Southern Mansi and the reliability of data [Presentation]. https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/media/downloads/bakro-nagy_leiden_presentation.pdf.
Bakró-Nagy, Marianne & Sipőcz, Katalin & Skribnik, Elena 2022, North Mansi. — The Oxford Guide to the Uralic languages, Oxford: Oxford University Press, 537—564.
Camacho, José 2000, Structural restrictions on comitative coordination. — Linguistic Inquiry 31 (2), 366—375.
Fokos, Dávid 1907, A *-nál* rag eredete. — Magyar Nyelvőr 36, 22—23.
Forsberg, Ulla-Maija 2018, Short Grammatical Description of Khanty. — Ostiacica, Helsinki: Finno-Ugrian Society (Manuscripta Castreniana, Linguistica V), 11—37.
—— 2024, Mansi dialects. — The Languages and Linguistics of Northern Asia. Volume 1: Language Families, Berlin—Boston: De Gruyter Mouton, 281—304.
Heine, Bernd & Kuteva, Tania 2002, World Lexicon of Grammaticalization, Cambridge: Cambridge University Press.
Himmelmann, Nikolaus & Schultze-Berndt, Eva 2005, Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: An introduction. — Secondary Predication and Adverbial Modification, Oxford: Oxford University Press, 1—67.
Honti, László 1975, System der paradigmatischen Suffixmorpheme des Wogulischen Dialektes an der Tawda, Berlin—Boston: De Gruyter Mouton.
—— 1984, Chrestomathia Ostiacica, Budapest: Tankönyvkiadó.
—— 1988, Die obugrischen Sprachen I: Die wogulische Sprache. — The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences, Leiden: Brill, 147—171.
Kálmán, Béla 1976, Chrestomathia Vogulica, Budapest: Tankönyvk.
Kannisto, Artturi 1951, Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. I. Band. Texte mythischen Inhalts, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 101).
—— 1955, Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. II. Band. Kriegs- und Heldensagen, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 109).
—— 1956, Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. III. Band. Märchen, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 111).
—— 1958, Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. IV. Band. Bärenlieder, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 114).
—— 1963, Wogulische Volksdichtung gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. VI. Band. Schicksalslieder, Klagelieder, Kinderreime, Rätsel, Verschiedenes, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 134).
Keresztes, László 1998, Mansi. — The Uralic Languages, London—New York: Routledge, 387—427.
Mithun, Marianne 1988, The grammaticalization of coordination. — Clause Combining in Grammar and Discourse, Amsterdam: Benjamins, 331—359.
Munkácsi Bernát 1894, A vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve. — Ugor füzetek 11, Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
—— 1896, Vogul népköltési gyűjtemény IV/1. Életképek: sorsénekek, vitézi énekek, állati énekek. Néprajzi apróságok. A vogul föld helynevei, Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
Munkácsi, Bernát & Kálmán, Béla 1986, Wogulisches Wörterbuch, Budapest: Akadémiai Kiadó.
Murphy, Lawrence 1968, Sosva Vogul Grammar. PhD thesis, Bloomington: Indiana University.
Rédei, Károly 1970, Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen, Budapest: Akadémiai Kiadó.
Riese, Timothy 2001, Vogul, München: Lincom Europa.
Sherwood, Peter 1996, Megjegyzések a tavdai vogul végnapjairól. — CIFU VIII. Pars IV, 244—248.
Sipőcz Katalin 2017, Még egyszer a *-stul/-stül* toldalékról egy manysi grammatikalizációs folyamat tükrében. — Nyelvelmélet és diakrónia 3, Budapest—Piliscsaba: Pázmány Péter Katolikus Egyetem BTK, 126—136.

Sipőcz, Katalin & Wagner-Nagy, Beáta 2025, INEL Tavda Mansi Corpus. Version 1.0. Publication date 2025-05-15. Archived at Universität Hamburg. https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE69-6; https://inel.corpora.uni-hamburg.de/TavdaMansiCorpus/search.
Skribnik, Elena & Laakso, Johanna 2022, Ugric: General introduction. — The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 523—536.
Stassen, Leon 2000, AND-languages and WITH-languages. — Linguistic Typology 4 (1), 1—54.
—— 2013, Noun Phrase Conjunction. — WALS Online (v2020.4) [Data set]. Zenodo. https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591; http://wals.info/chapter/63.
Stolz, Thomas & Stroh, Cornelia & Urdze, Aina 2006, On Comitatives and Related Categories. A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe, Berlin—New York: Mouton de Gruyter.
—— 2013, Comitatives and Instrumentals. — WALS Online (v2020.4) [Data set]. Zenodo. https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591; http://wals.info/chapter/52.
Szilágyi Norbert 2015, A déli manysi tárgyjelölés szintaktikai szempontú vizsgálata. — LINGDOK 14. Nyelvészdoktoranduszok dolgozatai, Szeged: Szegedi Tudományegyetem, 199—220.
Архипов А. В. 2003, Проблемы автоматического анализа комитативных групп в русском языке. — Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2003 (Протвино, 11—16 июня 2003 г.), Москва: Наука, 36—42.
—— 2009, Типология комитативных конструкций, Москва: Знак.
Бахтиярова Т. П. & Динисламова С. С. 2016, Мансийско-русский словарь (верхне-лозьвинский диалект), Тюмень: ООО «Формат».
Коряков Ю. Б. 2022, Изменение этноязыковой территории западных и южных манси в XVII—XX вв. Часть I. Предуралье и бассейн Туры. — Урало-алтайские исследования 2, 58—78.
Ромбандеева Е. И. 1973, Мансийский (вогульский) язык, Москва: Наука.
Сайнахова А. Н. 1966, Служебные слова в мансийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва: Институт языкознания АН СССР.
Скрибник Е. К. & Афанасьева К. В. 2007, Практический курс мансийского языка. Ч. I, Ханты-Мансийск: Полиграфист.
Хомченкова И. А. 2026, Холистические комитативные конструкции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва: Институт языкознания РАН.
Хомченкова И. А. & Жорник Д. О. 2021, Именное сочинение и комитативные конструкции в северных диалектах мансийского языка. — Урало-алтайские исследования 4, 125—149.
—— 2025, Комитативные конструкции с единицами *tāγəl* 'полнота' и *lūt* 'все прочее' в северномансийском языке. — Урало-алтайские исследования 1, 94—117.
Чернецов В. Н. 1937, Мансийский (вогульский) язык. — Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов, Москва—Ленинград: Учпедгиз, 163—192.

ИРИНА ХОМЧЕНКОВА, *ДАРЬЯ ЖОРНИК* (Москва)

КОМИТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЮЖНОМАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье в терминах Л. Стассена и А. В. Архипова описываются комитативные маркеры — послелоги *jitəl* и *jortəl*, а также падежный показатель *-nat*/*-nät* — в исчезнувшем южномансийском языке на основе корпусных данных, и проводится сравнение с материалом северномансийского языка. Исследуемые показатели употребляются в собственно комитативной конструкции (например, 'пойти с

кем-то'). Послелоги также используются в актантной конструкции с симметричными предикатами ('драться с кем-то') и в сочинительной комитативной конструкции (со структурой «X Y-COM V.PL»). Послелог *jitəl* встречается и в инклюзорных конструкциях ('мы с Петей' = 'я и Петя'). Суффикс *-nat/-nät* используется преимущественно в сочинительной комитативной конструкции вида «X-COM Y V.PL»; в отличие от послелогов, он не присоединяется к основам личных местоимений. В северномансийском языке комитативный падеж отсутствует, и основным комитативным показателем является послелог *jot*, имеющий схожую дистрибуцию с южномансийскими послелогами *jitəl* и *jortəl*. Ранее в северномансийском языке в комитативной функции выступал также показатель инструментального падежа *-l, -təl*, однако в современном языке он используется прежде всего в сочинительной и инклюзорной комитативных конструкциях. В южномансийском языке инструментальный падеж не имеет сочинительных или комитативных функций. Он встречается в депиктивной конструкции ('уйти с сумкой'), тогда как в северномансийском в таких контекстах используется лексема *tāγəl* 'полный'. В южномансийском корпусе когнатная лексема *täul* 'полный' в комитативных конструкциях не зафиксирована. В терминах Л. Стассена, дополненных А. В. Архиповым, оба этих языка относятся к языкам смешанного типа 'AND', поскольку в них представлены как сочинительные конструкции, так и сочинительные комитативные конструкции. По классификации Т. Штольца, южномансийский язык относится к языкам «с дифференциацией» (тип A), поскольку в нем есть отдельные комитативные и инструментальный показатели. Северномансийский язык в современном состоянии также относится к этому типу, однако на более раннем этапе, по-видимому, он принадлежал к «смешанному» типу (тип C), поскольку инструментальный падеж обладал комитативными функциями и при этом существовал отдельный комитативный показатель (послелог *jot*).

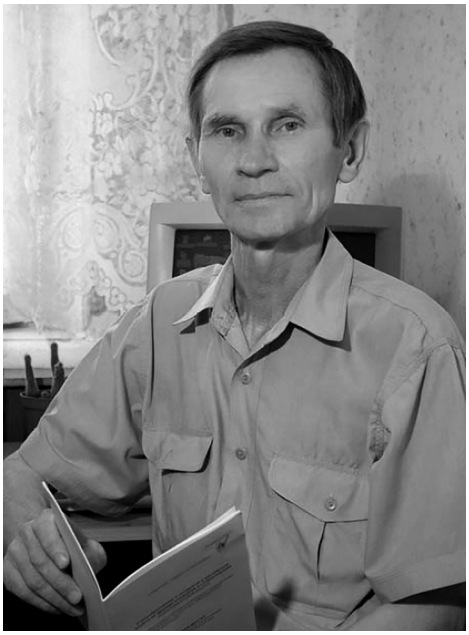
IRINA HOMTŠENKOVA, *DARJA ŽORNIK* (Moskva)

LÕUNAMANSI KOMITATIIVIKONSTRUKTSIOONID

Artiklis kirjeldatakse korpusandmete põhjal lõunamansi keele komitatiivsust väljendavaid keelendeid — tagasõnu *jitəl* ja *jortəl* 'koos' ning käändelõppu *-nat/-nät* — ja võrreldakse neid põhjamansi komitatiivikonstruktsioonidega. Põhjamansi keeles komitatiivi käänet ei ole ja selle tähendust kannab tagasõna *jot* 'koos', mille kasutamine sarnaneb lõunamansi tagasõnadega *jitəl* ja *jortəl*. Varem on põhjamansi keeles komitatiivsust väljendatud ka *l-* ja *təl-*tunnuselise instrumentaaliga. Tänapäeva põhjamansi keeles kasutatakse selle tunnusega moodustatud vorme peamiselt rinnastavates ja kaasavates komitatiivikonstruktsioonides. Lõunamansi instrumentaalil seevastu rinnastavat ega komitatiivset tähendust ei ole. L. Stasseni ja A. Arhipovi liigitusest lähtudes võib nii lõuna- kui ka põhjamansi keelt pidada segatüüpi ja-keeleks (*and-language*), sest neis esinevad nii rinnastavad konstruktsioonid kui ka rinnastavad komitatiivikonstruktsioonid. Stolzi, Stroh' ja Urdze liigituse järgi on lõunamansi keel eristav keel, sest selles on eraldi komitatiivi ja instrumentaali tunnused. Samuti kuulub samasse tüüpi tänapäeva põhjamansi keel, mis varem oli ilmselt segatüüpi keel, sest instrumentaalil oli ühtlasi ka komitatiivi tähendus ning peale selle esines eraldi komitatiivimarkerina tagasõna *jot*.

Linguistica Uralica LXII 2026 2 : 263—266 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.07

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК А. Ф. ШУТОВА



8 мая 2026 г. ушел из жизни известный удмуртский ученый-лингвист, ведущий специалист по синтаксису удмуртского языка, доктор филологических наук, заслуженный работник народного образования Удмуртской Республики, ветеран труда Удмуртского государственного университета А. Ф. Шутов.

Александр Федорович родился 18 мая 1947 г. в д. Большие Сибы Можгинского района Удмуртской АССР. По окончании школы продолжил образование в Можгинском педагогическом училище — кузнице удмуртских педагогических кадров. Несколько лет проработав в сельской школе учителем, в 1970 г. поступил на удмуртское отделение филологического факультета Удмуртского государственного педагогического института (с 1971 г. — Удмуртский государственный университет), который закончил в 1975 г. За отличную учебу А. Ф. Шутов был удостоен стипендии имени В. И. Ленина. Будучи студентом, он начал активно заниматься научно-исследовательской деятельностью.

После завершения учебы в университете Александр Федорович обучался в аспирантуре Института языкознания АН СССР (г. Москва). В 1980 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Абсолютные обороты в удмуртском языке» под руководством всемирно известного академика АН СССР, доктора филологических наук Б. А. Серебренникова. Так синтаксис удмуртского языка стал его визитной карточкой в удмуртском и пермском языкознании.

Диссертационная работа посвящена комплексному исследованию абсолютных оборотов в удмуртском языке, к которым автор относит так называемые субъектные деепричастные конструкции и субъектные конструкции, стержневыми словами которых являются глагольно-именные формы с суффиксами -(*э*)*мен*, -(*э*)*мысь*, -(*э*)*мъя*, -(*о*)*нъя*. Данная проблема в удмуртском языкознании считалась одной из наиболее сложных и дискуссионных. А. Ф. Шутовым впервые проведен синхронный анализ удмуртских абсолютных оборотов с выявлением их синонимичных конструкций, изучена история происхождения данных синтаксических образований и установлены тенденции их дальнейшего развития в удмуртском языке.

В 1979 г. Александр Федорович начал работать Удмуртском государственном университете и посвятил всю свою жизнь и педагогическую деятельность воспитанию удмуртских кадров и развитию удмуртского языкознания. В 1992 г. был деканом факультета удмуртской филологии, в 2006—2010 гг. — заведующим кафедрой удмуртского языка и методики его преподавания, до 2012 г. работал в данном учреждении в должности профессора.

© 2026 Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).

В 2002 г. в Марийском государственном университете (г. Йошкар-Ола) состоялась защита докторской диссертации А. Ф. Шутова на тему «Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке». Данный труд является итогом многолетней работы автора по всестороннему изучению истории возникновения и эволюции гипотактических конструкций удмуртского языка. По данной теме Александром Федоровичем подготовлен целый цикл статей и пособие для студентов «Гипотаксис в удмуртском языке» (1999).

А. Ф. Шутов является автором более 100 научных трудов, основная часть которых посвящена разработке актуальных проблем синтаксиса удмуртского языка. В статьях, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях, им исследованы проблемы дифференциации сложных и осложненных предложений в удмуртском языке (1984), вопросы согласования определений с определяемым словом в пермских языках (1987), проблемы порядка слов в удмуртском и пермских языках (1988; 1993; 1998; 2000; 2008), вопросы обособления членов предложения (1998) и др. Александром Федоровичем изучены разные типы сложных предложений в удмуртском и коми языках (2001; 2002; 2003; 2005; 2008), атрибутивные и субстантивные словосочетания с зависимыми именами существительными в удмуртском языке (1987; 1990), различные субъектные синтаксические конструкции в удмуртском языке (1977; 1978; 1979; 1999; 2001), синтаксические параллели в пермских языках (2001) и др.

Значимое место в научном творчестве А. Ф. Шутова занимают труды по морфологии удмуртского языка. Совместно с другими языковедами он принимал активное участие в подготовке научно-учебного издания «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез) = Морфология удмуртского языка» (2011), представляющего большую ценность для специалистов в области лингвистики. Александром Федоровичем проделана большая работа по изучению причастий, деепричастий и неопределенной формы глагола (инфинитива).

А. Ф. Шутовым предпринята попытка решить спорные вопросы о статусе отглагольных *-м*-овых образований с притяжательным суффиксом в сочетании со вспомогательными глаголами *потыны* 'хотеть', *луыны* 'быть, являться', *вань, вал* 'есть, был/было'. Исследователь определяет эти конструкции как разновидность инфинитива, аргументируя свою позицию наличием аналогичных инфинитивных форм в родственных языках (в частности, в коми и венгерском). В разделе «Каронкыллэн инъет кабез» автор выделяет пять форм подобных сложных инфинитивных образований. Следует подчеркнуть, что проблема таксономии отглагольных форм удмуртского языка сохраняет свою актуальность и в современной лингвистике.

Отдельного внимания заслуживают труды Александра Федоровича по изучению деепричастий. Им подготовлен препринт «Туала удмурт кыл. Каронсям» («Современный удмуртский язык. Деепричастие») (2003) и написана серия статей: «Деепричастия с показателями лица и числа в пермских языках» (2006); «О неизменяемости деепричастий (на материале пермских и русского языков)» (2006) и др. Вслед за С. П. Жуйковым, Д. Р. Фокошем-Фуксом, В. И. Алатыревым исследователь определяет частеречевой статус отглагольных образований с суффиксами *-эмен* (*-емен*), *-мен, -мтэен, -эмысь* (*-емысь*), *-мысь, -мтэысь, -эмъя* (*-емъя*) как деепричастия, тем самым решая вопрос классификации вербальных форм удмуртского языка.

В научном багаже ученого имеются статьи и по другим вопросам морфологии: «Постпозитивные союзы в сложносочиненных предложениях удмуртского языка» (1992), «О статусе лично-притяжательных суффиксов в удмуртском языке» (2005), «Инструменталь и элатив в удмуртском языке: выражение каузальности» (2007), «К истории союза *малы ке шуоно* в удмуртском языке» (2009) и др.

В трудах А. Ф. Шутова затронуты и актуальные проблемы удмуртской

пунктуации: «Удмурт кылын пунктуация удысысь ужпумъёс сярысь» (1993) и др.

Александром Федоровичем подготовлен ряд статей по изучению языка ранних памятников удмуртской письменности — переводных Евангелий и Азбук 1847 года издания (1997; 1999; 2004; 2008), первой грамматики удмуртского языка, вышедшей в свет в 1775 г. (2000) и др. Им исследовано также научное наследие ряда видных ученых: Б. А. Серебренникова (1985), Д. Р. Фокош-Фукса (1987), Г. А. Ушакова (1988), И. В. Тараканова (2003; 2007; 2008), М. Г. Атаманова (2005), К. Герда (2008) и др.

А. Ф. Шутов регулярно выступал с докладами на международных, всероссийских, региональных и республиканских научных конференциях, международных конгрессах финно-угроведов, представляя результаты своих исследований.

В Удмуртском государственном университете Александр Федорович вел большую учебно-воспитательную работу среди студентов. В течение многих лет читал лекции по следующим дисциплинам: «Современный удмуртский язык. Синтаксис», «Удмуртский язык» (на неязыковых факультетах), «Сопоставительная грамматика удмуртского и русского языков» и др.

А. Ф. Шутов хорошо владел коми и финским языками, основами венгерского языка. Все эти знания умело использовал при составлении учебных и методических пособий для студентов, например, «Пермь но финн-угор кылъёслэн ӵошатон грамматиказы» («Сравнительная грамматика пермских и финно-угорских языков») (1985), а также при проведении лекционных и практических занятий, щедро иллюстрируя теоретический материал примерами из удмуртского и других языков.

Выпускники факультета удмуртской филологии (Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики) Удмуртского государственного университета вспоминают своего учителя добрыми словами, отмечая его демократичность, тактичность, скромность, интеллигентность, доброжелательность в общении и построении учебного процесса, подчеркивают его уважительное отношение к каждому студенту.

Александр Федорович в течение всей жизни не терял связи со школой и школьными учителями, активно сотрудничал с КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования». Он является соавтором нескольких учебных программ и пособий для школьников: «Анай кылзэс ляб тодйсь пиналъёсты удмурт кыллы но литературалы дышетон программаос. 5–9-тй классъёслы» (2006), «Анай кыл. 8-тй класс: Удмурт кылэз ляб тодйсь пиналъёслы учебной пособие» (2009) и др. Ученый регулярно принимал участие в проведении курсов повышения квалификации для учителей удмуртского языка и литературы. Он долгое время был в составе жюри Межрегиональной олимпиады школьников по удмуртскому языку, участвовал в разработке заданий, проверке работ и разборе заданий как со школьниками, так и с педагогами.

А. Ф. Шутов был компетентным специалистом и, помимо научной, методической и преподавательской деятельности, успевал выполнять и другие виды работы. В течение нескольких лет он был ученым секретарем и членом диссертационного совета Д 212.275.06 по защите кандидатских и докторских диссертаций по филологическим наукам на базе Удмуртского государственного университета. Александр Федорович уделял много времени редактированию и рецензированию научных и методических трудов по удмуртскому и финно-угорскому языкознанию. Он принимал активное участие в работе Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш», так как его очень волновали проблемы статуса удмуртского языка, вопросы сохранения и развития культуры удмуртского народа.

Александр Федорович — ветеран труда Удмуртского государственного университета. За значительный вклад в подготовку и воспитание национальных кадров отмечен почетным званием

«Заслуженный работник народного образования Удмуртской Республики», награжден почетными грамотами Правительства Удмуртской Республики, администрации г. Ижевска, благодарственными письмами Удмуртского государственного университета.

А. Ф. Шутов был талантливым ученым и авторитетным педагогом. Его уход из жизни является невосполнимой утратой для всего финно-угорского научного сообщества. Светлая память об учителе и ученом останется навсегда в сердцах учеников и воспитанников.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

О. Б. СТРЕЛКОВА, О. В. ТИТОВА
(Ижевск)

Addresses

Olga Strelkova
Udmurt State University (Izhevsk)
E-mail: olstr@mail.ru

Olga Titova
Udmurt Federal Research Center (Izhevsk)
E-mail: ovtitova@rambler.ru

LINGUISTICA URALICA
LXII 2026

CONTENTS

Asu, Eva Liina, Pajusalu, Karl, Lippus, Pärtel, Teras, Pire, In Memoriam Professor Jaan Ross (5 April 1957 — 18 January 2026) . . . 127

Ernštreits, Valts, Trumpa, Anta, Reexamining Latvian Lake Names Ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* 129

Эрнштрейтс Валтс, Трумпа Анта, Ещё раз о названиях озёр Латвии на *-eris, -ēris, -ieris* 154

Ernštreits, Valts, Trumpa, Anta, Läti *eris-*, *-ēris-*, *ieris-*lõpuliste järvenimede taaskäsitlus 154

Kaheinen, Kaisla, Edge, Border, Separation: Etymological Marginalia 180

Кахейнен Кайсла, Край, граница, отделение: этимологические маргиналии 190

Kaheinen, Kaisla, Serv, piir, eemaldamine: etümoloogilisi marginaale 191

Kehayov, Petar, Pajusalu, Karl, Where Did the Language of the Northeastern Estonian Poluverniki Come from? 155

Кехайов Петър, Паюсалу Карл, Откуда происходит язык полуверников Северо-Восточной Эстонии? 179

Kehayov, Petar, Pajusalu, Karl, Kust pärineb Kirde-Eesti poluvernikute keel? 179

Khomchenkova, Irina, Zhornik, Daria, Comitative Constructions in Southern Mansi 237

Хомченкова Ирина, Жорник Дарья, Комитативные конструкции в южномансийском языке 261

Homtšenkova, Irina, Žornik, Darja, Lõunamansi komitatiivikonstruktsioonid 262

Klumpp, Gerson, Tomingas, Marili, About CIFU XIV 2025 110

Lippus, Pärtel, Pajusalu, Karl, Asu, Eva Liina, Teras, Pire, In Memoriam Professor Jaan Ross (5 April 1957 — 18 January 2026) . . . 127

Pajusalu, Karl, Asu, Eva Liina, Lippus, Pärtel, Teras, Pire, In Memoriam Professor Jaan Ross (5 April 1957 — 18 January 2026) . . . 127

Pajusalu, Karl, Kehayov, Petar, Where Did the Language of the Northeastern Estonian Poluverniki Come from? 155

Паюсалу Карл, Кехайов Петър, Откуда происходит язык полуверников Северо-Восточной Эстонии? 179

Pajusalu, Karl, Kehayov, Petar, Kust pärineb Kirde-Eesti poluvernikute keel? 179

Parapatics, Andrea, Yalçınkaya, Ali Can, Szentgyörgyi, Szilárd, A Reassessment of the Adaptation of West Old Turkic Loanwords in Hungarian: New Findings and Perspectives 1

Парапатич, Андреа, Ялчынкая, Али Джан, Сентдьёрдьи, Силард, Переоценка адаптации заимствований из западного древнетюркского языка в венгерском языке: новые результаты и перспективы 13

Parapatics, Andrea, Yalçınkaya, Ali Can, Szentgyörgyi, Szilárd, Ungari keele läänevanaturgi laenude muganemise ümberhindamine: uued avastused ja väljavaated 13

Szentgyörgyi, Szilárd, Yalçınkaya, Ali Can, Parapatics, Andrea, A Reassessment of the Adaptation of West Old Turkic Loanwords in Hungarian: New Findings and Perspectives 1

Сентдьёрдьи, Силард, Ялчынкая, Али Джан, Парапатич, Андреа, Переоценка адаптации заимствований из западного древнетюркского языка в венгерском языке: новые результаты и перспективы 13

Yalçınkaya, Ali Can, Parapatics, Andrea, Szentgyörgyi, Szilárd, Ungari keele läänevanaturgi laenude muganemise ümberhindamine: uued avastused ja väljavaated 13

Teras, Pire, Pajusalu, Karl, Asu, Eva Liina, Lippus, Pärtel, In Memoriam Professor Jaan Ross (5 April 1957 — 18 January 2026) . . . 127
Tomingas, Marili, Klumpp, Gerson, About CIFU XIV 2025 110
Trumpa, Anta, Ernštreits, Valts, Reexamining Latvian Lake Names Ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* 129
Трумпа Анта, Эрнштрейтс Валтс, Ещё раз о названиях озёр Латвии на *-eris, -ēris, -ieris* 154
Trumpa, Anta, Ernštreits, Valts, Läti *eris-*, *-ēris-*, *ieris-*lõpuliste järvenimede taaskäsitlus 154
Vaab, Janek, Variation of the Glottal Stop /ʔ/ in South Estonian Lative Forms 14
Вааб Янек, Варьирование гортанной смычки /ʔ/ в лативных формах южноэстонского языка 36
Vaab, Janek, Kõrisulghääliku /ʔ/ varieerumine lõunaeesti latiivsetes vormides 36
Yalçınkaya, Ali Can, Parapatics, Andrea, Szentgyörgyi, Szilárd, A Reassessment of the Adaptation of West Old Turkic Loanwords in Hungarian: New Findings and Perspectives 1
Ялчынкая, Али Джан, Парапатич, Андреа, Сентдьёрдьи, Силард, Переоценка адаптации заимствований из западного древнетюркского языка в венгерском языке: новые результаты и перспективы 13
Yalçınkaya, Ali Can, Parapatics, Andrea, Szentgyörgyi, Szilárd, Ungari keele läänevanaturgi laenude muganemise ümberhindamine: uued avastused ja väljavaated 13
Zhornik, Daria, Khomchenkova, Irina, Comitative Constructions in Southern Mansi 237
Жорник Дарья, Хомченкова Ирина, Комитативные конструкции в южномансийском языке 261
Žornik, Darja, Homtšenkova, Irina, Lõunamansi komitatiivikonstruktsioonid 262

Алимова Полина, Кашкин Егор, Глаголы и конструкции исчезновения в татышлинском говоре удмуртского языка [Verbs and Constructions of Disappearing in Tatyshly Udmurt] 192
Alimova, Polina, Kaškin, Jegor, Udmurdi keele Tatõšlõ murde kadumisverbid ja kadumiskonstruktsioonid 215
Белова Д. Д., Конструкции с эллипсисом косвенного вопроса в татышлинском говоре удмуртского языка [Sluicing-like Constructions in Tatyshly Udmurt] 216
Belova, Darja, Udmurdi keele Tatõšlõ murde kaudküsimuse ellipsiga konstruktsioonid 236
Бойко Татьяна, Кюршунова Ирина, Нагурная Светлана, К вопросу типологии словарей карельского, вепсского, финского языков [Typology of Karelian, Vepsian and Finnish Dictionaries] 74
Кашкин Егор, Алимова Полина, Глаголы и конструкции исчезновения в татышлинском говоре удмуртского языка [Verbs and Constructions of Disappearing in Tatyshly Udmurt] 192
Kaškin, Jegor, Alimova, Polina, Udmurdi keele Tatõšlõ murde kadumisverbid ja kadumiskonstruktsioonid 215
Ключева М. А., Наименования игры типа *Snow Snake* (нырок) в уральских языках [Designations of games of the type Snow Snake in Uralic languages] 44
Kljutševa, Maria, Uurali keelte lumemaomängude nimetused 73
Кузнецова Маргарита, О трех периодах в изучении марийских диалектов 94
Кюршунова Ирина, Бойко Татьяна, Нагурная Светлана, К вопросу типологии словарей карельского, вепсского, финского языков [Typology of Karelian, Vepsian and Finnish Dictionaries] 74
Максимов Валерий, VII Международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы» 113

Максимов Валерий, Соколов Василий Тимофеевич — 140 118
Нагурная Светлана, Кюршунова Ирина, Бойко Татьяна, К вопросу типологии словарей карельского, вепсского, финского языков [Typology of Karelian, Vepsian and Finnish Dictionaries] 74
Пашкова Татьяна, Семантика и этимология глаголов со значением 'говорить' (на материале ливвиковского наречия карельского языка) [The Semantics and Etymology of Verbs with the Semantics of Speaking in the Livvi Dialect of the Karelian Language] 37
P a š k o v a, T a t j a n a, Aunuse kõnelemist märkivate verbide semantika ja etümoloogia 43
Попова Римма, Пунегова Галина, Ученый, учитель, наставник: к юбилею В. М. Лудыковой 124
Пунегова Галина, Попова Римма, Ученый, учитель, наставник: к юбилею В. М. Лудыковой 124
Родионова А. П., Чикина Н. В., От переводов духовных текстов к эпосу (к юбилею Н. Г. Зайцевой) 120
Стрелкова О. Б., Титова О. В., Светлой памяти доктора филологических наук А. Ф. Шутова 263
Титова О. В., Стрелкова О. Б., Светлой памяти доктора филологических наук А. Ф. Шутова 263
Чикина Н. В., Родионова А. П., От переводов духовных текстов к эпосу (к юбилею Н. Г. Зайцевой) 120

REVIEWS

Ц ы п а н о в Е. А., Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд. Словарь пейоративной лексики коми языка, Сыктывкар: ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, 2024 . . . . . **Пунегова Галина** . 104
Ц ы п а н о в Е. А., Коми ошканкывъяс: зэв лӧсьыдик кывкуд. Словарь мелиоративной лексики коми языка, Сыктывкар. ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024 . . . . . **Пунегова Галина** . 104

CONTENTS

Anta **Trumpa,** Valts **Ernštreits,** Reexamining Latvian Lake Names Ending in *-eris*, *-ēris*, and *-ieris* 129
Анта Трумпа, Валтс Эрнштрейтс, Ещё раз о названиях озёр Латвии на *-eris, -ēris, -ieris* 154
Anta Trumpa, Valts Ernštreits, Läti *eris-*, *-ēris-*, *ieris*-lõpuliste järvenimede taaskäsitlus 154
Petar **Kehayov,** Karl **Pajusalu,** Where Did the Language of the Northeastern Estonian Poluverniki Come from? 155
Петър Кехайов, Карл Паюсалу, Откуда происходит язык полуверников Северо-Восточной Эстонии? 179
Petar Kehayov, Karl Pajusalu, Kust pärineb Kirde-Eesti poluvernikute keel? 179
Kaisla **Kaheinen,** Edge, Border, Separation: Etymological Marginalia 180
Кайсла Кахейнен, Край, граница, отделение: этимологические маргиналии 190
Kaisla Kaheinen, Serv, piir, eemaldamine: etümoloogilisi marginaale 191
Егор **Кашкин,** Полина **Алимова,** Глаголы и конструкции исчезновения в татышлинском говоре удмуртского языка [Verbs and Constructions of Disappearing in Tatyshly Udmurt] 192
Jegor Kaškin, Polina Alimova, Udmurdi keele Tatõšlõ murde kadumisverbid ja kadumiskonstruktsioonid 215
Д. Д. **Белова,** Конструкции с эллипсисом косвенного вопроса в татышлинском говоре удмуртского языка [Sluicing-like Constructions in Tatyshly Udmurt] 216
Darja Belova, Udmurdi keele Tatõšlõ murde kaudküsimuse ellipsiga konstruktsioonid 236
Irina **Khomchenkova,** Daria **Zhornik,** Comitative Constructions in Southern Mansi 237
Ирина Хомченкова, Дарья Жорник, Комитативные конструкции в южномансийском языке 261
Irina Homtšenkova, Darja Žornik, Lõunamansi komitatiivikonstruktsioonid 262

VARIA

О. Б. **Стрелкова,** О. В. **Титова,** Светлой памяти доктора филологических наук А. Ф. Шутова 263
Linguistica Uralica LXII 2026 267

Esikaanel / Front cover: Soome-ugri keeled. Finno-Ugric languages (Eesti entsüklopeedia VII, Tartu 1936)

ISSN 0868-4731
1736-75061

ABBREVIATIONS

AASF — Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Helsinki
ACUT — Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, Tartu
ALFE 1, 2, 3 — Atlas linguarum Fennicarum. Itämerensuomalainen kielikartasto. Läänemeresoome keeleatlas. Ostseefinnischer Sprachatlas. Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков, Helsinki 2004, 2007, 2010 (SKST 800, 800, 1295. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 118, 118, 159)
ALHung. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest
CIFU I — Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapest 1963
CIFU II — Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum I, Helsinki 1968
CIFU III — Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum I, Tallinn 1975
CIFU IV — Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum I—III, Budapest 1978—1981
CIFU V — Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum I—VIII, Turku 1980—1981
CIFU VII — Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum 1—6, Debrecen 1990
CIFU VIII — Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum I—VIII, Jyväskylä 1995—1996
CIFU IX — Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum I—VIII, Tartu 2000 — 2001
CIFU XI — Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum I—IX, Piliscsaba 2010—2011
CIFU XII— Congressus XII Internationalis Fenno-Ugristarum, Oulu 2015
CIFU XIII — Congressus XIII Internationalis Fenno-Ugristarum, Wien 2022. https://cifu13.univie.ac.at/programme/
CIFU XIV— Congressus XII Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu 2025. https://cifu14.ut.ee/programme/
DEWOS — W. Steinitz, Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache 1—15, Berlin 1966—1993
EES — Eesti etümoloogiasõnaraamat, Tallinn 2012. www.eki.ee/dict/ety/
EEW — J. M ä g i s t e, Estnisches etymologisches Wörterbuch I—XII, Helsinki 1982—1983
EK — Eesti Keel, Tartu
EKirj. — Eesti Kirjandus, Tartu
ESA — Emakeele Seltsi Aastaraamat, Tallinn
ESUKA — Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics, Tartu
ETATÜ — Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, Tallinn
ETATÜS — Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste Seeria, Tallinn
FU — Fenno-Ugristica, Tartu (TRÜT)
FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki
FUFAnz. — Anzeiger der Finnisch-Ugrischen Forschungen, Helsinki
FUV — B. C o l l i n d e r, Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages, Hamburg 1977
JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsinki
KK — Keel ja Kirjandus, Tallinn
KKIU — ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused, Tallinn
KSz — Keleti Szemle, Budapest
LSFU — Lexica Societatis Fenno-Ugricae, Helsinki
LU — Linguistica Uralica, Tallinn
MNy — Magyar Nyelv, Budapest
MNyj. — Magyar Nyelvjárások, Debrecen
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsinki
MSzFE — A magyar szókészlet finnugor elemei I—III, Budapest 1967—1978
NyÉrt. — Nyelvtudományi Értekezések, Budapest
NyK — Nyelvtudományi Közlemények, Budapest
Nyr. — Magyar Nyelvőr, Budapest
SF — Studia Fennica, Helsinki
SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja I—VII, Helsinki 1955—1981
SKST — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, Helsinki
SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1—3, Helsinki 1992—2000
TESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I—IV, Budapest 1967—1984
TL — Tietolipas, Helsinki
TRÜT — Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Tartu
UAJb. — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden
UAS — Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, Bloomington—The Hague
UEW — K. R é d e i, Uralisches etymologisches Wörterbuch I—III, Budapest 1986—1991
UJb. — Ungarische Jahrbücher, Berlin—Leipzig
UUÅ — Uppsala Universitets Årsskrift, Uppsala
Vir. — Virittäjä, Helsinki
ВЯ — Вопросы языкознания, Москва
ЗУдмНИИ — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка, Ижевск
КЭСК — В. И. Л ы т к и н, Е. С. Г у л я е в, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва 1970; Сыктывкар 1999
ОМД — Очерки мордовских диалектов 1—5, Саранск 1961—1968
ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961
СФУ — Советское финно-угроведение, Tallinn 1965—1989
ТМарНИИ — Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Йошкар-Ола
ТМордНИИ — Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, Саранск

9 770868 473001